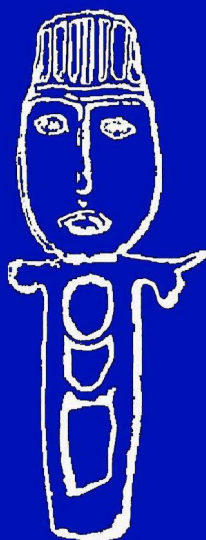

ISSN 2311-0546

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ HERALD OF ANTHROPOLOGY

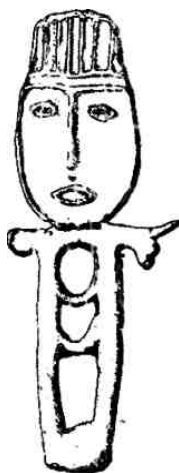

№ 4(44) 2018

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ / HERALD OF ANTHROPOLOGY / 2018 №4(44)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

**ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY**

№ 4 (44) 2018

**Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой информации.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Баринаева Е.Б., Белова Н.А. (отв. секретарь), Буганов А.В., Боруцкая С.Б.,
Васильев С.В. (гл. редактор), Герасимова М.М., Губогло М.Н., Дубова Н.А., Казьмина О.Е.,
Каландаров Т.С., Мартынова М.Ю., Григорьева О.М. (отв. секретарь), Халдеева Н.И.,
Харламова Н.В., Чешко С.В. (гл. редактор).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Блэйзер М. (США), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ),
Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Пашалы П.М. (Республика
Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США),
Тумаркин Д.Д. (РФ), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан), Чае-ван Лим
(Республика Корея), Чешко С.В. (РФ), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович

8 (495) 954 93 63

8 (495) 125 62 52

odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии

Чешко Сергей Викторович

8 (495) 954-83-29

8 (916) 288-63-04

ieamoscow@mail.ru

По вопросам оформления статей

Белова Наталья Андреевна

belovanatalia2009@yandex.ru

Интернет-сайт: www.antromercury.ru

ISSN 2311-0546

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2018

© Журнал «Вестник антропологии», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Крымские древности

<i>Иванов А.В.</i> Об истории антропологического изучения татар Крымского полуострова	5
<i>Васильев С.В.</i> К краниологии крымских татар	27
<i>Боруцкая С.Б.</i> Палеодемографическое исследование крымскотатарского некрополя Бахчи-Эли XIX–XX вв.	34

Зарубежные исследования

<i>Мартынова М.Ю.</i> Этнокультурные процессы в Республике Сербской на современном этапе	41
<i>Фаис О.Д.</i> Рестораны как научные центры по изучению и сохранению традиционной алиментарной культуры: новый экспериментальный опыт Сицилии	62
<i>Сорокина Е.А.</i> Некоторые реалии современной социокультурной жизни Швеции	76

Антропологическая мозаика

<i>Малькова В.К.</i> Стыд и СМИ, или еще одно общественное пространство для противостояния добра и зла	83
<i>Белова Н.А.</i> Профессиональная идентичность советских учителей (часть I)	104
<i>Феденок Ю.Н., Дронова Д.А.</i> Социокультурные аспекты инвалидности в современном российском городе (на примере г. Казани)	112

Наука – высшей школе

<i>Чешко С.В.</i> Проект учебника «этническая антропология». От науковедения и методологии к профессиональному образованию	123
<i>Герасимова М.М., Лейбова Н.А., Южакова А.В.</i> Молодежная антропологическая конференция (25–27 апреля 2018 г., Москва): итоги и размышления	133
Content	146
Our Authors	147
Правила оформления статей	148

*Уважаемые читатели, редакция от всей души поздравляет Вас
с наступающим **Новым годом!**
Желаем Вам творческих успехов, интересных проектов,
новых идей и исполнения всех желаний!*

КРЫМСКИЕ ДРЕВНОСТИ

УДК 572

© А.В. Иванов

ОБ ИСТОРИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ТАТАР КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В статье представлен исторический очерк и обзор источников, связанных с проблемой антропологического изучения близкого к современности населения Крымского полуострова – крымских татар. Имеющиеся данные позволяют рассматривать крымских татар как население неоднородное в антропологическом отношении, исследователи выделяют морфологические комплексы свойственные степным, горным и южнобережным группам крымских татар. По тексту статьи дается обзор довольно немногочисленных публикаций авторов конца XIX – 30 гг. XX в., работавших преимущественно с живыми представителями различных групп крымско-татарского этноса, а также публикаций более близкого к нам времени вводящих в научный оборот данные по имеющимся краниологическим сериям. Сохранившиеся вопросы в отношении выделения антропологических компонентов в составе крымско-татарского народа и, тем более, истории их формирования, требуют систематического введения в научный оборот новых антропологических материалов и их дальнейшего исследования с использования широкого спектра современных комплексных методов.

Ключевые слова: Крымский полуостров, крымские татары, антропология, краниология, этническая история, история науки.

Беспрецедентные по масштабу археологические исследования, предпринятые на территории Крыма в связи с выполнением федеральных целевых программ, дополнили антропологические коллекции значительными объемами материала, представляющего население региона от эпохи раннего металла до Нового времени.

Примечательным в этих работах было исследование ряда некрополей мусульманского населения Крыма Нового времени, редко привлекавших внимание археологов. Представляется, что введение в научный оборот полученного антропологического материала поспособствует разрешению многих актуальных вопросов связанных с этно-историческими процессами в среде тюркского населения полуострова и формированием современных этносов, в первую очередь крымских татар.

В сравнении с предшествовавшими периодами истории Таврики, Новое время

Иванов Алексей Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН. Эл. почта: ivav@yandex.ru.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00429.

недостаточно освещено с точки зрения изучения антропологического состава населения полуострова Крым. Причины этого кроются в относительной близости рассматриваемого периода к современности и общеизвестных проблемах этнополитического свойства, последствия которых до сих пор не преодолены в полной мере.

В этой связи представляется целесообразным представить ретроспективный обзор работ, посвященных антропологическому изучению крымско-татарского этноса, одни из них представляют в основном историографический интерес, отражая соответствующие им реалии, другие содержат данные вполне актуальные и для современного этапа исследований.

Обобщенные наблюдения характерного облика крымских татар присутствуют уже в трудах европейских авторов XVII в. Э.Д. д'Асколи и Г.Л. Боплана. Академик П.С. Паллас уделил внимание описанию антропологических типов, распространенных в среде крымских татар, населявших разные районы полуострова:

«Татар, живущих в Крыму, можно разделить на три отдела. В первом – ногайцы, а также составлявших остаток кубанских татар, взятых в плен в турецкой крепости Анапе и приведенных в числе 4500 в Крым <...>. Теперь они населяют свои собственные деревни <...>. Все эти ногайцы, как доказывают черты их лиц, наименее смешанные потомки монгольской расы, составлявшей большую часть войска Чингиз-хана, овладевшего, как известно, Россией и Крымом.

Во втором отделе – татары, населяющие равнину, или степи Крыма до гор и северную часть последних, и которые в Перекопском уезде, где они наименее смешаны, сохранили много сходства с монголами в чертах лица, имеют редкую бороду <...>. Приближаясь к горам, у этих татар, так же как у их дворянства, – кровь более смешанная с турецкой, но все еще они имеют несколько сходства в чертах лица с монголо-калмыками, хотя почти все крымское дворянство уже их не имеет.

Наконец, в третьем отделе – татары, населяющие южные долины гор, очень смешанная раса, по-видимому, происходящая из разных остатков народов, загнанных в Крым во время монгольского владычества. Этот отдел, как мы уже говорили выше, обладает совершенно иными чертами лица, имеет более густую бороду, волосы светлее, чем у прочих татар, и не почитается последними, давшими ему презрительное имя – тат» [1: 148].

Чрезвычайно любопытным представляется также свидетельство П.С. Палласа, наблюдавшего современную ему практику искусственной деформации головы у южнобережных татар Кикенеиза, Лимены, Симеиза и расположенной несколько восточнее Алупки: «Горские татары этих трех деревень имеют совершенно особый тип лица, отличающий их от всех других горских татар. Очень продолговатые лица, не пропорционально длинный и загнутый нос и сжатые с боков высокие головы, – все это делает большую часть из них настоящими карикатурами, остальные же менее карикатурные, имеют вид, по крайней мере, сатиров». «Татары, обитающие здесь (в Алупке), имеют сходство с симеизскими и лименскими: то же удивительное строение головы и лица, светлые или каштановые волосы, что редко встречается у крымских татар, так же как у греков или турок» [1: 74, 77]

В 1856–1857 гг. в Вестнике Имперского Российского Географического Общества было опубликовано этнографическое исследование Г. Радде, посвященное современному населению полуострова – крымским татарам, в последствие дважды (1857, 1879) выходившее отдельным изданием. Автор также обратил внимание на

неоднородность их антропологического типа и выделил три группы крымско-татарского населения – степную, горную и южнобережную. Он полагал, что собственно тюркское происхождение имели преимущественно степные группы, в то время как татары горной и прибрежной частей полуострова, в массе своей, являлись потомками разнородных племен, проживавших здесь задолго до нашествия татар [2: 2–5].

Первое антропологическое исследование крымских татар с использованием антропометрических методик было проведено К.С. Мережковским в ходе предпринятой им в 1880 г. экспедиции в Крым. Основной исследовательской задачей К.С. Мережковского было продолжение своих изысканий по археологии каменного века полуострова, однако контакты с московскими антропологами, в частности К.Н. Иковым убедили его в актуальности проведения краниометрических измерений современного населения Крыма и формировании коллекции «татарских черепов составляющих большую редкость во всех антропологических музеях» [3: 104].

Свои изыскания автор начал с северных – степных районов полуострова, где им были относительно успешно проведены измерения местных жителей – «Татарский тип в степной части Крыма чище, чем в Симферополе, и далее на Юг. Лица с приплюснутым и широким у корня носом, с узкими в виде щели глазами, с широкими скулами встречаются здесь значительно чаще. Зато и фанатизм жителей, и их суеверия развиты в высшей степени: при разрытии кладбищ, хотя и брошенных, мне пришлось близко познакомиться с этим фанатизмом» [3: 107].

Тем не менее, краниологическая коллекция была собрана в ходе раскопок заброшенных татарских кладбищ в Евпаторийском уезде при селениях Джума – Орта и Эльгеры Аблам (совр. с. Симоненко, Красногвардейского р-на.) – 3 черепа, и селении Айбар Перекопского уезда¹ – 18 черепов.

Результаты выполнения антропологической программы в предгорных районах Крыма оказались не столь успешны. При попытке раскопок обширного мусульманского кладбища вблизи села Каясты, добыв всего три черепа, исследователь столкнулся с саботажем рабочих, подстрекаемых местным муллой². Однако в селах Каясты и Ак-Кая удалось провести измерения живых субъектов.

В ходе дальнейших поездок по полуострову, К.С. Мережковский довел количество измеренных индивидов до 200 человек³ происходящих, главным образом, из степных районов, в меньшей мере наблюдениями были охвачены предгорные районы – окрестности Симферополя и деревни Сарабуз (совр. Гвардейское Симф. р-на.), села вокруг Зуи и округа Карасубазара (совр. Белогорск). На Южном берегу Крыма измерения проводились среди жителей Ялты и Алушты – по оценке автора около 20 субъектов.

К концу экспедиции краниологическая коллекция составляла около 80 единиц, к сожалению, в краткой публикации ее итогов автор не упоминает пунктов сбора материалов, кроме перечисленных выше.

Несколько слов об используемых К.С. Мережковским измерительных методиках. С основами методики измерений исследователя познакомил К.Н. Иков, в начале 80 годов предложивший свой вариант измерительной и описательной программ, отличный от методики П. Брока, особенно в части пигментации глаз и волос, несколько позже утвержденный Императорским обществом любителей естествознания и этнографии и изданный в качестве унифицированной инструкции для отечественных исследований [4: 292–314].

В публикации К.С. Мережковский представил средние данные по 14 признакам и вычисленным на их основе указателям характеризующих живых индивидов. Более детальные выводы, как и публикацию материалов краниологической коллекции, исследователь анонсировал как дело ближайшего будущего: «как только позволит время». Не станем упрекать К.С. Мережковского в том, что времени на обработку и публикацию собранных данных он так и не нашел, материал частично сохранился и спустя ровно сто лет все же был обработан и опубликован В.П. Алексеевым [5: 170–181].

По мнению К.С. Мережковского, татарское население полуострова представлено тремя основными антропологическими типами «отличающимися довольно резкими особенностями»: южнобережные татары, отличающиеся большей или меньшей примесью греческой крови⁴, степные или, как их определяет автор, «ханские» татары (их облик был охарактеризован выше), как полагал исследователь, в наибольшей мере воплощающие антропологический тип свойственный крымско-татарской народности, и ногайцами, которых по свидетельству автора в Крыму осталось совсем немного и встретить их можно только в отдельных селах Перекопского уезда⁵.

Кроме собственно татар, К.С. Мережковский обратил свое внимание на еще одну своеобразную этническую группу крымских мусульман – цыган, определявших себя в качестве «туркмен» и также отметил своеобразие их антропологического типа в сравнении с собственно татарами. В частности, особенности морфологии лицевого отдела, и определенно более низкие значения головного указателя с явной тенденцией к мезокефалии [3: 116]. Эти наблюдения особенно интересны в контексте исторических перипетий, произошедших с и без того немногочисленной этнической группой на протяжении последнего столетия, приведших к практически полной ассимиляции ее остатков.

Упомянул автор и о продолжавшей существование практике искусственной деформации головы: «употреблению у татар повязок и шапочек, сдавливающих у детей голову» и, по мнению автора, «придающих ей большую округлость» [3: 120].

Таким образом, фактически студенческая работа, выполненная неопытным антропологом как «попутное исследование», по постановке задач, охвату территории, объему проведенных полевых наблюдений, масштабу сбора коллекционного материала и представлении его в предварительной публикации была выполнена на уровне вполне соответствующем аналогичным работам признанных европейских авторов последней четверти XIX в. Остается только сожалеть, что антропологическая тематика осталась на периферии научных интересов К.С. Мережковского и не получила дальнейшего развития в его позднейших публикациях.

Начало 1890 гг. было отмечено публикацией в «Дневнике антропологического отдела Императорского общества любителей естествознания антропологии и этнографии», цикла работ, посвященных антропологии современного татарского населения Южного берега полуострова, за авторством П.С. Харузина, К.Н. Икова и Н.И. Лыжина.

К.Н. Иков, проживавший в этот период в Ялте, в 1889 г. представил в Антропологический отдел общества рукописный отчет, на основе которого позже опубликовал небольшую статью «К антропологии татар Южного берега Крыма» [6: 4–6], основанную на собственных наблюдениях 1888 г. Им было измерено 126 (взрослых 82) индивидов, проживавших в Алушке и ближайшей округе Ялты – деревнях Дереккой и Ай-Василь. В публикации автор приводит усредненные данные по головному указателю, отмечая подавляющее преобладание брахикифального компонента, незначительная примесь долихокефальных индивидов рассматривается им как случайная, отмечает распро-

странение приобретенной в младенческом возрасте плагиоцефалии – асимметричного уплощения затылочного отдела и приводятся некоторые данные по пигментации волос и глаз и их комбинациях свойственных рассматриваемому населению.

В этно-историческом контексте К.Н. Иков полагал население Южного берега Крыма целостной общностью только в этнографическом отношении, по своему происхождению являвшую «смесь самых разновременных и резко-различных племенных наслоений и ингредиентов»⁶. Соответственно в антропологическом плане автор видит в нем некую «смесь типов, а никак ни один или два специально выработавшихся «южнобережных» типа» и «довольно однообразную серую массу, без типичных ярких черт и особенностей», включая и средние значения роста, близкие к общемировым «как и следовало ожидать при смешении типов» [6: 3–6].

Статья Н.И. Лыжина «Антропологические наблюдения за Таврическими татарами» представляет авторские материалы, собранные в 1890г., работа не содержит сколько-нибудь четко сформулированных выводов и имеет чисто публикационный характер [7: 6–22].

Наблюдениями исследователя было охвачено население различных ландшафтных зон полуострова. Население степного Крыма представлено выборками из деревни Сиджеут Перекопского уезда (территория совр. Первомайский р-на., в настоящее время не существует) – 13 человек, деревни Шакул (Шакил, Шакул) Феодосийского уезда⁷ (совр. с. Марково Советского р-на.) – 12 чел. Кроме того 6 человек относимых автором к ногаям было обмерено в деревне Юзкуя (совр. с. Азовское Генического р-на.) в материковом Мелитопольском уезде Таврической губернии. В горных районах Феодосийского уезда (в настоящее время территория гор. округа Судак) Н.И. Лыжин провел измерения 20 жителей сел Биюк-Таракташ (совр. Дачное), Токлук (совр. Богатовка) и Коз (Козы, Къоз) (совр. Солнечная долина) и завершил экспедицию измерением 7 жителей г. Бахчисарая⁸.

В соответствии с районами сбора материала Н.И. Лыжин опубликовал средние значения измерений по трем группам населения полуострова – соответственно горным, бахчисарайским и степным татарам. Кроме выполнения кефалометрической программы, включавшей 16 измерений преимущественно мозгового отдела, впервые были собраны данные по соматометрии крымско-татарского населения. Измерение проводились по достаточно подробной программе включавшей измерения роста, конечностей, таза и грудной клетки, окружностей туловища на разных уровнях и вычисления многочисленных индексов на их основе.

Отдельно следует рассмотреть цикл публикаций А.Н. Харузина. В 1890–1891 гг. им были опубликованы три статьи «Заметка о татарах Южного берега Крыма», [8: 59–62], «О росте татар Южного берега Крыма» [9: 80–87] и «Татары Гурзуфа» [10: 249–270, 11: 303–322].

Задачи своего исследования автор формулирует следующим образом: «При изучении южнобережных татар есть двоякий антропологический интерес: с одной стороны, рассмотреть те интересные продукты помеси, существующие в действительности, а с другой стороны воссоздать по мере сил тип тех народностей, которые некогда жили здесь, но с течением времени «вымерли», т.е. исчезли, смешавшись между собой» [10: 250].

Измерениями было охвачено жителей Гурзуфа – 35 чел., Ай-Василя – 22 чел., Дерикоя – 32 чел. и Алупки 28 чел. – все мужчины. Основное внимание автор

уделил обсуждению данных полученных по населению Гурзуфа. По результатам довольно обширной программы измерений, антропологический тип гурзуфских татар характеризуется следующим образом: их рост выше среднего, голова довольно крупная, черепная коробка высокая, весьма короткая и широкая, по продольно-поперечному указателю выраженно брахикранная, лоб широкий круто поднимающейся, затылок несколько уплощенный широкий. Лицевой отдел не особенно крупный, пропорционально невелика нижняя треть лица. Скулы выступающие, однако, скуловой диаметр «не следует считать особо выдающимся». Нос «очень большой», при средней ширине переносья [11: 320].

Исследователь придерживается мнения о различном происхождении территориальных групп крымских татар даже в пределах южного бережья, «слившихся в нечто целое», благодаря сформировавшейся языковой и конфессиональной общности. А.Н. Харузин также полагал, что для татар Южного берега возможно выделение присущего им антропологического типа с локальными вариациями: «Многие говорят, что южнобережные татары имеют греческий тип, но это не справедливо – татары Крыма имеют свой тип, действительно сильно колеблющийся по отдельным местностям, тем не менее, своеобразный. Главенствующий и при этом преобладающий элемент был, очевидно, не тюркский, хотя последний и вошел в местное население, впрочем по-видимому не в значительной степени <...> в нем нет даже отдаленного сходства с типом монгольским или тюркским, хотя впрочем в окрестностях Ялты и можно (хотя довольно редко) встретить субъектов с монголоидными чертами более или менее резко выраженными» [8: 60].

В отношении татар Гурзуфа А.Н. Харузин полагает, что хотя гурзуфский тип и имеет много своеобразных черт, тем не менее, «не следует отрицать известную долю иранства в их типе, а также цыганские черты <...>, что может быть объяснено или тем, что среднеазиатские цыгане перемешались с иранцами, либо тем, что гурзуфские татары перемешались с крымскими цыганами», в большей или меньшей мере автор распространяет это и навесь Южный берег [11: 320].

Учитывая собственный опыт работы с антропологическими материалами, представляющими средневековое население Южного бережья, весьма важным представляется следующее замечание Н.И. Харузина: «При исследовании крымских татар следует обязательно отмечать деревню, из которой происходит тот или иной субъект, так, как я уже сказал, тип сильно варьирует по местностям». Татарское население Гурзуфской округи (дер. Гурзуф, Кизилташ [совр. Краснокаменка], Никита [совр. Ботаническое]) он характеризовал как относительно высокорослое и резко брахицефальное, западнее, ближе к предместьям Ялты (дер. Дереккой, Ай – Василь [обе в черте совр. Ялты]) появляются сравнительно малорослый суббрахицефальный и мезоцефальный компоненты, еще западнее ближе к Алушке при отсутствии промежуточных мезоцефальных форм присутствует примесь долихоцефального компонента [8: 60–62, 9: 250–252].

Публикации А.Н. Харузина сопровождалась прекрасно выполненными портретными снимками жителей Гурзуфа и Ялты. По тексту публикаций автор комментирует морфологические особенности представленных на снимках типажей.

В 1891 г. была опубликована работа А.Н. Харузина «Древние могилы Гурзуфа и Гугуша», одновременно с изучением современного населения Гурзуфа А.Н. Харузин проводил раскопки средневековых погребений в пределах деревни Гурзуф и

прилежащем урочище Гугуш⁹. Следуя авторитетным мнениям историков и археологов конца XIX в., автор определил их как принадлежавшие потомкам крымских готтов [12: 101]. Исследователь вполне корректно охарактеризовал антропологический тип погребенных в указанных некрополях и, сопоставив его с известными краниологическими сериями, в том числе современным крымско-татарским населением, констатировал между ними резкие отличия, по его мнению, исключающие какую-либо генетическую связь [12: 90–91].

После публикаций начала 90 гг. XIX в. в антропологическом исследовании крымских татар наступает длительный перерыв и новые работы появляются только на рубеже 20–30 гг., наступившего XX века, что не в последнюю очередь связано с национальной политикой «коренизации», проводившейся советским правительством на местах. С середины 20-х гг. по крымским татарам публикуются этнографические исследования Г.А. Бонч-Осмоловского, Б.А. Куфтина, У.А. Боданинского, антропологи также не остаются в стороне от проблематики, связанной с исследованиями населения региона.

Одной из задач, стоящих перед научным составом комплексной крымской экспедиции Г.А. Бонч-Осмоловского, была ревизия антропологических данных по территориальным группам крымско-татарского этноса. В ходе работ экспедиции были собраны кефало- и антропометрические данные по 700 индивидам, представлявшим степную, горно-предгорную и южнобережную ландшафтные зоны. Полученные материалы были проанализированы в работе Н. Тербинской – Шенгер (1928).

Морфологические характеристики степной группы крымских татар сопоставлялись с опубликованными к тому времени данными по казанским татарам и ногайцам, соответственно татарское население северных предгорий и горной части полуострова с крымскими же караимами, крымчакам и цыганами, южнобережная группа с греками и турками османами [13: 14].

Основываясь на данных о росте, длине и пропорциях конечностей, характере пигментации кожных покровов и волос, исследователь отметила изменение морфологических характеристик населения от северных к южным регионам полуострова Крым.

В сравнении с жителями южнобережья, татары степных районов представляются сравнительно низкорослыми, с пропорционально меньшей длиной ног, шириной плеч и тазового отдела. От степи к южнобережью также увеличиваются высота черепа, длина глазной щели и уменьшается угол косого разреза. Татары горно-предгорной зоны по приведенным характеристикам представляются ближе к степным, однако по пропорциям лицевого отдела более схожи с южнобережными.

По мере продвижения на Юг также уменьшается частота наблюдений эпикантуса, уменьшается скуловой диаметр, спинка носа от вогнутой через прямую, переходит к форме с горбинкой. Пигментация кожных покровов изменяется от желтоватой к смуглой, а волосы от прямых к вьющимся. В соответствии с представлениями о расовых типах распространенными в первой четверти прошлого столетия, автор делает вывод об ослаблении признаков «альпийской» расы при усилении признаков «динарской». [13: 51].

Почти одновременно с работой Н. Тербинской-Шенгер опубликованы две украиноязычные статьи А.Н. Носова (1929, 1930). Материал для работы был собран в ходе экспедиции, предпринятой в 1927 г. при поддержке наркомата просвещения Крымской АССР. Были получены измерения по 179 (все ♂) индивидам, в основном

проживавшим в селах Карасубазарского (совр. Белогорского) – 55 чел., Судакского – 90 чел. и Феодосийского – 20 чел. районов¹⁰. Измерения проводились по методике, утвержденной на XIII (Монако, 1906) и XIV (Женева, 1912) Международных конгрессах предистории и антропологии [14: 12]. В приложении к публикации впервые были обнародованы таблицы индивидуальных измерений, причем в соответствии с рекомендациями А.Н. Харузина, с указанием населенных пунктов, откуда происходили обследованные индивиды и 39 их портретных фотоснимков.

А.Н. Носов пришел к общему с предшественниками выводу, что исследованное им население почти по всем значимым антропологическим признакам является смешанным и не является целостной антропологической единицей: «здесь перемешаны разнообразнейшие признаки в разных способах и комбинациях» [14: 42].

Следы «основного антропологического типа татар», свойственного им ко времени проникновения на полуостров в XIII в. исследователь усматривает в облике населения степных районов Крыма. Антропологические признаки, по мнению А.Н. Носова «влившиеся» в «основной антропологический тип татар» уже после их появления в Крыму исследователь определяет в качестве «чужих», впрочем, не ставя вопроса об их происхождении.

По его мнению, распространение «чужих элементов» среди обследованного населения ярче проявляется в округе Судака в виде более высокого роста, ослабления брахикефалии в сочетании с уменьшением высоты черепа, более мягкого, овального абриса лицевого отдела, укрупнением и более резким выступанием носа, в сочетании с «изогнутостью» его профиля, «ясной» пигментации волос и глаз.

В расположенном севернее и отделенном от Судакской долины горным массивом Карасубазарском районе чаще встречаются темная и смешанная пигментация, уменьшается рост, усиливается брахикефалия, увеличиваются ширина лица и скул, нос уже и менее выступающий, чаще встречается его вогнутая спинка.

Для Феодосийского района и горного Крыма в целом исследователь не берется выделить сколько-нибудь определенных антропологических типов, рассматривая здешнее население как очень смешанное, вобравшее в себя многие «чужие антропологические элементы различного характера». Одновременно он видит в нем некие переходные типы между «степными» и «прибрежными» татарами у коих «чужие» признаки проявляются в наибольшей степени.

Выявление «настоящего антропологического типа крымских татар» А.Н. Носов связывает с углубленным антропологическим исследованием населения степной ландшафтной зоны и выявлением «форм и причин» его изменения в историческом контексте [14: 42–43].

Вторая статья А.Н. Носова (1930) была опубликована в журнале «Східний світ» и была, так сказать, адаптирована для специалистов гуманитарных направлений, представляя возможности антропологического исследования в разрешении вопросов этно-исторического содержания [15: 301–313]. Автор акцентирует внимание на проблемах актуальных для антропологов 20-х гг., заинтересованных крымской проблематикой: «нам совсем не известен антропологический тип татарского народа периода заселения ими Крыма», в сочетании с явным недостатком антропологических данных о «народах генетически связанных с крымскими татарами и народов местных, каких татары застали уже в Крыму, переселившись туда, а также и народов которые исторически могли быть тем или иным образом связаны с крымскими тата-

рами» [15: 302]. Исходя из этого, центральный вопрос антропологического исследования крымско-татарского населения А.Н. Носов формулирует следующим образом: «Сберегли ли они основной свой тип или изменили его, в каких именно территориальных частях Крыма, с какими народами они могли смешиваться, и как это отразилось на их типологии?» [15: 303]. В фактологической части статьи уже были учтены данные недавней публикации Н.Теребинской-Шенгер. Автор, в основном, придерживается выводов, сформулированных в своей предшествующей публикации.

На рубеже 20-30-х гг. Г.И. Петров в качестве антрополога принимал участие в масштабных, по тому времени, исследованиях городища Эски-Кермен, в дальнейшем им были опубликованы предварительные результаты исследования антропологических материалов эски-керменских некрополей [16: 12–18]. Одновременно исследователя заинтересовало современное ему население близлежащей деревни Черкес-Кермен (в послевоенное время с. Крепкое Бахчисарайского р-на. после 1977 г. из списков населенных пунктов исключено).

У некоторой части ее жителей наблюдались черты, по его мнению, некогда свойственные физическому облику крымских готов – высокий рост, более светлая пигментация волос, глаз и кожи, и т.д. Наличие у жителей деревни «светлого» типа Г.И. Петров связывал с обитанием здесь в прежние времена германцев, но, в то же время, отмечал, что наряду со «светлым» антропологическим типом, в Черкес-Кермене преобладало население совершенно иных морфологических особенностей, вполне характерных для народов Кавказа и Турции. Результаты наблюдений были представлены в заметке: «Потомки готов в Советском Крыму» [17: 296–297].

В дальнейшем, полагая раннесредневековое германское население Таврики исторической реальностью, Г.И. Петров все же пришел к непредвзятому выводу о том, что единого антропологического типа характеризующего крымских готов, не существовало [16: 18].

В связи с заметкой Г.И. Петрова следует отметить публикацию Я.Я. Рогинского «Антропологический тип татар из Ускута» (1961). Хотя она и была опубликована много позже, но ретроспективно отражает исследования, проведенные автором еще в 1928 г., опять же, связанные с «готской проблемой».

Внимание исследователя привлекла группа проживавших в деревне Ускут (совр. с. Приветное Судакского р-на.) семейств, объединенных фамилией Гото, общим числом несколько более 100 человек (включая и тех, у кого фамилию носил один из родителей). Удалось установить, что указанная группа состояла из родственников, но точную степень их родства установить так и не удалось. Фоновую выборку составляли около 150 жителей Ускута, не принадлежавших клану Гото; в их отношении автор отметил отсутствие каких-либо признаков монголоидности.

Среди представителей клана несколько чаще наблюдалась светлая пигментация глаз и волос, встречалось меньшее число индивидов с выпуклой спинкой носа. В сравнении с основной массой жителей Ускута, наблюдались отличия в пропорциях лицевого отдела, в то же время по основным параметрам черепной коробки различий выявлено не было [18: 49–53].

По мнению исследователя, до четверти выборки «Гото» обнаруживали морфологические черты свойственные населению севера Европы и были зафиксированы на антропологических бланках как «северный тип». Автор с большой степенью допущения предположил, что указанные наблюдения не исключают возможности примеси в груп-

пе татар «Гото» некоего северного компонента, однако его связь непременно с готами представлялась сомнительной [18: 53, 61]. Констатировать сохранение связи северного расового типа с фамилией Гото на протяжении более чем полутора тысяч лет в условиях свободного скрещивания автор естественно отказывается и относит появление фамилии к неопределенным обстоятельствам более позднего времени [18: 59].

С не меньшей вероятностью своеобразное сочетание признаков могло возникнуть в качестве локального варианта и без всякой «готской примеси» в результате стохастических процессов, примером тому исследователь привел аналогичные явления, наблюдаемые в среде народов Кавказа, где уж точно отсутствовал какой-либо компонент северного происхождения [18: 58].

От себя отметим, что выводы Я.Я. Рогинского небезынтересно сопоставить с этнографическими наблюдения XIX в., свидетельствующими о склонности ускутских татар к эндогамным бракам внутри своей общины и решительном нежелании принимать в свое сообщество даже жителей близлежащих деревень [19: 228], что, вероятно, поспособствовало сохранению морфологического своеобразия здешнего населения. Кроме того, анализ фамилий представителей местной мусульманской общины начала XX в. позволяет предполагать присутствие в их числе прозелитов греческого происхождения, вероятно принявших ислам в конце XVIII в, дабы избежать переселения в Приазовье [20: 785].

Из публикаций 20–30 гг. следует также упомянуть работы, опосредованно связанные с антропологией – посвященные конституционным особенностям строения тела [21: 73–77] и гематологическому исследованию крымско-татарского населения [22: 1690–1696]. Рассмотренными выше работами список довоенных исследований, а точнее сказать, публикаций, предшествовавших депортации крымско-татарского народа, исчерпывается.

После известных событий 1944 г. исследование культурно-исторического наследия крымских татар на территории Крыма ставится на грань идеологически допустимого, что было официально закреплено в решениях Объединенной научной сессии отделения истории и философии Крымского филиала АН СССР, проведенной в Симферополе 1952 г. Представляется небезынтересным представить некоторые из них, оказавшие долговременное влияние на тематику этно-исторических, а вместе с ними и антропологических исследований Крымского полуострова.

2. Тщательно и разносторонне изучать связи коренного населения Крыма с земледельческим населением Восточной Европы во все эпохи, обратив особое внимание на связи с древними славянами.

8. На основе глубокого изучения разоблачить фальсификацию истории готов как вариант реакционной норманнской теории.

9. Широко и разносторонне изучать историю проникновения славян и славянские поселения в Крыму.

12. Решительно бороться против идеализации хазар, печенегов, половцев и татар в истории Крыма [23: 793].

На годы исследовательскими темами, имевшими поддержку, стали «хищническая сущность» крымско-татарской государственности и история конфликтов Московского государства – Российской империи и Крымского ханства, закономерно приведших полуостров к вхождению в ее состав, антропологической проблематике в них естественно места не находилось.

Научные исследования некрополей крымского мусульманского населения до начала 90 гг. практически не проводились, даже в случаях их массового разрушения в ходе строительных работ, тем более до антропологического материала никому дела не было. Немногочисленные серии, дошедшие до исследователей, были собраны в 70 гг. в Северном Крыму в качестве материала из погребений средневековых кочевников [24: 25–31, 25: 94–107]. Справедливости ради отметим, что идеологическое обременение, безусловно, присутствовало, но при этом практически отсутствовал научный интерес к рассматриваемой проблематике среди самих исследователей.

Исключение представляет работа В.П. Алексеева «Характеристика краниологических материалов из поздних мусульманских захоронений Крыма» (1980). Данные использованные в статье, как отмечает сам автор, были получены в 1957–1967 гг., т.е. задолго до ее публикации. Была проанализирована объединенная серия из 53 единиц (31♂, 22♀) включавшая краниологическую коллекцию К.С. Мережковского, хранящуюся в фондах МАЭ «Кунсткамеры» РАН, а также материалы, хранящиеся в Музеях при кафедрах нормальной анатомии Военно-Медицинской Академии, и Одесского мединститута [5: 169–170]¹¹.

Похоже, что В.П. Алексеев намеренно избегает употребления этнонима «крымские татары», равно как и не приводит ссылок на публикацию К.С. Мережковского, из которой абсолютно ясно, с каким материалом исследователь имел дело. При этом автор вполне осведомлен, что «К.С. Мережковский раскапывал в Крыму очень поздние могильники, опираясь на существовавшую тогда этнографическую традицию» [5: 170].

Цель своей работы В.П. Алексеев сформулировал как «расширение границ этногенетических сопоставлений», его интересовало, в какой степени в материалах позднейшего времени сохранились основные антропологические компоненты, зафиксированные для средневекового периода истории Крыма [5: 169].

В.П. Алексеев характеризует серию как европеоидную, фиксируя лишь отдельные измерения на единичных черепках как свойственные монголоидным группам и полагает, что отдельные субъекты с «какими-то монголоидными чертами» занимали в составе населения Крыма XVII–XIX вв. «ничтожное» место, указывая, что его вывод полностью согласуется с соматологическими наблюдениями Я.Я. Рогинского [5: 170–171]. Отметим, что наблюдения Я.Я. Рогинского касались отдельной деревни в глубине горной части Крыма, отличавшейся весьма специфическим составом населения, а приводившиеся выше мнения по данному вопросу других авторов не столь однозначны.

Морфологические характеристики краниологической серии В.П. Алексеев описал следующим образом: «Черепная коробка короткая и низкая, при этом очень широкая, по продольно-поперечному указателю резко брахикранная. Лоб и затылок умеренно широкие. Положение лобной кости близко к вертикали. Лицо по абсолютным размерам средневysокое при умеренной ширине, по соотношению к широтным размерам черепной коробки лицо относительно узкое и достаточно высокое. Высота и ширина орбит средняя, нос относительно узкий при средней ширине грушевидного отверстия» [5: 171].

По мнению исследователя, рассматриваемый краниологический комплекс в «тех или иных модификациях» широко представлен в восточных районах распространения европеоидных популяций. Начиная с эпохи бронзы, он фиксируется во многих могильниках Средней Азии и Поволжья. В расовых классификациях европеоидов он фигурирует как северный вариант понто-загросской расы, туранской расы, расы среднеазиатского междуречья или памиро-ферганской расы и имеет восточное про-

исхождение, восходя к носителям окуневской и карасукской культур эпохи бронзы. Распространение комплекса в средневековое время в Юго-Западном направлении, захватившим степные территории Кавказа и Крыма автор связывает с расселением протоболгар, но при этом не исключает и возможность его формирования непосредственно на территории полуострова, независимо от восточных влияний [5: 178–179].

Распространение указанного антропологического типа на территории Крымского полуострова автор относил к I тыс. н.э. Сопоставляя материалы мусульманских захоронений с краниологическими сериями, представляющими средневековое население Крыма, наиболее близкими были признаны серии, происходящие с внутригородских некрополей византийского Херсона XI–XIII вв., погребений того же периода на городище Эски-Кермена и позднейших некрополей Каламиты-Инкермана XV–XVIII вв. Определенное сходство В.П. Алексеев также усматривал с материалами Мангупа и Керчи [5: 181]. Представляется, что на современном этапе исследований выводы В.П. Алесеева требуют углубленного обсуждения и, на наш взгляд, детализации и коррекции, что, впрочем, выходит за пределы темы настоящей публикации.

Отдельно отметим работу Г.Л. Хить посвященную дерматоглифике крымских татар (1995). Материал для исследования был собран в 1979 г.¹² в Узбекистане, где после депортации 1944 г. проживало значительное количество крымских татар. Полученные данные представляли 147 индивидов (♂ 75; ♀ 72) происходивших из различных регионов полуострова [26: 175].

В целом Г.Л. Хить охарактеризовала крымских татар как популяцию метисного типа, отметив ее сходство с древнейшими группами населения Средней Азии, характерных своеобразным сочетанием монголоидных и южно-европеоидных особенностей [26: 178]. Исследователь пришла к выводам, что горная и южнобережная группы крымских татар обнаруживают близость современным южными популяциям населения Восточной Европы и Северного Кавказа. В то же время у татар степных районов полуострова отчетливо выражен монголоидный компонент [26: 187–190].

В 2003 г. вышла в свет коллективная монография сотрудников отдела Физической антропологии ИАЭ РАН «Антропология ногайцев» в приложении за авторством С.М. Круц [27: 206–239] были введены в научный оборот материалы XVI–XVIII вв., представляющие ряд антропологических серий ногайцев с территории степного Крыма и Северной Таврии, входивших в рассматриваемый период в границы Крымского ханства. С территории полуострова материал был получен в ходе исследований разновременных курганных захоронений возле современных сел Целинное (кург. № 15, 16) и Чкалово (кург. № 4) в крымском степном Присивашье [24: 25–31, 25: 94–107].

Анализ источников и картографических материалов дает основания полагать, что исследованные могильники принадлежат не кочевникам-ногайцам, а оседлому населению периода Крымского ханства и несколько более позднего времени, и представляют собой частично исследованные сельские мусульманские некрополи жителей селений Сарык (курган № 4 при с. Чкалово) и Коккоз (курганы № 15, 16 при с. Целинное)¹³, прекративших свое существование в середине XIX века в результате эмиграции их населения в пределы Османской империи и, соответственно, могут рассматриваться в числе серий представляющих татар степных районов полуострова Крым.

Был исследован материал из 50 погребений, проведены измерения 26 мужских и 10 женских черепов и длинных костей 10 индивидов [27: табл. 1–5]. Реконструированный рост погребенных мужчин в пределах средних значений, женщин – ниже среднего.

Для мужских черепов характерна брахикrania, при большой ширине черепной коробки в сочетании со средними значениями продольного и поперечного диаметров. Высота и ширина лицевого отдела средние, при умеренной профилировке в горизонтальной плоскости. Переносье средневysокое, нос средневыступающий, орбиты мезоконхные.

Женские черепа более длинные, однако, в пределах значений, указывающих на брахикrania, с меньшей высотой свода и большей высотой носа. Особенности женской выборки С.И. Круц полагает более сильное проявление монголоидных признаков – уплощенности лицевого отдела на верхнем уровне, тенденцию к сужению носовых костей, низкие значения симотического указателя и меньшую глубину FC. [27: 206–207].

Следует также отметить одонтологические наблюдения исследователя, зафиксировавшей в 50% наблюдений выраженное проявление лопатообразности резцов [27: 207].

Привлекая для сравнительного анализа материалы средневековых кочевнических серий из Северного Причерноморья печенежского и половецкого круга и, опубликованные В.П. Алексеевым, материалы из позднесредневековых мусульманских могильников Крыма, С.И. Круц полагает исследованное население смешанным, пребывавшем в постоянном процессе метисации, при этом, по ее мнению, происходило неоднократное наложение как европеоидных, так и монголоидных элементов [27: 233].

В заключение представленного обзора полагаем возможным обратиться к собственным публикациям близким рассматриваемой проблематике. В 1993 г. экспедицией отдела Охраны памятников Бахчисарайского историко-культурного заповедника были проведены раскопки мусульманского некрополя XVIII в. в 6-м микрорайоне г. Бахчисарая [28: 52]. Полученный антропологический материал был исследован и опубликован автором [29: 360–366]. Из 21 костяка, 9 принадлежало мужчинам, 2 женщинам, остальные детям разных возрастов. Полный комплекс измерений был произведен на черепах мужской выборки, женские отличались неважной сохранностью.

Все черепа представлялись достаточно грацильными, с умеренно развитым рельефом. Серия характеризуется малыми-средними величинами продольного и средними-большими поперечного диаметров, при средней высоте черепной коробки. По продольно-поперечному указателю серия резко брахикранная. Лоб относительно покатый, среднеширокий, затылок широкий. Лицо ортогнатное, невысокое, верхняя ширина в границах малых величин, скуловой диаметр средний. По горизонтальной профилировке лицевого отдела серия смешанная, величины NM угла двух черепов определенно указывают на уплощенность лицевого отдела на верхнем уровне, несколько черепов также демонстрируют значительные величины ZM угла, в сочетании с небольшой глубиной FC. Нос сильновыступающий, мезоринный, с высоким переносьем. Орбиты высокие, при средней ширине [29: 361–362, таблицы 1–2].

Сильная вертикальная профилировка, выступающий нос с высоким переносьем, сравнительная узколицесть дают основания считать серию европеоидной, вместе с тем в ряде случаев сочетание признаков позволяет говорить об уплощенности лицевого отдела по меньшей мере у двух индивидов, что все же не исключает присутствия в ее составе некоторого монголоидного компонента [29: 362].

Материалы некрополя «6 МКР Бахчисарая» сопоставлялись со сборной серией из мусульманских захоронений полуострова опубликованной В.П. Алексеевым, упоминавшийся выше серией из Инкермана османского времени и данными по населению

Рис. 1. Типы жителей Таврической губернии. Худ. Л.Л. Белянкин 1894 г.
 1. Мулла из степных татар; 2. Мещанин г. Симферополя; 3. Рассыльный из степных татар; 4. Степной татарин дер. Седжеут; 5. Степной татарин дер. Шакыл, Феодосийского уезда; 6. Караим; 7. Девушка из горных татар; 8. Женщина из горных татар дер. Таракташ; 9. Горный татарин из дер. Таракташ; 10, 11. Южнобережные татары г. Ялта; 12-15. Предметы материальной культуры. 16. Степной крымский Цыган - мелочной разносчик; 17, 18. Степные крымские Цыгане-поденщики.

Эски-Кермена XII–XIII вв., которая, на наш взгляд, отражает наиболее общие морфологические особенности, свойственные средневековому населению Юго-Западного Крыма. Все серии обнаружили достаточную близость в рамках брахикранных, среднешироколицых европеоидных типов рассматривавшихся выше. В сравнении с более ранним Эски-Керменом, серии из мусульманских некрополей обнаружили отличия по величине угла профиля лба от мет. (<), скуловому диаметру (>), верхней высоте лица (>) и соответственно верхнелицевому указателю (>). Сохранить краниологическую коллекцию автору не удалось.

В 1992–1993 гг. автором был исследован участок городского некрополя Балаклавы. На момент публикации антропологического материала [30: 412–431] памятник интерпретировался в качестве христианского некрополя позднесредневекового времени, однако анализ картографических материалов последней четверти XVIII в. и деталей погребального обряда заставляет меня пересмотреть свои прежние выводы и рассматривать памятник как некрополь мусульманской общины города османского времени использовавшийся до 1771 г.

Материал хранится в ГИАМЗ «Херсонес Таврический».

После реставрации пригодными для измерения признаны 19 черепов, принадлежавшие соответственно 11 мужчинам и 8 женщинам. Полученные данные свидетельствуют о смешанности серии практически по всем морфологически значимым признакам. По величине продольно-поперечного указателя, как в мужской, так и в женской выборках присутствуют брахи – , мезо – , и долихокранные черепа, причем как брахи – , так и долихокрания выражены весьма резко, мезокраны тяготеют к брахикранным группе. По высоте черепной коробки также наблюдается разнообразие, но преобладают индивиды с большими величинами высотно – продольного и высотно-поперечного указателей. Профиль лба в мужской выборке встречается как покатый, так и близкий к прямому. Ширина затылка значительна по всей серии вплоть до очень больших значений признака. Горизонтальная профилировка лицевого отдела в мужской выборке в основном хорошая, но встречаются индивиды с ослабленной, как на верхнем, так и на среднем уровне, глубина клыковой ямки средняя. По высотным параметрам лицевого отдела вся серия, изрядно смешанная с преобладанием больших значений. Верхнелицевой указатель вычислен только для мужчин, встречаются как индивиды с широким низким, так и более высоким и узким лицевым отделом.

Абсолютные размеры лицевого отдела у рассматриваемой серии весьма значительны, что в сочетании с развитым рельефом и крупной и очень широкой нижней челюстью производит впечатление исключительной массивности лицевого отдела, что вовсе не характерно для населения рассматриваемого региона.

Величины дакриального и симотического указателя весьма вариабельны, встречаются индивиды, как с низким, так и высоким переносом, равно как и промежуточные варианты. По носовому указателю мужская выборка разделилась на две подгруппы с выраженной плати – и лепторинией, женская выборка мезоринная. Как мужская, так и женская выборки имеют низкие и средневысокие орбиты, у мужчин они имеют выраженно-угловатую форму [30: 417–424].

По данным межгруппового анализа рассматриваемая выборка занимает обособленное положение по отношению к известным антропологическим сериям средневекового ЮЗ Крыма и Южнобережья, в том числе материалам XIV–XV вв. из самой Балаклавы. Выделяясь в первую очередь массивностью, весьма большими абсолют-

ными размерами лицевого отдела и большей части параметров черепной коробки, ощутимым присутствием высоколицевого и долихокранного компонентов [30: 429].

Этот примечательный факт требует объяснения. С последней четверти XV в. до 1771 г. горная часть полуострова вплоть до Кафы-Феодосии, включая и южный берег Крыма вместе с г. Балаклава де юре не входила в состав Крымского ханства, образуя санджак – отдельную административную единицу – крымский домен султана Оттоманской Порты. Формирование мусульманской общины региона в XVI–XVIII вв. имело здесь свои особенности, учитывая тот факт, что в его состав вошли территории завоеванных османами княжества Феодоро и колоний коммуны Генуи, населенных преимущественно христианскими общинами. Невозможно отрицать факт прозелитизма части местного христианского населения, но сводить к нему процесс исламизации в регионе представляется неоправданным упрощением, не учитывающим миграционные процессы османского времени.

Приминительно к населению Балаклавы сохранилось прямое свидетельство Э. Челеби, указывающее, что к 1666–1667 гг. основу здешней мусульманской общины составляют отнюдь не татары – «татарский народ в таких скалах жить не может», а «народ из племени лазов с противоположного берега Черного моря¹⁴» [31: 32]. Спустя столетие на малочисленность собственно татарской общины Балаклавы указывает Тунманн [32: 33]. Выходцев из Лазистана, причем грекоязычных, Э. Челеби встречает и среди жителей «татского иля¹⁵» – горного Крыма [31: 79]. В другом месте своего сочинения путешественник упоминает о переселении в Крым анатолийцев – жителей Токата, Сиваса, Амасии, Кайсерийского эялета [31: 72]. В разных регионах полуострова в Бахчисарае, округе Карасубазара, на Керченском полуострове Э. Челеби встречает черкесов [31: 50, 75, 98]. Отметим, что потомки жителей южнобережных деревень Лимены и Симеиза в свое время заинтересовавшихся своим необычным обликом П. С. Палласа также связывали свое происхождение с черкесами [19: 148–149].

Рамки настоящей публикации не позволяют подробно рассмотреть данные этнографии, письменных источников и фискальных документов османского времени, указывающие на проникновение значительных групп исламизированного малоазийского населения на Крымский полуостров и Южный берег, начиная с позднего средневековья и, особенно, в османское время [33: 4–12, 34: 22 сл., 35: 9, 36: 73, 37: 25, 38: 142 сл., 39: 293]. Однако они дают достаточные основания полагать, что мозаика антропологических типов характерная для мусульманского населения южнобережья XVIII–XIX вв. складывается достаточно поздно. А окончательное его включение в общность «крымских татар» происходит и вовсе в российский период истории региона [40: 143], и даже некоторые авторы 20–30 гг. истекшего столетия отмечают, что «разбросанные по всему Крыму татары не дают картины полного этнографического единства [35: 7].

В коллективной монографии ИАЭ РАН «Тюркские народы Крыма» (2003) антропологии крымских татар посвящен краткий очерк [41: 150–151], основанный на материалах исследований XIX 30-х гг. – XX в., Отнюдь не умаляя заслуг авторов прежних лет, приходится признать, что вопросы исследования антропологического состава населения Крымского полуострова периода Крымского ханства и антропологические аспекты проблемы формирования этносов региона близкого к современности времени пребывают в определенном кризисе и не могут быть разрешены на современном уровне без введения в научный оборот значительных объемов нового

антропологического материала по возможности представляющего все регионы полуострова, при условии применения современных комплексных методов его исследования. Встречающийся в литературе тезис о Крымском полуострове как территории, достаточно изученной в антропологическом плане, пока, не вполне состоятелен.

Примечания

- ¹ Селение Айбар на момент раскопок Мережковского было необитаемо, после эмиграции его жителей в Османскую империю в начале 1860 гг., и восстановлено в 90 гг. XIX в. как населенный пункт со смешанным преимущественно – русско-украинским населением (совр. с. Войково, Первомайского р-на.).
- ² По всей видимости, К.С. Мережковский вторгся раскопками в пещеру Кырк-Азис служившую местом духовных практик местным суфиям и не менее почитаемый одноименный некрополь при ней.
- ³ Не вполне понятно включил ли автор в это число измерение 40 детей (мальчиков).
- ⁴ Мнение представляется весьма субъективным, автора не озадачил вопрос о том, что собственно в антропологическом отношении представляют собой крымские греки, тем более в хронологическом аспекте.
- ⁵ Результат нескольких волн эмиграции последняя из коих пришлось на начало 1860 гг.
- ⁶ Со времени цитируемой публикации данная проблема остается практически неразработанной, представления о формировании населения Южнобережного региона в позднесредневековое – новое время остаются до крайности обобщенными, большинство авторов, касаясь данной проблемы, ограничиваются перечислением исторических этносов, начиная едва ли не с тавров.
- ⁷ Между 1863 г. – концом 80 гг. XIX в. поселение было заброшено после эмиграции местного населения в пределы Османской империи в начале 1890 гг. населенный пункт еще не вполне восстановился за счет жителей, перебравшихся из других районов полуострова.
- ⁸ Исследователь отмечал, что ему не без труда удавалось наладить взаимопонимание с местными жителями, полагавшими антропометрические штудии делом более чем сомнительным, в степных районах помогло содействие пользовавшегося доверием чиновника Х. Меназова – выходца из местной мусульманской среды. Поселяне Феодосийского уезда охотно соглашались на проведение измерений в обмен на их фотографии, меж тем как жители Мелитопольского уезда согласились пройти комплекс измерений, но категорически отказались фотографироваться.
- ⁹ Судя по опубликованным материалам, А.Н. Харузин исследовал погребения в плитовых могилах получивших распространение на некрополях христианизированного населения региона с IX-X вв. и остававшимися одним из наиболее распространенных погребальных сооружений до конца средневекового периода.
- ¹⁰ Симферопольский, Керченский, Ялтинский и Бахчисарайский р-ны. представлены измерениями единичных субъектов числом 7.
- ¹¹ МАЭ РАН коллекция № 167, № 875–878 – кладбище при селениях Джума-Орта и Эльгеры – Аблам, № 879–898 – кладбище при селении Айбар, к ней В.П. Алексеев добавил 6 незарегистрированных черепов, судя по маркировкам также относящихся к сборам К.С. Мережковского, но происходящие непонятно из каких районов. Коллекция ВМА включала 11 черепов неизвестной датировки и локализации из сборов А. Розена – выпускника ВМА 1892 г., материал из Одесского мединститута представлен единичным мужским черепом.
- ¹² Сам факт антропологических исследований этноса в местах депортации, заметьте еще даже не в «перестроечное» время заслуживает, по мнению автора, глубокого уважения.
- ¹³ При выборе мест организации некрополей оседлое население степных регионов Крыма определенно тяготело к существовавшим курганным насыпям, буде такие имелись в доступной близости.
- ¹⁴ Память о присутствии в этом районе лазов сохранялась в зафиксированном на османских картах топониме Лази – Лимани обозначающем акваторию от Балаклавы до м. Айя. Полагаем, что речь идет не о «лазах» как этносе, а о выходцах из исторической области Лазистан – на ЮВ побережье Черного моря от Трапезунда до Батума.
- ¹⁵ Термин «тат» распространяется в османский период как традиционное обозначение исламизи-

рованных жителей горных районов Крыма и Южного берега полуострова, противопоставляющее их собственным татарам, подданным хана, позднее зафиксировано его использование как самоназвание, используемое в отдельных сельских общинах Судакского района. Его наиболее приемлемое значение «оседлые», «покоренные» [34: 33–39, 40: 143–144]. В процессе окончательного оформления крымско – татарского этноса выходит из употребления, оставаясь предметом академических дискуссий и этно – политических спекуляций.

Сокращения

ВА – Вопросы антропологии.

ДАО – Дневник антропологического отдела.

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры.

ИОЛЕАЭ – Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории археологии и этнографии.

ХСБ – Херсонесский сборник.

Литература

1. Паллас П.С. *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах*. Москва, 1999. 246 с.
2. Радде Г. *Крымские татары*. Санкт-Петербург, 1879. 52с.
3. Мережковский К.С. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. // *Географические известия*. Санкт-Петербург, 1881. Т. XVII. Вып.2. С. 105–130.
4. *Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при императорском Московском университете*. Т. XLIX. Вып. 3. Протоколы заседания Антропологического отдела общества с 4 декабря 1881 г. по 1886-й г. Москва, 1886. 256 с.
5. Алексеев В.П. Характеристика краниологических материалов из поздних мусульманских захоронений Крыма // *Сборник музея Антропологии и Этнографии. Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР*. Ленинград, 1980. Вып. XXXVI. С. 169–181.
6. Иков К.Н. К краниологии татар Южного берега Крыма // *Изв. ИОЛЕАЭ. ДАО*. Москва, 1891. Т. XIII. Вып. 1 С. 4–6.
7. Лыжин Н.И. Антропологические наблюдения над Таврическими татарами // *Изв. ИОЛЕАЭ. ДАО*. Москва, 1891. Вып. 1 С. 6–22.
8. Харузин Х.Н. Заметка о татарах Южного берега Крыма // *Изв. ИОЛЕАЭ. ДАО*. Москва, 1890. Вып. II. С. 59–62.
9. Харузин Х.Н. О росте крымских татар Южного берега Крыма // *Изв. ИОЛЕАЭ. ДАО*. Москва, 1890. Вып. III. С. 80–87.
10. Харузин Х.Н. Татары Гурзуфа. Ч. 1 // *Изв. ИОЛЕАЭ. ДАО*. Москва, 1890. Вып. VII. С. 249–270.
11. Харузин Х.Н. Татары Гурзуфа. Ч. 2 // *Изв. ИОЛЕАЭ. ДАО*. Москва, 1890. Вып. VIII. С. 303–322.
12. Харузин Х.Н. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша // *Изв. ИОЛЕАЭ. Труды Антропологического отдела*. Т. XI. 1890. Вып. I. С. 1–64.
13. Терebinская – Шенгер Н. Крымские татары // *Русский антропологический журнал*. 1928. Т.17. Вып.1–2. С. 12–53.
14. Носов А.З. До антропології Кримських татар // *Кабінет антропології ім. Ф.Вовка ВУАН. Антропологія*. 1929. Вип. 2. С. 9–69.
15. Носов А.З. Кримські татари: антропологічні нариси // *Східний світ*, 1930р. № 10–11. С. 301–313.
16. Петров Г.И. потомки готов в советском Крыму // *Вестник знания*, 1929. № 7. С. 296–297.
17. Петров Г.И. Об антропологических материалах Эски-Керменской экспедиции 1931–33 гг. // *ИГАИМК*, 1935. Вып. 17. С. 12–18.
18. Рогинский Я.Я. Антропологический тип татар из Ускута // *ВА*, 1961. № 8. С. 48–61.

19. Кондараки Г.Х. *Универсальное описание Крыма* // Санкт-Петербург, 1875. Ч. 1. 234 с.
20. Новороссия и Крым // *Россия. Полное географическое описание нашего отечества*. Санкт-Петербург, 1910. Т. 14. 983 с.
21. Балобан Н.И., Молочек А.И. Строение тела шизофреничных татар Крыма // *Русский антропологический журнал*, 1926. Т. 14. № 3–4. С. 73–77.
22. Беседин Г.И. Кровяные группы у крымских татар // *Врачебное дело*, 1926. Т. 21. С. 1690–1696.
23. *Стенограмма объединенной научной сессии Отделения Истории и философии и Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма. 23–25 мая 1952 г. Симферополь*. Научный архив ИАК РАН (машинопись). Т. 4 793 с.
24. Нечитайло А.Л., Бунатян Е.П. Курганная группа близ с. Чкалово // *Курганы Степного Крыма*. Киев, 1985. С. 6–40.
25. Корпусова В. Л. Курганы у с. Целинное // *Курганы Степного Крыма*. Киев, 1985. С. 69–107.
26. Хить Г.Л., Долинова Н.А. Дерматоглифика татар Евразии // *Современная антропология, генетика и проблема рас у человека*. Москва, 1995. С. 174–192.
27. Круц С.И. Антропологическая характеристика ногайцев XVI–XVIII вв. // *Антропология ногайцев. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Москва, 2003. Вып. IV. С. 206–233.
28. Белый О.Б., Неневоля И.И. Охранные раскопки мусульманского могильника в г. Бахчисарае // *Археологические исследования в Крыму*, 1993г. Симферополь, 1994. С. 52–53.
29. Иванов А.В. Антропологический материал из мусульманского некрополя в 6 МКР. г Бахчисарая // *Бахчисарайский историко – археологический сборник*. Симферополь, 1997. Вып. 3. С. 360–366.
30. Иванов А.В. Исследования некрополя средневековой Балаклавы в 1993 и 95 гг. // *ХСБ*. Севастополь, 1999. Вып. X. С. 412–431.
31. Челеби Э. *Книга путешествия* // Симферополь, 1999. 141с.
32. Тунманн. *Крымское Ханство* // Симферополь, 1991. 93 с.
33. Смирнов В.Д. *Крымское Ханство под верховенством Османской порты*. Санкт-Петербург, 1887. 824 с.
34. Куфтин Б.А. Южнобережные татары Крыма // *Крым*, 1925. № 1. С. 22–31.
35. Никольский П. Население Крыма. Симферополь, 1929. 16 с.
36. Гордлевский В. А. Государство сельджукидов Малой Азии // *Гордлевский В.А. Избранные сочинения*. Москва, 1960. Т. 1. 551 с.
37. Бороздин И.Н. Из отузской старины // *ИТОИАЭ*. Симферополь, 1927. Т. 1. С. 24–26.
38. Крамаровский М.Г. Солхат – Крым к вопросу о населении и топография города в XIII–XIVвв // *Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа*. Ленинград, 1989. С. 141–157.
39. Ефимов А.В. Из османской налоговой ведомости. XVII век // *Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник*. Симферополь, 2000. С. 283–290.
40. Сидоренко В.А. Формирование Крымско-татарского народа // *Тюркские народы Крыма*. Москва, 2003. С. 143–146.
41. Рославцева Л.И. Антропологический облик // *Тюркские народы Крыма*. Москва, 2003. С. 145–151.

References

1. Pallas P.S. *Nablyudeniya. sdelannyye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godah*. Moscow, 1999. 246 s. (In Russ.) [Pallas P.S. *Observations made during a trip to the southern governorship of the Russian state in 1793–1794*. Moscow, 1999. 246 p.]
2. Radde G. *Krymskiye tatory*. St.Petersburg, 1879. 52 p. (In Russ.) [Radde G. *Crimean Tatars*.

- St. Petersburg, 1879. 52 p.]
3. Merezhkovsky K.S. Otchet ob antropologicheskoy poyezdke v Krym v 1880g. *Geograficheskkiye izvestiya*. St.Petersburg, 1881. T. XVII. Vol. 2. Pp. 105–130. (In Russ.) [Merezhkovskiy K.S. Report on an anthropological trip to the Crimea in 1880. *Geograficheskkiye izvestiya*. St.Petersburg, 1881. T. XVII. Vol. 2. Pp. 105–130.]
 4. *Izvestiya Imperatorskogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya. antropologii i etnografii. sostoyashchego pri imperatorskom Moskovskom universitete*. T. XLIX. Vol. 3: Protokoly zasedaniya Antropologicheskogo otdela obshchestva s 4 dekabrya 1881 g. po 1886 y g. Moscow, 1886. 256 p. (In Russ.) [*News of the Imperial Society of Naturalists, Anthropology and ethnography, consisting of the Imperial University of Moscow*. T. XLIX. Vol. 3: Protokoly zasedaniya Antropologicheskogo otdela obshchestva s 4 dekabrya 1881 g. po 1886 y g. Moscow, 1886. 256 p.]
 5. Alekseev V.P. Kharakteristika kraniologicheskikh materialov iz pozdnykh musulmanskikh zakhoroneniye Kryma. Sbornik muzeya Antropologii i Etnografii. Issledovaniya po paleoantropologii i kraniologii SSSR. Leningrad, 1980. Vol. XXXVI. p. 169–18. (In Russ.) [Alekseyev V.P. Characteristics of craniological materials from the late Muslim burial sites of the Crimea. *Sbornik muzeya Antropologii i Etnografii. Issledovaniya po paleoantropologii i kraniologii SSSR*. Leningrad, 1980. Vol. XXXVI. Pp. 169–181.]
 6. Ikov K.N. K kraniologii tatar Yuzhnogo berega Kryma. Izv. IOLEAE. DAO. Moscow, 1891. T. XIII. Vol. 1. Pp. 4–6. (In Russ.) [Ikov K.N. To the craniology of the Tatars of the Southern coast of the Crimea. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1891. T.XIII. Vol. 1. Pp. 4–6.]
 7. Lyzhin N.I. Antropologicheskkiye nablyudeniya nad Tavricheskimi tatarami. Izv. IOLEAE. DAO. Moscow, 1891. Vol. 1. Pp. 6–22. (In Russ.) [Lyzhin N.I. Anthropological observations of the Tauride Tatars. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1891. Vol.1 Pp. 6–22.]
 8. Kharuzin Kh.N. Zametka o tatarakh Yuzhnogo berega Kryma. Izv. IOLEAE. DAO. Moscow, 1890. Vol. II. Pp. 59–62. (In Russ.) [Kharuzin Kh.N. A note on the Tatars of the Southern coast of the Crimea. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1890. Vol. II. Pp. 59–62.]
 9. Kharuzin H.N. O roste krymskikh tatar Yuzhnogo berega Kryma. Izv. IOLEAE. DAO. Moscow, 1890. Vol. III. Pp. 80–87 (In Russ.) [Kharuzin Kh.N. On the growth of the Crimean Tatars of the Southern coast of Crimea. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1890 Vol. III. Pp. 80–87.]
 10. Kharuzin Kh.N. Tatory Gurzufa. ch.1. Izv. IOLEAE. DAO. Moscow, 1890. Vol. VII. Pp. 249–270. (In Russ.) [Kharuzin Kh.N. The Tatars of Gurzuf. Part. 1. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1890. Vol. VII. Pp. 249–270.]
 11. Kharuzin Kh.N. Tatory Gurzufa. ch.2. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1890. Vol. VIII. Pp. 303–322. (In Russ.) [Kharuzin Kh.N. The Tatars of Gurzuf. Part 2. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1890. Vol. VIII. Pp. 303–322.]
 12. Kharuzin Kh.N. Drevniye mogily Gurzufa i Gugusha. *Izv. IOLEAE. Trudy Antropologicheskogo otdela*, 1890. T. XI. Vol. I. Pp. 1–64. (In Russ.) [Kharuzin Kh.N. Ancient graves of Gurzuf and Gugush. *Izv. IOLEAE. Trudy Antropologicheskogo otdela*, 1890. T. XI. Vol. I. Pp. 1–64.]
 13. Terebinskaya – Shenger N. Krymskiye tatory. *Russkiy antropologicheskii zhurnal*. 1928. T.17. Vol. 1–2. Pp. 12–53. (In Russ.) [Terebinskaya – Shenger N. Crimean Tatars. *Russkiy antropologicheskii zhurnal*, 1928. T.17, Vol. 1–2. Pp. 12–53.]
 14. Nosov A.Z. Do antropologii i Krimskikh tatar. *Kabinet antropologii im. F.Vovka VUAN. Antropologiya*, 1929. Vol. 2. Pp. 9–69. (In Ukr.) [Nosov A.Z To anthropology of the Crimean Tatars. *Kabinet antropologii im. F.Vovka VUAN. Antropologiya*, 1929. Vol. 2. Pp. 9–69.]
 15. Nosov A. Z. Krimski tatari: antropologichni narisi. *Skhidniy svit*, 1930. № 10–11. Pp. 301–313. (In Ukr.) [Nosov A.Z. Crimean Tatars: anthropological essays. *Skhidniy svit*, 1930. No. 10–11. Pp. 301–313.]
 16. Petrov G.I. Potomki gotov v sovetskom Krymu. *Vestnik znaniya*, 1929. №7.Pp. 296–297. (In Russ.) [Petrov G.I. Bescendants goths Soviet Crimea. *Vestnik znaniya*, 1929. No. 7 Pp. 296–297.]
 17. Petrov, G.I. Ob antropologicheskikh materialakh Eski – Kermenskoy ekspeditsii 1931–33 gg. *IGAIMK*, 1935. Vol. 17. Pp. 12–18. (In Russ.) [Petrov G.I. On the Anthropological Materials of

- the Eski-Kermen Expedition 1931–33 gg. *IGAIMK*, 1935. Vol. 17. Pp. 12–18.]
18. Roginsky Ya. Ya. Antropologicheskii tip tatar iz Uskuta. VA, 1961. №8. Pp. 48–61 (In Russ.) [Roginskiy Ya.Ya. Anthropological type of Tatars from Uskut. VA, 1961. No.8. Pp. 48–61.]
 19. Kondaraki G.Kh. *Universalnoye opisaniye Kryma*. St.Petersburg, 1875. ch.1 234 p. (In Russ.) [Kondaraki G.Kh. *Universal description of the Crimea*. St.Petersburg, 1875. ch.1 234 p.]
 20. Novorossiya i Krym. Rossiya. *Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego otechestva*. St.Petersburg, 1910. T.14. 983p. (In Russ.) [Novorossiya and the Crimea. Rossiya. *Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego otechestva*. St.Petersburg, 1910. T.14. 983 p.]
 21. Baloban N.I., Molocek A.I. Stroyeniye tela shizofrennykh tatar Kryma. *Russkiy antropologicheskii zhurnal*, 1926. T. 14. №3–4. Pp. 73–77. (In Russ.) [Baloban N.I., Molocek A.I. The structure of the body of the schizophrenic Tatars of Crimea. *Russkiy antropologicheskii zhurnal*, 1926. T. 14. No. 3–4. Pp. 73–77.]
 22. Besedin G.I. Krovnyanye gruppy u krymskikh tatar. *Vrachebnoye delo*, 1926. T.21. Pp. 1690–1696. (In Russ.) [Besedin G.I. Blood groups of the Crimean Tatars. *Vrachebnoye delo*, 1926. T.21. Pp. 1690–1696.]
 23. *Stenogramma obyedinennoy nauchnoy sessii Otdeleniya Istorii i filosofii i Krymskogo filiala AN SSSR po voprosam istorii Kryma. 23-25 maya 1952g. Simferopol*. Nauchnyy arkhiv IAK RAN (mashinopis) T.4. 793 p. (In Russ.) [Transcript of the joint scientific session of the Department of History and Philosophy and the Crimean Branch of the USSR Academy of Sciences on the history of the Crimea. May 23–25, 1952 Simferopol. Nauchnyy arkhiv IAK RAN (mashinopis), T.4]
 24. Nechitailo A.L., Bunatyan E.P. Kurgannaya gruppa bliz s. Chkalovo // *Kurgany Stepnogo Kryma*. Kiyev, 1985. Pp. 6–40. (In Russ.) [Nechitaylo A.L., Bunatyan E.P. Kurgan group near. Chkalovo. *Kurgany Stepnogo Kryma*. Kiyev, 1985. Pp. 6–40.]
 25. Korpusova V. L. Kurgany u s. Tselinnoye. *Kurgany Stepnogo Kryma*. Kiyev, 1985. Pp. 69–107. (In Russ.) [Korpusova V. L. The mounds near the Tselinnoye. *Kurgany Stepnogo Kryma*. Kiyev, 1985. Pp. 69–107]
 26. Hit G.L., Dolinova N.A. Dermatoglifika tatar Evrazii. *Sovremennaya antropologiya. genetika i problema ras u cheloveka*. Moscow, 1995. Pp. 174–192. (In Russ.) [Khit G.L., Dolinova N.A. Dermatoglyphics of the Tatars of Eurasia. *Sovremennaya antropologiya. genetika i problema ras u cheloveka*. Moscow, 1995. Pp. 174–192.]
 27. Kruts SI Antropologicheskaya kharakteristika nogaytsev XVI–XVIIIvv. *Antropologiya nogaytsev. Materialy po izucheniyu istoriko–kulturnogo naslediya Severnogo Kavkaza*. Moscow, 2003. Vol. IV. Pp. 206–233. (In Russ.) [Kruts S.I. Anthropological characteristics of the Nogais XVI–XVIII st. *Antropologiya nogaytsev. Materialy po izucheniyu istoriko-kulturnogo naslediya Severnogo Kavkaza*. Moscow, 2003. Vol. IV. Pp. 206–233.]
 28. Belyj O.B., Nenevola II Okhrannyye raskopki musulmanskogo mogilnika v g. Bakhchisaraye. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu*. 1993g. Simferopol, 1994-p. 52–53. (In Russ.) [Belyj O.B. Nenevola I.I. Security excavations of the Muslim burial ground in the town of Bakhchisaray. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu*. 1993. Simferopol, 1994 Pp. 52–53.]
 29. Ivanov A.V. Antropologicheskii material iz musulmanskogo nekropolya v 6 MKR. g Bakhchisaraya. *Bakhchisarayskiy istoriko – arkheologicheskii sbornik*. – Simferopol,. 1997. Vol. 3. Pp. 360–366. (In Russ.) [Ivanov A.V. Anthropological material from the Muslim necropolis in 6 MKR. Bakhchisaray. *Bakhchisarayskiy istoriko – arkheologicheskii sbornik*. Simferopol, 1997. Vol. 3. Pp. 360–366.]
 30. Ivanov A.V. Issledovaniya nekropolya srednevekovoy Balaklavy v 1993 i 95 gg. *ChSB*. Sevastopol. 1999. Vol. X. Pp. 412 – 431. (In Russ.) [Ivanov A.V. Investigation of the necropolis of medieval Balaklava in 1993 and 1995. *ChSB*. Sevastopol. 1999. Vol. X. Pp. 412 – 431.]
 31. Chelebi E. *Kniga putesthestviya*. Simferopol, 1999. 141p. (In Russ.) [Chelebi E. *The book of travel*. Simferopol, 1999. 141p.]
 32. Thunmann. *Krymskoye Khanstvo*. Simf. 1991. 93p. *The Crimean Khanate*. Simferopol, 1991. 93p. (In Russ.) [Tunmann. *Krymskoye Khanstvo*. Simferopol, 1991. 93p.]

33. Smirnov V.D. *Krymskoye Khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoy porty*. St.Peterburg, 1887. 824 p. (In Russ.) [Smirnov V.D. *Crimean Khanate under the supremacy of the Ottoman ports*. St.Peterburg, 1887. 824 p.]
34. Kuftin B.A. Yuzhnoberezhnyye tatory Kryma. *Krym*. 1925. No.1. Pp. 22–31. (In Russ.) [Kuftin B.A. South Coast Tatars of the Crimea. *Krym*. 1925. No.1. Pp. 22–31.]
35. Nikolsky P. *Naseleniye Kryma*. Simferopol, 1929. 16 p. (In Russ.) [Nikolskiy P. *Population of the Crimea*. Simferopol, 1929. 16 p.]
36. Gordlevsky VA Gosudarstvo seldzhukidov Maloy Azii. *Gordlevskiy V. A Izbrannyye sochineniya*. Moscow, 1960. T.1. 551 p. (In Russ.) [Gordlevskiy V. A. State of Seljukides of Asia Minor. *Gordlevskiy V. A Izbrannyye sochineniya*. Moscow, 1960. T.1. 551 p.]
37. Borozdin I.N. Iz otuzskoy stariny. *ITOIAE*. Simferopol, 1927. T. 1. Pp. 24–26. (In Russ.) [Borozdin I.N. From the old town. Simferopol, 1927. T. 1. Pp. 24–26.]
38. Kramarovskiy M.G. Solkhat – Krym k voprosu o naselenii i topografiya goroda v XIII–XIV-vv. *Itogi arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad, 1989. Pp. 141–157. [Kramarovskiy M.G. Solkhat-Crimea to the question of population and topography of the city in the 13th–14th centuries. (In Russ.) *Itogi arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad, 1989. Pp. 141–157.]
39. Efimov A.V. Iz osmanskoy nalogovoy vedomosti. XVII v. *Greki v istorii Kryma. Kratkiy biograficheskiy spravochnik*. Simferopol, 2000. Pp. 283–290. (In Russ.) [Efimov A.V. From the Ottoman tax register. XVII century. *Greki v istorii Kryma. Kratkiy biograficheskiy spravochnik*. Simferopol, 2000. Pp. 283–290.]
40. Sidorenko V.A. Formirovaniye Krymsko-tatarskogo naroda. *Tyurkskiye narody Kryma*. Moscow, 2003. Pp. 143–146. (In Russ.) [Sidorenko V.A. Formation of the Crimean-Tatar people. *Tyurkskiye narody Kryma*. Moscow, 2003. Pp. 143–146.]
41. Roslavl'tseva L.I. Antropologicheskii oblik. *Tyurkskiye narody Kryma*. Moscow, 2003. Pp. 145–151. (In Russ.) [Roslavl'tseva L.I. Anthropological appearance. *Tyurkskiye narody Kryma*. Moscow, 2003. Pp. 145–151.]

A.V. Ivanov. On the history of anthropological study of the Tatars of the Crimean peninsula.

The article presents a historical sketch and an overview of sources related to the problem of anthropological study of the Crimean peninsula, Crimean Tatars, which is close to the present day. The available data make it possible to consider the Crimean Tatars as inhomogeneous in anthropological terms, the researchers distinguish the morphological complexes inherent in the steppe, mountain and southern banks of the Crimean Tatars. The text of the article gives an overview of quite a few publications by authors of the late XIX – 30s of the XX ct. working mainly with living representatives of various groups of the Crimean-Tatar ethnos, as well as publications of a more close to us time introducing into scientific circulation data on the available craniological series. The remaining questions regarding the allocation of anthropological components within the Crimean Tatar people and especially the history of their formation require the systematic introduction of new anthropological materials into scientific circulation and their further research using a wide range of modern complex methods.

Key words: *Crimean peninsula, Crimean Tatars, anthropology, craniology, ethnic history, history of science.*

К КРАНИОЛОГИИ КРЫМСКИХ ТАТАР

В статье приводится антропологический анализ населения, оставившего некрополь Бахчи Эли (Кировский район, Республика Крым). Большой интерес эта серия представляет в связи с изучением этногенеза крымских татар. На сегодняшний день это первая и единственная серия черепов крымских татар нового времени. Накопление подобного рода уникальных материалов позволит нам в дальнейшем более убедительно рассуждать о близости или отдаленности современного населения от скажем средневекового. В работе дается краниологическая характеристика современных крымских татар. Выявлены два клана, морфологически отличающихся друг от друга у жителей поселения Бахчи Эли.

Ключевые слова: крымские татары, краниология, угловая морфометрия черепа.

Введение

В мае-сентябре 2016 г. археологической экспедицией ООО «Георесурс» были проведены научные археологические исследования на памятнике археологии – поселение Бахчи Эли, входящего в полосу отвода и попадающего под разрушение в ходе строительства объекта «Магистральный газопровод Краснодарский край – Крым».

Поселение Бахчи Эли расположено в Кировском районе Республики Крым, в 1,7 км к северо-западу от северной окраины пос. Партизаны, между скважинами № 320–326. В 0,8 км от поселения проходит шоссе Кировское – Приветное.

В раскопе исследован насыщенный культурный слой поселка XVII–XIX вв. Раскопано 567 объектов (хозяйственных и зерновые ямы различной формы и глубины, котлованы построек) и 282 погребения (XIX – начала XX века). Находки представлены фрагментами круговой керамики, костями животных, курительными трубками, железными и бронзовыми предметами.

Материалы и методы

Исследование черепов проводилось по двум программам: классической краниологической программе [1; 2] и авторской программе Васильева С.В. по угловой морфометрии [3; 4; 5].

Васильев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: vasbor1@yandex.ru.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00429.

Результаты и обсуждение

Нами было изучено по стандартной краниологической программе 30 черепов, 21 из которых принадлежали мужчинам и 9 – женщинам. Наиболее важные измерения и указатели, характеризующие форму черепа мужчин и его составляющих, приведены в таблице 1.

Таблица 1

Краниометрические характеристики мужских черепов из могильника Бахчи Эли

№	Признак	N	X	S
1	Продольный диаметр	21	180,1	6,13
8	Поперечный диаметр	21	144,2	4,56
17	Высотный диаметр	21	134,9	3,46
5	Длина основания черепа	21	103,0	4,0
9	Наименьшая ширина лба	20	99,9	2,27
10	Наибольшая ширина лба	19	130,2	3,96
11	Ширина основания черепа	21	130,5	4,02
12	Ширина затылка	21	113,2	2,56
45	Скуловой диаметр	20	137,3	2,73
40	Длина основания лица	21	99,3	4,44
48	Верхняя высота лица	21	71,0	3,98
43	Верхняя ширина лица	21	108,4	3,21
46	Средняя ширина лица	21	99,8	3,23
55	Высота носа	21	52,9	2,37
54	Ширина носа	20	24,9	1,49
51	Ширина орбиты от мф.	21	42,5	2,99
52	Высота орбиты	21	33,5	1,45
77	Назо-молярный угол	20	140,4	3,82
<zm	Зиго-максиллярный угол	21	130,3	4,59
8/1	Черепной указатель	21	81,0	3,19
17/1	Высотно-продольный	21	75,1	3,30
17/8	Высотно-поперечный	21	92,7	3,17
48/45	Верхний лицевой указатель	20	51,6	2,10
48/46	Верхний среднелицевой указатель	21	71,2	3,16
	Симотический указатель	20	43,7	8,12
54/55	Носовой указатель	20	47,2	3,26
52/51	Орбитный указатель	21	81,8	3,86

Череп исследованных крымских татар XIX – начала XX веков может быть описан как среднеукороченный и широкий, мезокранный, форма сверху в большинстве случаев овоидная. Череп высокий в абсолютных размерах. Вообще, большинство абсолютных размеров мозговой коробки попадают в категорию средних, за рядом нескольких исключений. Например, наименьшая и наибольшая ширина лба имеют большие значения.

Лицевая часть черепа мезогнатная, среднеширокая и средневысокая, по верхнелицевому указателю – мезенная. Углы горизонтальной профилировки входят в категорию малых, т.е. лицо по европеоидным меркам хорошо профилировано. Орбиты низкие и среднеширокие (хамеконхные). В абсолютных размерах нос средний (мезоринный).

Таблица 2

Краниометрические характеристики женских черепов из могильника Бахчи Эли

№	Признак	N	X	S
1	Продольный диаметр	8	169,3	2,3
8	Поперечный диаметр	8	136,6	3,9
17	Высотный диаметр	8	127,4	3,5
5	Длина основания черепа	8	99,9	2,37
9	Наименьшая ширина лба	8	95,0	3,5
10	Наибольшая ширина лба	8	126,1	4,66
11	Ширина основания черепа	8	123,6	4,38
12	Ширина затылка	8	106,8	2,25
45	Скуловой диаметр	8	126,1	4,16
40	Длина основания лица	8	91,9	4,13
48	Верхняя высота лица	7	66,5	2,39
43	Верхняя ширина лица	9	101,7	2,07
46	Средняя ширина лица	9	92,4	4,05
55	Высота носа	9	51,1	1,15
54	Ширина носа	9	24,4	0,83
51	Ширина орбиты от мф.	9	39,4	0,62
52	Высота орбиты	9	33,3	1,18
77	Назо-молярный угол	9	139,3	5,19
<zm	Зиго-максиллярный угол	9	130,1	4,57
8/1	Черепной указатель	8	80,8	3,13
17/1	Высотно-продольный	8	75,3	1,96
17/8	Высотно-поперечный	8	93,3	4,06
48/45	Верхний лицевой указатель	6	52,9	2,85
48/46	Верхний среднелицевой указатель	7	72,7	3,31
	Симотический указатель	9	40,4	6,76
54/55	Носовой указатель	9	47,7	1,38
52/51	Орбитный указатель	9	84,5	3,13

Череп исследованных жителей Крыма (некрополь Бахчи Эли) может быть описан как укороченный и широкий, брахикранный, форма сверху в большинстве случаев овоидная. Череп средневысокий в абсолютных размерах. Вообще, большинство абсолютных размеров мозговой коробки попадают в категорию малых и средних, за рядом нескольких исключений. Например, ширина затылка и ширина основания черепа имеют большие значения.

Лицевая часть черепа мезогнатная, среднеширокая и средневысокая, по верхнелицевому указателю – мезенная. Углы горизонтальной профилировки входят в категорию малых, т.е. лицо по европеоидным меркам хорошо профилировано. Орбиты достаточно высокие – мезоконхные, с тенденцией к гипсиконхии. В абсолютных размерах нос средний (мезоринный), с хорошо выступающим переносьем.

Внутригрупповой анализ мы сделали, используя данные по угловой морфометрии черепа. Угловые параметры черепа позволяют нам включать в один анализ как мужские, так и женские черепа, что дает возможность нам оценить при помощи метода главных компонент однородность группы в целом. В начале мы провели сравнительный анализ угловых параметров мозговой коробки черепа (рис. 1). В анализе

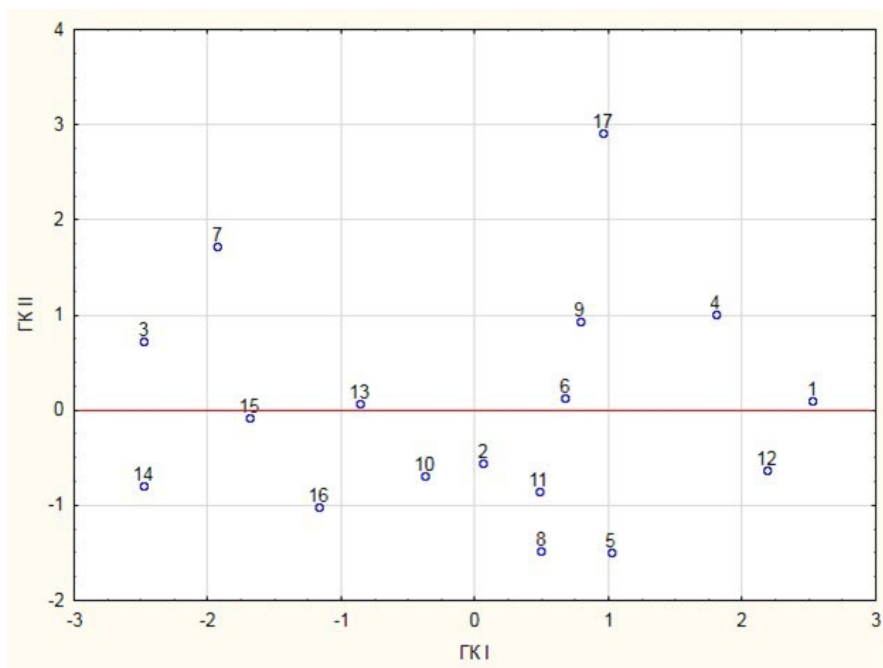

Рис. 1. Расположение черепов из некрополя Бахчи Эли в поле двух первых главных компонент (угловые параметры мозговой коробки).

учувствовали 17 индивидов, имеющих полный набор из 5 угловых параметров. Первые две компоненты описывают около 76% изменчивости. По первой компоненте идет увеличение углов $ast-l-ast$, $au-b-au$. Поэтому в правой части графика мы видим относительно низкосводные черепа с невысокой верхней чешуей затылочной кости. Вторая компонента отражает уменьшение углов $n-b-au$ и увеличение угла $b-l-au$. В связи с этим в верхней части графика располагаются черепа с менее длинным основанием лица. В целом видно, что группа не однородна по формообразующим па-

раметрам мозговой коробки. Отчетливо видно разделение серии на две группы по высоте свода мозговой коробки, т.е. по первой компоненте. Скорее всего, это разделение носит достаточно древний характер. Так, Билсборо [6] на палеолитических находках удалось наглядно показать, что параметры различных отделов черепа эволюционируют с различной скоростью, создавая в реальности достаточно мозаичную структуру. Причем мозговая коробка изменяется медленнее, чем лицевой скелет. О неравномерности в скорости эволюции различных частей черепа, с одной стороны, и различных признаков одной и той же части черепа, с другой, подробно писала в одной из своих работ Е.Н. Хрисанфова [7].

Следующий сравнительный анализ был сделан по 7 угловым параметрам лицевого скелета (рис. 2). В анализе приняли участие также 17 индивидов с сохранившимся лицевым скелетом. Две первые главные компоненты описывают около 70% изменчивости. Первая главная компонента описывает уменьшение угла $n\text{-fmt-zm}$, fmt-pr-fmt , zm-n-zm и увеличение углов zm-n-fmt и fmt-n-infor . Следовательно, в правой части располагаются черепа с более широким, высоким лицевым скелетом. По второй компоненте идет увеличение углов zm-pr-zm и zm-pr-infor . Поэтому на графике сверху располагаются менее прогнатые черепа с менее грациальной зигмаксиллярной областью. В целом по лицевому скелету группа также не однородна и четко разделяется на два кластера. В данном случае, это разделение носит фамильный характер. То есть люди захороненные в некрополе Бахчи Эли принадлежали, с наибольшей вероятностью, к двум большим кланам.

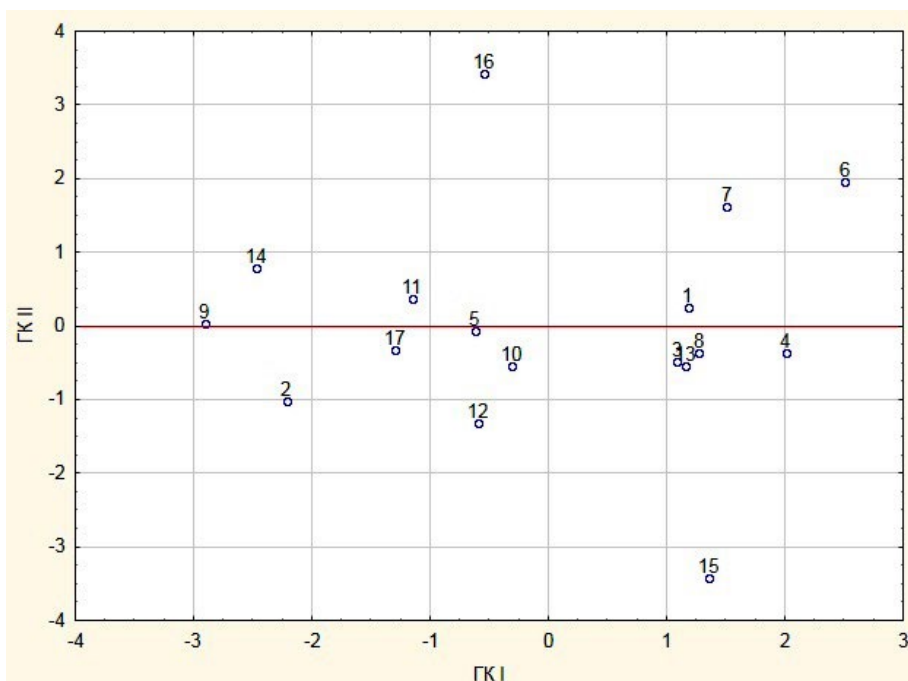

Рис. 2. Расположение черепов из некрополя Бахчи Эли в поле двух первых главных компонент (угловые параметры лицевого скелета).

Заключение

Таким образом, в изученной нами краниологической серии крымских татар из некрополя Бахчи Эли (Крым) датируемой XIX – началом XX века, нами было изучено 30 индивидов.

Краниологический анализ показал, что мужская часть выборки мезокранная, со средней высотой лица, с хорошей горизонтальной профилировкой лицевого скелета и низкими орбитами. Женская часть выборки характеризуется брахикранией, средней высотой лица с хорошей горизонтальной профилировкой лицевого скелета и хорошо выступающим переносьем.

Анализ угловой морфометрии черепов показал, что серия по форме мозговой коробки и лицевого скелета не однородна. Серия делиться на два кластера, что может указывать на принадлежность жителей Бахчи Эли XIX – начала XX века двум основным кланам крымских татар.

Литература

1. Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф. *Краниометрия*. Москва: Наука, 1964. 128 с.
2. Алексеев В.П. *Остеометрия*. Москва: Наука, 1960. 250 с.
3. Васильев С.В. Тригонометрия мозговой коробки ископаемых гоминид. В кн. *Новые методы – новые подходы в современной антропологии*. Москва, 1997. С. 68 – 81.
4. Васильев С.В. *Дифференциация плейстоценовых гоминид*. Москва, 1999. С. 152.
5. Галеев Р.М., Васильев С.В. Методические аспекты угловой морфометрии черепов на примере кхмеров Камбоджи // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия «Геоархеология.Этнология.Антропология», 2016. Т. 16. С. 139–156.
6. Bilsborough A. Patterns of evolution in Middle Pleistocene homonids // *Journal of Human Evolution*, 1976. Vol. 5. № 5. Pp. 423–439.
7. Хрисанфова Е.Н. Проблема неравномерности в эволюции Hominoidea // *Вопросы антропологии*, 1985. Вып. 75. С. 67–84.

References

1. Alekseev V.P., Debec G.F. *Kraniometriya*. Moscow: Nauka, 1960. 128 p. (In Russ.) [Alekseev V.P., Debec G.F. *Craniometry*. Moscow: Nauka. 1960. 128 p.]
2. Alekseev V.P. *Osteometriya*. Moscow: Nauka, 1960. 250 p. (In Russ.) [Alekseev V.P. *Osteometry*. Moscow: Nauka, 1960. 250 p.]
3. Vasilev S.V. Trigonometriya mozgovoj korobki iskopaemyh gominid. V knige *Novye metody – novye podhody v sovremennoj antropologii*. Moscow, 1997. Pp. 68–81. (In Russ.) [Vasilyev S.V. Trigonometry of the brain box of fossil hominids. In the book. *New methods-new approaches in modern anthropology*. Moscow, 1997. Pp. 68–81.]
4. Vasilev S.V. *Differenciaciya plejstocenovyh gominid*. Moscow, 1999. 152 p. (In Russ.) [Vasilyev S.V. *Differentiation of Pleistocene hominids*. Moscow M. 1999. 152 p.]
5. Galeev R.M., Vasilev S.V. Metodicheskie aspekty uglovoj morfometrii cherepov na primere kkhmerov Kambodzi. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya «Geoarheologiya.Ehtnologiya.Antropologiya». 2016. Vol. 16. Pp. 139–156. (In Russ.) [Galeev R.M., Vasilyev S.V. Methodical aspects of angular morphometry of skulls on the example of Khmer of Cambodia. *News of Irkutsk state University*, Series «Geoarchaeology.Ethnology.Anthropology», 2016. Vol. 16. Pp. 139–156.]
6. Bilsborough A. Patterns of evolution in Middle Pleistocene homonids. *Journal of Human Evolution*. 1976. Vol. 5. № 5. Pp. 423–439. (In Russ.) [Bilsborough A. Patterns of evolution in Middle Pleistocene homonids. *Journal of Human Evolution*, 1976. Vol. 5. No. 5. Pp. 423–439.]

7. Hrisanfova E.N. Problema neravnomernosti v ehvolucii Hominoidea. *Voprosy antropologii*. Moscow, 1985. Vol. 75. Pp. 67–84. (In Russ.) [Hrisanfova E.N. The problem of non-uniformity in the evolution of the Hominoidea. *Voprosy antropologii*. Moscow, 1985. Vol. 75. Pp. 67–84.]

S.V. Vasilev. To the craniology of the Crimean Tatars.

The article provides an anthropological analysis of the human remains from Bakhchi-Eli necropolis (Kirovsky District, Republic of Crimea). This series is of great interest in connection with the study of the ethnogenesis of the Crimean Tatars. Today it is the first and unique series of the skulls of the Crimean Tatars of the Modern history. The accumulation of such unique data will allow us to discuss the proximity or distance of the modern population from, for example, the medieval one more convincingly. The work gives a craniological characteristic of modern Crimean Tatars. Two morphologically different clans are identified, among residents of the Bakhchi Eli settlement.

Key words: *Crimean Tatars, craniology, skull angular morphometry.*

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО НЕКРОПОЛЯ БАХЧИ-ЭЛИ XIX–XX вв.

В погребениях кладбища крымскотатарского поселения Бахчи-Эли (XIX – начало XX века) обнаружены скелетные останки 166 человек. Из них 75 человек были дети, 49 – взрослые мужчины, 42 – взрослые женщины. Соотношение мужчин и женщин равно 58,33% к 41,67%. Средняя продолжительность жизни в группе составила 23,4 лет. Средний возраст смерти взрослых людей был 39,6 лет, средний возраст смерти детей – 3,7 лет.

Пик смертности в группе приходится на первый возрастной интервал (0-5 лет) и составляет 39,15%. 80% детей (до 15 лет) умерли в этом возрастном интервале. Большие четверти всех детей умерли до одного года, что, вероятно, связано с отсутствием необходимых условий для родов и выхаживанием детей грудного возраста. Пик смертности у взрослого населения из Бахчи-Эли приходится на финальную возрастную когорту (50+ лет), что может быть связано с особым заботливым отношением населения к пожилым людям группы.

Ключевые слова: *палеодемография, палеодемографические индексы, Бахчи-Эли, возрастная когорта, пик смертности, средняя продолжительность жизни.*

Введение

В результате раскопок, связанных со строительными работами на территории Крымского полуострова в местечке Бахчи-Эли, где до относительно недавнего времени находилась татарская деревня с одноименным названием, было обнаружено кладбище. Согласно данным истории и археологии, последние погребения сделаны в 20 веке и относятся к довоенному времени (ранее 1941 года). В итоге раскопочных работ были подняты скелетные останки 166 человек. Скелеты имели хорошую сохранность, что позволило определить пол и возраст индивидов. В основу подобного определения легли методические рекомендации и принципы анализа, изложенные в работах В.П. Алексеева [1], В.П. Алексеева, Г.Ф. Дебеца [2], В.И. Добряка [3], Б.А. Никитюка [4, 5], В.И. Пашковой [6, 7] и других [8].

Боруцкая Светлана Борисовна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник биологический факультета Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова. Эл. почта: vasbor1@yandex.ru.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00429.

Материалы и методы

Палеодемографическое исследование проводили по программе, предложенной в работе Богатенкова [9]. Среди 166 костных останков людей из могильника Бахчи-Эли 91 скелет принадлежал взрослым индивидам, старше 15 лет, 75 скелетов принадлежали детям до 15 лет. В данной работе мы использовали пятилетние интервалы, как для взрослых, так и для детей. Нами проведен палеодемографический анализ для группы в целом, в отдельности для мужчин и женщин, для детей, а также рассчитаны некоторые индексы общего характера. Результаты поло-возрастного определения, а также ряд рассчитанных нами индексов для группы в целом приведены в таблице 1. Используются следующие обозначения: Dx – количество человек в возрастной когорте (отдельно выделена возрастная когорта 0-1 год (первый год жизни), индивиды которой также входят в возрастную когорту 0-5 лет, то есть в первый пятилетний возрастной интервал; Cx – процент индивидов в возрастной когорте; Lx – процент доживших людей до соответствующей возрастной когорты; qx – вероятность смерти в конкретной возрастной когорте.

Результаты исследования

Таблица 1

Общие палеодемографические показатели группы крымских татар из поселения Бахчи-Эли

Возрастная когорта	Dx (чел)	Cx (%)	Lx (%)	qx
0-1 год	21	12,65%	100%	0,127
0-5 лет	60	36,145%	100%	0,36
5-10 лет	12	7,23%	63,855	0,113
10-15 лет	3	1,81%	56,625	0,032
15-20 лет	2	1,205%	54,815	0,022
20-25 лет	9	5,42%	53,610	0,101
25-30 лет	9	5,42%	48,190	0,1123
30-35 лет	10	6,02%	42,770	0,141
35-40 лет	16	9,64%	36,750	0,262
40-45 лет	12	7,23%	27,110	0,267
45-50 лет	9	5,42%	19,880	0,273
50+ лет	24	14,46%	14,460	1,00
Всего человек	166	100%		

Кривая смертности (рис. 1), построенная на основе данных о проценте индивидов в разных возрастных когортах, является весьма необычной. Очень высок показатель смертности детей в возрасте до 5 лет – 36,145%. То есть, более трети индивидов умирало в возрасте до пяти лет. Далее кривая смертности группы имеет довольно ровный вид. Можно отметить низкий показатель смертности в возрастных интервалах 10-15 и 15-20 лет. Кроме того, следует отметить довольно высокий показатель представительности финальной возрастной когорты – 14,46%. Таким образом, в группе из Бахчи-Эли можно предположить определенные проблемы, вероятно, связанные с

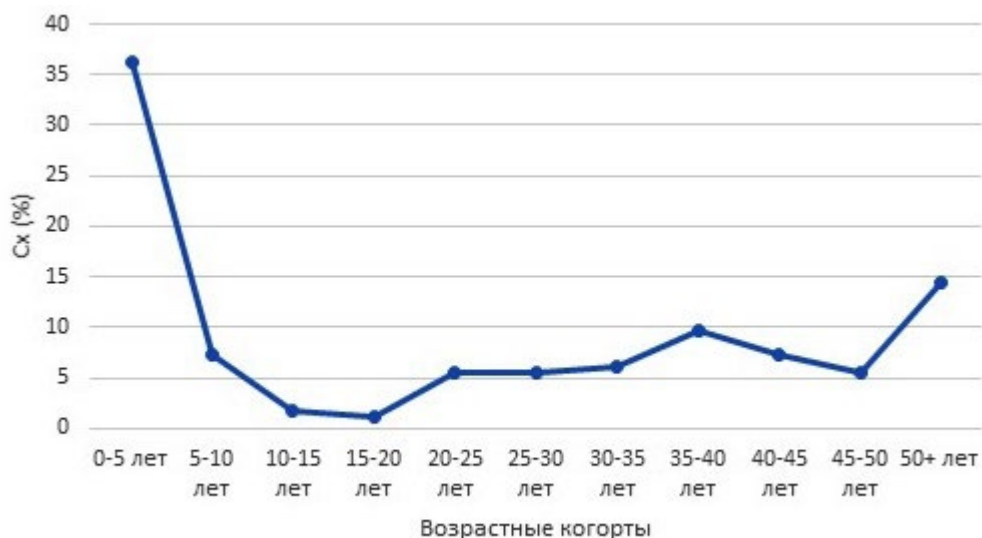

Рис. 1. Кривая смертности в группе крымских татар из Бахчи-Эли (в %).

родами, выживаемостью детей раннего возраста, а также, скорее всего, плохое медицинское обслуживание, недостаточность питания и какие-то другие проблемы. Дети более старшего возраста, преодолев все трудности жизни малолетних детей, которые имели место в группе или в месте проживания группы, далее были уже достаточно адаптированы к условиям жизни. Высокий показатель смертности в последней возрастной когорте говорит о довольно благополучной обстановке жизни взрослого населения Бахчи-Эли. Однако необходимо проанализировать показатели смертности для взрослых мужчин и женщин по-отдельности. Результаты вычисления индексов представлены в таблицах 2 и 3, а также на рисунке 2, где изображена диаграмма показателей смертности населения из Бахчи-Эли.

Таблица 2

Палеодемографические показатели для мужчин группы из Бахчи-Эли

Возрастная когорта	Dx (чел)	Cx (%)	Lx (%)	qx
15-20 лет	0	0%	100%	0
20-25 лет	2	4,080%	100%	0,041
25-30 лет	7	14,286%	95,920%	0,149
30-35 лет	6	12,245%	81,634%	0,150
35-40 лет	9	18,370%	69,389%	0,265
40-45 лет	7	14,286%	51,019%	0,280
45-50 лет	4	8,163%	36,773%	0,222
50+ лет	14	28,570%	28,570%	1,000
Всего человек	49	100%		

Таблица 3

Палеодемографические показатели для женщин группы из Бахчи-Эли.

Возрастная когорта	Dx (чел)	Cx (%)	Lx (%)	qx
15-20 лет	2	4,760%	100%	0,048
20-25 лет	7	16,667%	95,240%	0,175
25-30 лет	2	4,762%	78,573%	0,061
30-35 лет	4	9,524%	73,811%	0,129
35-40 лет	7	16,667%	64,287%	0,259
40-45 лет	5	11,905%	47,620%	0,250
45-50 лет	5	11,905%	35,715%	0,333
50+ лет	10	23,810%	23,810%	1,000
Всего человек	42	100%		

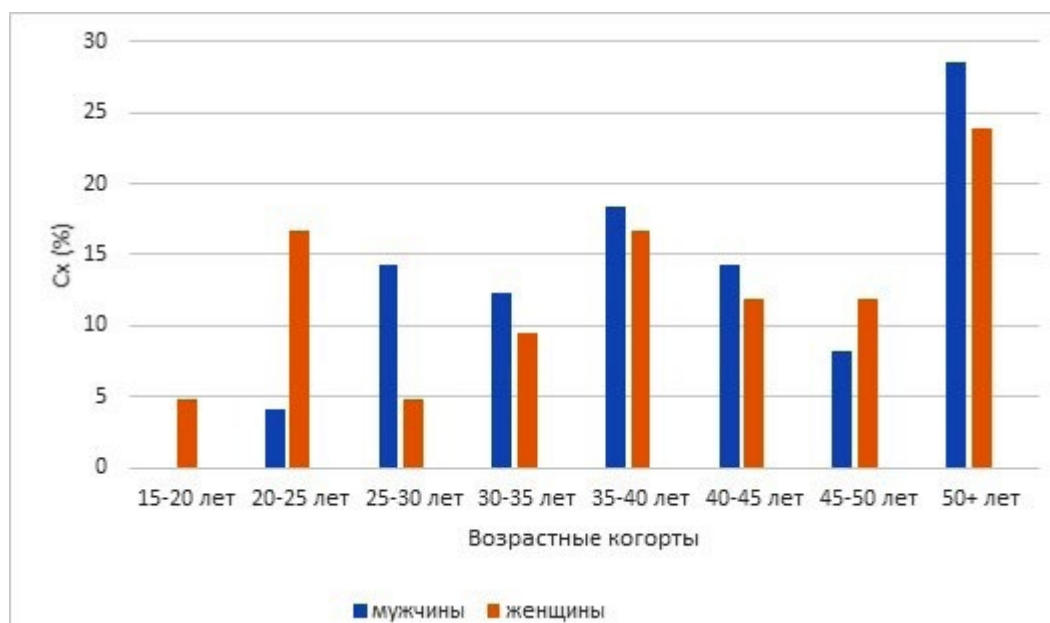

Рис. 2. Диаграмма показателей смертности мужчин и женщин группы из Бахчи-Эли (в %).

Соотношение мужчин и женщин в группе равно 53,85 % : 46,15%. Таким образом, взрослых мужчин в группе было больше. Обычно во всех исследованных средневековых группах, например, на территории России, большинство составляют именно мужчины.

Первая взрослая возрастная когорта (15-20 лет) – это возраст начала репродуктивной жизни людей. В исследованной группе первую взрослую когорту составляют

только женщины. Мужчин, умерших в соответствующем возрасте, в Бахчи-Эли не обнаружено. Смертность женщин в данном возрасте не велика, по сравнению с некоторыми другими возрастными когортами (рис. 2) и при этом, скорее всего, связана с ранними родами. Интересно отметить прямо противоположные результаты для мужчин и женщин группы во второй и третьей когортах. Смертность мужчин в возрасте 20-25 лет очень низка, в то же время у женщин можно отметить пик смертности в этом возрасте. Опять-таки это, скорее всего, связано с наибольшей репродуктивной активностью женщин в это время. Можно предположить отсутствие необходимых условий жизни и медицинского обслуживания населения в поселении Бахчи-Эли в 19 в. – начале 20 в. В возрасте 25-30 лет мы наблюдаем противоположную картину показателей смертности. Этот показатель у мужчин довольно высок, впрочем, как в этом периоде, так и в последующих трех возрастных интервалах (30-35 лет, 35-40 лет, 40-45 лет), что, наверное, связано с активной трудовой деятельностью мужчин в этот период жизни. У женщин увеличение показателей смертности наблюдается начиная с 30 лет, что, возможно, связано и с трудовой деятельностью, и со многими другими обстоятельствами. И у мужчин и у женщин наибольшее значение показателя смертности в среднем возрасте отмечается в интервале 35-40 лет, в период еще активной трудовой деятельности, но, когда организм уже достаточно износился. И в мужской и в женской группах Бахчи-Эли наибольший пик смертности приходится на финальную возрастную когорту (50+ лет). Немного выше этот показатель оказался у мужчин. Соотношение мужчин и женщин в финальной возрастной когорте оказалось равным 58,33% к 46,15%. Следует отметить, что многие индивиды, согласно определению возраста по скелету, умерли, достигнув 60-ти, 70-ти и даже 80-ти лет. Все это говорит в пользу, вероятно, особого отношения к старикам в татарском поселении Бахчи-Эли, что могло быть связано с традициями уважительного отношения и ухода за старыми людьми.

Таким образом четкий пик смертности у мужчин и женщин из Бахчи-Эли наблюдается в возрастной когорте 50+ лет. Высок также этот показатель у мужчин в возрасте 35-40 лет, у женщин – возрасте 20-25 лет и 35-40 лет. В первом взрослом возрастном периоде (15-20 лет) смертность мужчин близка к нулю.

Далее мы проанализировали общие показатели смертности детей из Бахчи-Эли. Результаты представлены в таблице 4. В таблице отдельно рассмотрен возрастной интервал 0-1 год (первый год жизни). При этом все индивиды этого периода входят в когорту 0-5 лет (первый пятилетний возрастной интервал).

Таблица 4

Некоторые демографические показатели для детей группы из Бахчи-Эли.

Возрастная когорта	Dx (чел)	Cx (%)	Lx (%)	qx
0-1 год	21	28%	100%	0,28
0-5 лет	60	80%	100%	0,80
5-10 лет	12	16%	20%	0,80
10-15 лет	3	4%	4%	1,00
Всего человек	75	100%		

Подавляющее большинство детей умерло в возрасте 0-5 лет, – 80%. Это очень высокий показатель. При этом треть детей этого периода умерли в возрасте до одного года, и чаще всего сразу после рождения и в первые дни и недели жизни. Это еще раз подтверждает проблемы с родами, медицинским обслуживанием и необходимыми условиями жизни самых маленьких детей. Вероятно, роды проходили дома, а не в специальных медицинских учреждениях, что вело к печальным последствиям.

Дети возраста 5-10 лет умирали значительно реже, а в возрасте 10-15 лет почти не умирали.

Таким образом, процент детской смертности в группе из Бахчи-Эли (PCD) составил 45,18%. Процент смертности индивидов в первый год жизни – 12,65%, или 28% от всех детей, умерших до 15 лет.

Средний возраст смерти в группе (продолжительность жизни) (А) составил 23,4 года. Средний возраст смерти взрослых (Аа) оказался равным 39,6 лет, а детей (Ас) – 3,7 лет.

Выводы

1. В погребениях кладбища крымскотатарского поселения Бахчи-Эли (19-начало 20 века) обнаружены скелетные останки 166 человек. Из них 75 человек были дети, 49 – взрослые мужчины, 42 – взрослые женщины. Соотношение мужчин и женщин равно 58,33% к 41,67%.
2. Средняя продолжительность жизни в группе составила 23,4 лет. Средний возраст смерти взрослых людей был 39,6 лет, средний возраст смерти детей – 3,7 лет.
3. Пик смертности в группе приходится на первый возрастной интервал (0-5 лет) и составляет 39,15%. 80% детей (до 15 лет) умерли в этом возрастном интервале. Больше четверти всех детей умерли до одного года, что, вероятно, связано с отсутствием необходимых условий для родов и выхаживанием детей грудного возраста.
4. Пик смертности у взрослого населения из Бахчи-Эли приходится на финальную возрастную когорту (50+ лет), что может быть связано с особым заботливым отношением населения к пожилым людям группы.

Литература

1. Алексеев В.П. *Остеометрия. Методика антропологических исследований*. Москва, 1966. 251 с.
2. Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф. *Краниометрия*. Москва, 1964. С. 29–40.
3. Добряк В.И. *Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа*. Киев, 1960. 192 с.
4. Никитюк Б.А. О закономерностях облитерации швов на наружной поверхности мозгового отдела черепа человека // *Вопросы антропологии*, 1960. Вып. 2. С. 115–121.
5. Никитюк Б.А. Определение возраста человека по скелету и зубам // *Вопросы антропологии*, 1960. Вып. 3. С. 118–129.
6. Пашкова В.И. *Определение пола и возраста по черепу*. Ставрополь, 1958. 24 с.
7. Пашкова В.И. *Очерки судебно-медицинской остеологии*. Москва, 1963. 153 с.
8. *STANDARDS. For data collection from human skeletal remains*. Indianapolis, 1994. No. 44. P. 1–35
9. Богатенков Д.В. Палеодемография Мистихали // Т.И. Алексеева, Д.В. Богатенков, Г.В. Лебединская. *Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневеко-*

вого некрополя Мистихали). М., 2003. С. 19–49.

References

1. Alekseev V.P. *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanij*. Moscow, 1966. 251 p. (In Russ.) [Alekseev V.P. *Osteometry. Methods of anthropological research*. Moscow, 1966. 251 p.]
2. Alekseev V.P., Debec G.F. *Kraniometriya*. Moscow, 1964. Pp. 29–40. (In Russ.) [Alekseev V.P., Debec G.F. *Craniometry*. Moscow, 1964. Pp. 29–40].
3. Dobryak V.I. *Sudebno-medicinskaya ehkspertiza skeletirovannogo trupa*. Kiev, 1960. 192 p. (In Russ.) [Dobryak V.I. *Forensic examination of the skeletal corpse*. Kiev, 1960. 192 p.]
4. Nikityuk B.A. O zakonornostyah oblitteracii shvov na naruzhnoj poverhnosti mozgovogo otdela cherepa cheloveka. *Voprosy antropologii*, 1960. Vol. 2. Pp. 115–121. (In Russ.) [Nikityuk B.A. On the regularities of suture obliteration on the outer surface of the human skull brain. *Voprosy antropologii*, 1960. Vol. 2. Pp. 115–121].
5. Nikityuk B.A. Opredelenie vozrasta cheloveka po skeletu i zubam. *Voprosy antropologii*, 1960. Vol. 3. Pp. 118–129. (In Russ.) [Nikityuk B.A. Determining the age of the human skeleton and teeth. *Voprosy antropologii*, 1960. Vol. 3. Pp. 118–129].
6. Pashkova V.I. *Opredelenie pola i vozrasta po cherepu*. Stavropol, 1958, 24 p. (In Russ.) [Pashkova V.I. *Determination of sex and age on the skull*. Stavropol, 1958, 24 p.]
7. Pashkova V.I. *Ocherki sudebno-medicinskoj osteologii*. Moscow, 1963. 153 p. (In Russ.) [Pashkova V.I. *Essays of forensic osteology*. Moscow, 1963. 153 p.]
8. STANDARDS. *For data collection from human skeletal remains*. Indianapolis, 1994. No. 44. Pp. 1–35. (In Russ.) [STANDARDS. *For data collection from human skeletal remains*. Indianapolis, 1994. No. 44, Pp. 1–35].
9. Bogatenkov D.V. Paleodemografiya Mistihali. T.I. Alekseeva, D.V. Bogatenkov, G.V. Lebedinskaya (eds.). *Vlahi. Antropo-ehkologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolya Mistihali)*. Moscow, 2003. Pp. 19–49. (In Russ.) [Bogatenkov D.V. Paleodemografy Mistihali. T.I. Alekseeva, D.V. Bogatenkov, G.V. Lebedinskaya (eds.). *Vlahi. Anthropo-ecological investigation (on materials of a medieval necropolis were Mistihali)*. Moscow, 2003. Pp.19–49].

S.B. Boroutskaia. Paleogeographic study of the Crimean Tatar necropolis Bakhchi-Eli of XIX–XX centuries.

In the graves of the cemetery of the Crimean Tatar settlement Bakhchi-Eli (19 – early 20th century) discovered skeletal remains of 166 people. Of these, 75 people had children at the age of 49 adult males, 42 adult women. The ratio of men and women is 58,33% to 41,67%. The average life expectancy in the group was 23,4 years. The average age of death in adults was 39.6 years, and the average age of death in children was 3,7 years.

The peak of mortality in the group falls on the first age interval (0-5 years) and is 39,15%. 80% of children (under 15 years) died in this age range. More than a quarter of all children died before the age of one, probably due to the lack of necessary conditions for childbirth and nursing of infants. The peak of mortality in the adult population from Bakhchi-Eli falls on the final age cohort (50+ years), which may be due to the special caring attitude of the population to the elderly group.

Key words: *paleodemography, paleodemography indexes, Bakhchi-Eli, age cohort, the peak of mortality, the average expectation of life.*

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 39

© М.Ю. Мартынова

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ СЕРБСКОЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются особенности протекания этнокультурных процессов в одной из составных частей Боснии и Герцеговины – Республике Сербской после подписания Дейтонских соглашений. Босния и Герцеговина имеет многовековые традиции сосуществования на ее территории населения, имеющего отличия в культуре и исповедующего разные религии. Сербь, хорваты, бошняки умели жить вместе, но в конце XX века Босния и Герцеговина столкнулась с проблемами фрагментации в различных сегментах общественной жизни, абсолютизацией этнических и религиозных различий, административным делением. При выборе стратегий дальнейшего развития страны, обстоятельства вынуждают учитывать постконфликтную ситуацию, множественность культурной и исторической идентичности граждан, наличие разных традиций и религий, как доминирующих, так и малочисленных.

Ключевые слова: Республика Сербская, этнокультурные процессы, идентичность, язык, религия, образование, культура, интеграция.

Республика Сербская была самопровозглашена на территории Боснии и Герцеговины (далее по тексту будет использоваться сокращенное название государства – БиГ) в 1992 году. (Это произошло после того, как БиГ, вслед за Словенией и Хорватией заявила о независимости). Распад Югославии, как известно, сопровождался резким обострением межэтнических отношений и кровопролитными войнами на территории бывшей Югославии. Мирное соглашение по урегулированию конфликта при участии международных посредников было парафировано 21 ноября 1995 г. в Дейтоне (США) и подписано 14 декабря 1995 г. в Париже. С тех пор официальное название страны – БиГ.

После войны, благодаря усилиям международного сообщества, БиГ как будто осталась единой страной, однако разделенной на две составные части – на Республику Сербскую и Хорватско-мусульманскую федерацию. Суть т.н. Дейтонских соглашений – сохранение единого государства БиГ в его ныне существующих границах, со столицей в Сараево. Но при главном позитивном их достоинстве – прекращении военных действий, вот уже более двух десятилетий внутреннюю жизнедеятельность государ-

Мартынова Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор. Заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: martynova@iea.ras.ru.

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 15-18- 00099 «Механизмы обеспечения гражданского согласия в межэтнических государствах: российский и зарубежный опыт».

ства отличает отсутствие функционирующей в полную силу центральной власти. Это даже дало основание бывшему президенту Хорватии Степану Месичу в преддверии 18-летия Дейтона назвать Боснию и Герцеговину государством-инвалидом [1]. На тот момент для авторов соглашений, по всей видимости, это был вопрос второстепенный.

В результате подписания Дейтонского соглашения (1995 г.) Республика Сербская является одним из двух равноправных энтитетов (образований) в составе БиГ, но в то же время у нее есть свой президент, флаг, герб и свое правительство. Она имеет собственные законодательную, исполнительную и судебную ветви власти. Согласно конституции РС может устанавливать особые параллельные отношения с соседними государствами в рамках суверенитета и территориальной целостности БиГ. И она имеет параллельные отношения с Сербией.

В 8 странах есть помимо посольства БиГ представительства Республики Сербской: в Австрии, Бельгии, Германии, Греции, Израиле, России, Сербии и США. Представительства Республики Сербской в мире не имеют дипломатического статуса и направлены на распространение информации о Республике для привлечения зарубежных инвесторов. Президент Республики Сербской по предложению Правительства Республики Сербской назначает и снимает с должностей глав представительств, а также предлагает кандидатуры на должности послов БиГ.

7 октября 2018 г. в Боснии и Герцеговине состоялись всеобщие выборы. В связи с этим в стране, естественно, развернулась политическая борьба. Хотелось бы отметить, что этнический фактор и в этой связи играет определяющую роль.

Можно было бы предположить, что этничность имеет значение только в одной из административных единиц – Республики Сербской, на самом деле по сей день она значима, практически, не только для всех «игроков» политической и социальной сцены в Боснии и Герцеговине, но и для ее граждан. Об этом, в частности, свидетельствует авторитет партий, основанных на этническом принципе и придерживающихся национальных программ. К примеру, на первых послевоенных парламентских выборах победу одержали в Федерации БиГ мусульманская Партия демократического действия и Хорватское демократическое содружество (HDZ), в Республике Сербской – Сербская демократическая партия [О партиях см. подр., напр.: 2].

Ситуация мало изменилась и перед нынешними выборами. Я располагаю данными по хорватам. Согласно недавнему опросу лиц хорватской национальности, проведенному Центром политологических исследований Философского факультета университета г. Мостар, около 60% (58,2%) избирателей – хорватов планировали отдать свои голоса за кандидата HDZ, HDZ 1990 – еще 8,5%, остальные упоминаемые партии также являются созданными по этническому принципу¹[3].

Правительство Республики Сербской – главный орган исполнительной власти в республике. Согласно Конституции, 8 министров должны быть сербами, 5 – бошняками, 3 – хорватами. Премьер-министр может также назначить одного министра из представителей других национальностей. Глава Правительства и два вице-преьера должны представлять все три конституционных народа Республики Сербской. Правительство состоит из премьер-министра, вице-премьеров и шестнадцати министров, выбираемых согласно национальной квоте. Министров выбирает Народная скупщина РС, носитель законодательной власти [4].

Численность населения Республики Сербской

До начала военных действий и массового перемещения населения, по данным переписи 1991 г., в 43 общинах, ныне входящих в территорию республики, проживало 1 млн 652 тыс. чел. В 31 общине сербы представляли собой наиболее многочисленную этническую группу, в 27 они составляли более половины всего населения. В РС согласно Дейтонским соглашениям, не вошли 4 общины с преобладанием сербского населения, расположенные в Западной Боснии (Дрвар, Гламоч и др.). В 12 общинах нынешней Республики Сербской в 1991 г. преобладало несербское население (в 10 – боснийское, в 2 – хорватское). Наименьшая доля сербов отмечалась в общинах Сребреница (всего 24%), Трново (30%), Вишеград (33%), Братунац (35%).

В конце 90-х годов численность населения Республики Сербской оценивалась местными статистическими службами в 1 млн 391 тыс. чел. (1997), а Федеральным статистическим агентством в Сараеве в 976 тыс. (1998). В 2013 году на всей территории БиГ проходила перепись населения (первая в Боснии и Герцеговине после распада Югославии). И опять данные, опубликованные Агентством по статистике БиГ и данные Республики Сербской разнятся. В Республике Сербской не признали данные Агентства. По опубликованным Республиканским управлением по статистике данным, в Республике Сербской проживает 1 170 3422 чел., что на 58 081 чел. меньше данных Агентства по статистике БиГ.

Сербы составляют 82,95% населения, бошняки – 12,69%, хорваты – 2,27% – хорваты и 1,25% – прочие. Итого сербов 970 857, бошняков 148 477, а хорватов 26 509 чел. При этом считают свой язык сербским 982 480 чел., «боснийским» 150 221 чел. и хорватским 17 315 чел. Православных в Республике Сербской 969 315 человек, мусульман 149 435 и католиков 25 763 человека [5]. По меньшей мере 50 тыс. граждан республики работают за границей, главным образом в странах ЕС (Германии, Франции, Австрии, Швеции). Необычное устройство как будто единого, но на практике разделенного государства повлекло за собой много необычных решений.

Язык в ракурсе идентичности

В Боснии и Герцеговине, как уже было сказано выше, официальные языки – боснийский (*босанский*), хорватский и сербский (хотя в конституции вопрос языках не прописан, но текст ее опубликован в трех вариантах).

В конституции Республики Сербской (ст. 7) тоже официальными провозглашены три языка, но при этом в тексте на первом месте стоит язык сербского народа, а вторым назван *бошняцкий* (а не *босанский* – М.М.). Письменность на основе кириллицы и латиницы. На территории, где живут другие языковые группы, в служебном использовании и их языки и письменности» [6].

В Федерации БиГ в настоящее время в официальном употреблении три языка и два алфавита. Коррективы были внесены в 2002 г. на основании поправок к Конституции. Первоначально же, согласно ч. 1 ст. 6 Конституции Федерации БиГ, принятой в 1994 г. официальные языки в Федерации – *босанский* и хорватский, письменность – латиница (о сербском речи не было – М.М.). Дополнительные языки определялись как служебные каждой палатой Парламента Федерации, включая большинство голосов *бошняцких* делегатов и большинство голосов хорватских делегатов в Палате народов» [7]. Эти языки могли использоваться также для коммуникации и в образовании [Там же].

Права национальных меньшинств на использование своих языков закрепил Закон БиГ о защите прав представителей национальных меньшинств от 2003 г. Позднее аналогичные законы были приняты в Федерации БиГ и в Республике Сербской. Они гарантировали право национальных меньшинств на использование своих языков при общении в органах власти, в топографических и иных надписях при условии, что национальное меньшинство представляет в данной местности абсолютное или относительное большинство [8].

Вариативность названий языка подтверждает подробный анализ законодательных актов БиГ административных субъектов более низкого уровня, который был предпринят томским филологом Д.А. Катуниним. Он обратил внимание на то, что на территории Федерации БиГ на местах есть различия в обозначении официальных языков в зависимости от преобладающего населения в той или иной административной единице – общине или населенном пункте. В преимущественно хорватских жупаниях (хорватское название кантонов) один из официальных языков законодательно именуется бошнячким, а в кантонах, где преобладают бошняки – босанским. В статуте дистрикта Брчко также используется термин босанский. В Республике Сербской в большинстве документов язык номинируется как «язык сербского народа», «язык хорватского народа», «язык бошнячкого народа» [9].

Можно констатировать, что в законодательстве БиГ отношение к троичности языка постепенно становится все более толерантным. Последующие редакции конституций и статутот, которые первоначально не содержали положение о языке и алфавите, дополняются им. Вместе с тем, по поводу названия языка/языков в боснийском обществе не первое десятилетие не утихает полемика. Название языка в Боснии и Герцеговине – чисто политическая, а не лингвистическая проблема. На самом деле все население БиГ говорит на *штокавском* диалекте одного (?) языка, подобно жителям Сербии, Хорватии и Черногории. Как считают специалисты, грамматические различия в говорах региона незначительны, а лексические – редки. Государственные границы не формируют одновременно и языковые границы. По мнению хорватского лингвиста Мате Каповича, говор хорватов и сербов в Боснии и Герцеговине имеет больше сходства между собой, чем с говором, распространенным в Хорватии и Сербии, да и там не везде говорят одинаково [10].

Но в постюгославских государствах названия официальных языков соответствуют названиям государств. Поэтому логично, что и Босния, и Герцеговина могла бы назвать свой язык по названию страны. Но сербы и хорваты, несмотря на то, что живут за пределами Сербии и Хорватии соответственно, не видят причин для переименования родных языков. Название языка *босанский* не нравится боснийским хорватам и боснийским сербам, т.к. это бы имплицировало, что на нем говорят все жители БиГ, а не только бошняки. Президент Республики Сербской Милорад Додик утверждает, что термин *босанский* применительно к языку искусственен, но не возражает, чтобы бошняки называли свой язык *бошнячким* (*bošnjački*). Сараевские интеллектуалы в свое время сигнализировали общественности о том, что хорватский язык через СМИ внедряется в Боснии и Герцеговине и даже назвали этот факт другим видом агрессии. Среди части хорватов эти заявления были восприняты как давление на них, с тем, чтобы БиГ отказалась от хорватского языка.

Различия в языке имеют тенденцию к увеличению в процессе того, как сообщества устанавливают барьеры между собой, не заключают смешанные браки и учатся

раздельно, придумывают новые слова, преследуя одну цель – сделать так, чтобы их язык как можно больше отличался от языка жителей соседнего села. Одни смотрят телевидение Сербии, другие Хорватии. А третьи – подобно тому, как это происходит в других постюгославских государствах, внедряют в язык архаизмы или локализмы из сельских диалектов (*hlopta* вместо общепринятого *lopta* – мяч, *hudovica* вместо *udovica* – вдова и др.). Вследствие того, что язык воспринимается как маркер идентичности, бошняки в последние годы форсируют распространение турцизмов, которые после ухода Османской империи постепенно исчезали из употребления. Этому способствует и активный просмотр турецких сериалов, демонстрируемых местным телевидением. Бошняки, формирующиеся как этническая группа значительно позднее сербов и хорватов, стремятся сделать опорой для своего языка исламскую культуру и заимствования из турецкого, арабского и персидского языка.

Недавно опубликован словарь боснийского языка, который содержит 8300 турцизмов [11]. Его автор и переводчик Фарук Ибрахимович утверждает, что, по крайней мере, половину из них можно услышать в повседневной жизни. Хорватские и сербские интеллектуалы высказывают мнение, что вряд ли стремление лидеров бошняков насытить свой язык турцизмами будет способствовать тому, чтобы *боснийский* язык стал языком всех жителей БиГ. Пока же жители Боснии и Герцеговины на вопрос о том, на каком языке они говорят, отвечают – на нашем («*naški*»). Да и смогут ли простые обыватели разобраться в паутине языковых сходств и различий на своей земле? На Филологическом факультете Сараевского университета на кафедре боснийского, хорватского и сербского изучается отдельно бошняцкая, боснийско-хорватская, хорватская и сербская литература. Одна небольшая страна, но четыре отечественных литературоведения.

Отмечу, что в постюгославских государствах названия официальных языков соответствуют названиям государств. Согласно ныне действующей конституции Сербии, там на государственном уровне используется сербский язык и кириллическое написание и отмечается, что служебное использование языков национальных меньшинств определяется законом на основании конституции. В Хорватии официальный язык хорватский и латиница. В отдельных локальных единицах наряду с хорватским языком и латиницей может использоваться другой язык и другое написание, в т.ч. кириллица. В Черногории, где, кстати, в отличие от других постюгославских государств, отдающих в конституции приоритет титульному народу, по конституции «носителями суверенитета являются все, кто имеет черногорское гражданство», официальный язык – черногорский². Кириллица и латиница равноправны. В служебном употреблении сербский, босанский, албанский и хорватский языки. Т.о. на протяжении почти всего XX века в бывшей Югославии государственный язык постепенно унифицировался под названием хорватскосербский/сербскохорватский язык. Сегодня из одного языка создано четыре: боснийский (бошняцкий), сербский, хорватский и черногорский.

РЕЛИГИЯ В КОНТЕКСТЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Согласно переписи населения 2013 г. в Республике Сербской проживает православных – 969 315, мусульман – 149 435, католиков – 25 763 и прочих – 25 829.

В целом же по Боснии и Герцеговине процентное соотношение совсем иное: мусульмане составляют 51% верующих, христиане – 46%, среди которых преобладают

православные – 31%, католики – 15%. Есть малые группы агностиков – 0,3%, атеистов – 0,8% и прочих – 1,15%, не указавших религиозную принадлежность – 1,1%. (В 1991 г. 40% жителей БиГ исповедовали ислам, 31% – православие, 15% – католицизм, 14% – последователи других религий).

Важно учитывать, что в Боснии и Герцеговине, как в большей или меньшей степени на всем постюгославском пространстве, налицо исторический симбиоз этничности и конфессии. В случае с Боснией и Герцеговиной исторически сложилось так, что религия была и остается ключевой дефиницией, определяющей этническую дифференциацию населения. В этом отличие Балкан от некоторых других стран, где разграничительной вертикалью был, например, язык. Как известно, бошняки – мусульмане, сербы – православные, хорваты – католики. Более 90% населения БиГ во время переписи населения самоидентифицировались как последователи одной из трех доминирующих в Боснии и Герцеговине конфессий – мусульманской, православной и католической. Впрочем, на сегодняшний день это не всегда показатель религиозности, но в значительной степени – приверженности своим корням и традициям. Вместе с тем, очевиден и факт, что после распада Югославии, которая была светским государством, множество жителей новых государств повернулось к религии.

Фактор этномобилизации 1990-х годов еще прочнее увязал религию с этничностью. А поскольку этничность в шкале ценностей поднялась на высочайшие позиции, она за собой потянула и всплеск религиозности. Новый политический истеблишмент использовал потенциал религии, а религиозные общины, которые были на положении маргиналов в предшествующей политической системе, получили основание для «обмена капиталом» с новой властью. В этот период все религиозные структуры и общины заняли значительно более высокие позиции, чем это было во времена СФРЮ. И это привело к сильнейшему влиянию религиозных институтов на политическую и общественную жизнь региона. Этномобилизация на Балканах, вероятно, не могла бы быть осуществлена столь успешно, если бы в ней не использовался религиозный фактор, религия как символ хранителя традиций и культуры народов. Значительное число жителей БиГ воспринимает религиозные символы как национальные, что не утратило актуальности и по сей день.

Межрелигиозные отношения в Боснии и Герцеговине рефлексировали на состояние общества в целом. Если где и актуально высказывание Ханса Кюнга, президента фонда «За глобальную этику», швейцарского теолога и католического священника, что «нет мира между народами без мира между религиями», так это в Боснии и Герцеговине. Война 1990-х годов на постюгославском пространстве в основе своей не была межрелигиозной, но конфликт, так или иначе, выражался в противостоянии последователей разных религий. Он нес в себе элементы религиозной символики, которыми совершенно очевидно стороны брутально злоупотребляли. Другой фактор, который необходимо учитывать, это симбиоз, начиная с 1990-х годов и до сегодняшнего дня, религиозных объединений и политических партий, прежде всего этнонационалистических. Религия вернулась в общественную жизнь, политики стали использовать конфессиональный фактор для достижения своих целей, с другой стороны, религиозные деятели использовали политику для освоения общественного пространства. Спустя 20 лет, многие религиозные деятели, по-прежнему, сосредоточены на политической деятельности. Есть среди них и те, кто стоит на националистических позициях, но есть и те, кто призывает к диалогу.

Попыткой наладить межконфессиональный диалог стало создание в 1997 г. Межрелигиозного вече БиГ. Этот орган видит свою деятельность в том, чтобы «уменьшить предрассудки в обществе и пропагандировать важность межрелигиозного диалога и сотрудничества между религиозными общинами в БиГ; совершенствовать отношения церкви и религиозных общин с государством; связать Межрелигиозное вече БиГ с региональными и международными инициативами»³. В Межрелигиозном вече БиГ создано пять рабочих групп: правовая экспертная группа; группа по связям со СМИ; группа по образованию; группа по женским вопросам и молодежная группа. За время существования вече были организованы десятки семинаров для детей, молодежи, женщин, священнослужителей, религиозных наставников, молодых теологов; проведен мониторинг и подготовлен экспертный доклад на тему «Состояние права на свободу веры в БиГ», инициирован ряд проектов и законов нацеленных на повышение толерантности в обществе. Наиболее существенные достижения – проект закона о свободе вероисповедания и правовом положении религиозных организаций и верующих в Боснии и Герцеговине, Глоссарий религиозных понятий, Книга об обычаях мусульман, православных, католиков и иудеев в Боснии и Герцеговине, журнал «Religijski pogledi». По предложению вече в июне 2014 г. в этноселе Херцег в Меджугорье состоялся Первый конгресс верующих и была принята Декларация. В этом документе говорится, что Сеть верующих при Межрелигиозном вече БиГ ставит целью строительство гражданского общества через межрелигиозный диалог и формулирует приоритеты своих планов. Надо сказать, что Межрелигиозное вече активно привлекает молодежь. В частности, в 2007 г. при этой структуре создано молодежное объединение «Все вместе» («Svi zajedno»), объединяющего молодых людей разного вероисповедания.

Несмотря на благородство помыслов инициаторов Межрелигиозного вече и взаимодействие высших слоев представителей всех религий в Боснии и Герцеговине, приходится констатировать, что на более низких и локальных уровнях, когда декларации должны воплощаться в реалии, контакты между религиозными служащими минимальны. По словам профессора политических наук в Сараево Дино Обазовича, огромное число жителей БиГ имеет ошибочное представление о последователях иной веры, которое полно стереотипов [12]. По мнению эксперта, применительно к Боснии и Герцеговине, сложно говорить о светском государстве, но с другой стороны, у верующих растет неприятие политизации религии. Все больше дискутируется о том, что хватит вплетать веру в политику. В Боснии и Герцеговине присутствуют как десекуляризационные, так и секуляризационные тенденции. На индивидуальном уровне, как показывают исследования, религиозность не играет столь важную роль, как можно было ожидать, исходя из того, какое ей придается значение в политическом истеблишменте. Да и в общественной жизни усиливается светскость.

Но насколько религия устанавливает барьер, разделяет жителей БиГ, правда ли, что мусульмане и католики дискриминируются в Республике Сербской, а православные – в Федерации БиГ? Почему, согласно недавно проведенному исследованию, 95% жителей Республики Сербской считает, что лучший сосед для них серб и православный, да и в регионах, населенных хорватами и босняками ситуация аналогична?

Насколько сильна сила креста и полумесяца в сегодняшней Боснии и Герцеговине можно судить по разным обстоятельствам. Одним из наглядных показателей является отношение к сакральным объектам. В этом смысле можно сказать, что после

прекращения войны, «борьба памятников» не закончилась до конца. Общеизвестно, что в ходе боев были разрушены сотни мечетей и церквей. И это были не случайные попадания, противоборствующие стороны тем самым хотели продемонстрировать, кому принадлежит эта территория. До сих пор идут выяснения, чьих памятников пострадало больше. Многие из них восстанавливаются. Реконструкция церквей и мечетей идет стремительными темпами. Но, к сожалению, это не столько показатель духовных устремлений, сколько одно из проявлений национализма. О том, что ситуация постепенно исправляется, свидетельствует факт, что, например, с согласия властей Республики Сербской, полученного в 2001 г. восстанавливается мечеть в Ферхадия в столице Республики Сербской Баня-Луке (разрушена в 1993 г.). Приводятся данные о том, что всего с момента окончания войны в 1995 г. в Боснии и Герцеговине было возведено 565 мечетей, из них 265 восстановлены [13]. Столь огромный объем работ стал возможным благодаря поддержке благотворительных организаций из стран Ближнего Востока. Отметим, что порой в облике обновленных мечетей проявляются элементы, больше свойственные архитектуре других мусульманских регионов. Это вызвано тем, что организации-доноры высказывают свои пожелания, которые боснийцам приходится учитывать. Международный фактор особенно силен в поддержке мусульман. Пример ответного шага – реконструкция церкви 14 в. монастыря Возучица, которую финансирует правительство Федерации БиГ и посольство ФРГ [14].

Образование как инструмент конструирования идентичности

Культурная память воссоздается на различных уровнях, распространяется через СМИ, памятники, библиотеки и т.д. Одним из наиболее действенных инструментов конструирования идентичности является образование. Оно имеет стратегическое значение, поскольку воспитывает будущие поколения. Чему учить и как учить, важно для любого государства, для постконфликтной БиГ же оно особо значимо и в нем как в зеркале отражаются все проблемы взрослого общества.

Согласно Конституции БиГ, образовательная система формируется самостоятельно в каждой из автономных единиц: в Федерации Боснии и Герцеговины, Республике Сербской, Брчко. При этом на уровне принятия решений и выработки программ, как Федерация Боснии и Герцеговины, так и Республика Сербская, исходят из стремления выполнить условия, необходимые для присоединения к Евросоюзу. Стратегические решения, принимаемые на государственном уровне, включают организацию координации вопросов стратегического значения и согласования общих стандартов, исходя из европейских образовательных принципов, представленных международно поддержанными проектами реформы образовательной системы в Боснии и Герцеговине.

Тем не менее, многие факты дают основание считать, что в Боснии и Герцеговине образование поделено по этническому, языковому и религиозному принципу. В Боснии и Герцеговине сосуществуют три разных подхода к учебным программам, в первую очередь это касается таких предметов, как история, география, язык, музыкальная и художественная культура. Совершенно очевидно, что эти дисциплины используются как инструмент формирования коллективной идентичности. Образование политизировано, и сегрегация оправдывается страхом ассимиляции. Все группы хотят сохранить свой язык, культуру и традиции. Процесс обучения ведется

по разным программам, причем учителя часто в зависимости от своих убеждений вносят коррективы даже по тем вопросам, по которым удалось достичь хотя бы минимального согласования.

В Федерации БиГ есть такой феномен, как «две школы под одной крышей», в детском коллективе хорваты и бошняки разделены и практически не коммуницируют. Сегрегацию усугубляет тот факт, что часть здания школы может быть благоустроена и отремонтирована, а другая выглядит бедно. Порой школы разделены и на три части. Особенно проблематично то, что представители разных этнических групп лишены взаимного контакта. Лишь в дистрикте Брчко, который не входит ни в одну из федеральных единиц, есть мультиэтничные школы, где вместе учатся дети из всех этнических групп.

Показателем укрепления позиций бошняков в стране служит, например, тот факт, что в самом начале 2014/2015 учебного года в ультимативном порядке в с. Бешпель (округ Яйце в Боснии и Герцеговине) родители детей бошняков выступили против их обучения в местной школе совместно с детьми-хорватами, на том основании, что вот уже 15 лет образование ведется на хорватском языке и по хорватским программам. (Бошняков и хорватов в школе одинаковое количество). Хорваты, комментируя этот факт, иронизировали, что их детей в других школах никто и не спрашивает, чему и как их учить [15].

Особую проблему представляет интерпретация событий недавнего прошлого, военных событий 1990-х годов. Последствия тех кровавых дней видны повсюду, но война не комментируется в школьных учебниках. Курс современной истории заканчивается фактом создания государства БиГ, а война лишь констатируется вскользь. В 2002 г. было принято решение исключить эту тему из учебных программ, поскольку стороны не смогли прийти к консенсусу об ее истолковании. Международное сообщество и министры образования сочли, что три разных подхода к причинам и следствиям противостояния нанесет урон стране. Можно сказать, что окончание войны не погасило до конца конфликт, который все еще существует в Боснии и Герцеговине и очевиден в системе образования. Хотелось бы отметить, что Дейтонские соглашения вопрос об образовании затрагивают лишь в контексте того, что каждый гражданин имеет право на образование, но в них не говорится об образовании как инструменте достижения примирения сторон и воспитания толерантности. Пока достичь гармонии в образовательной сфере не удастся.

О сложности проблемы, в частности, свидетельствует тот факт, что отнюдь не однозначную реакцию вызвала инициатива властей БиГ ввести религиозное образование для детей в светских образовательных учреждениях. Кто-то приветствовал это начинание, но кто-то усмотрел в этом факт дискриминации, другие – условие для сегрегации, были и те, кто сопротивлялся навязыванию религиозности. Дело в том, что в школах преподаются основы религии лишь для последователей наиболее распространенной в регионе конфессии, там, где живут босняки – это ислам, в сербской среде – православие, у хорватов – католицизм. Религиозные меньшинства оказываются в наихудшем положении. С 2000 г. обсуждается возможность введения в школе такого предмета, как «Культура религий». Но попытка внедрить внеконфессиональное религиозное образование тоже потерпела фиаско. Когда в кантоне Сараево в 2011 г. тогдашний министр образования и науки Эмир Сулягиич принял решение об исключении оценки по религиоведению при подсчете среднего балла ученика, это

породило недовольство в обществе. Он свои действия объяснил стремлением устранить дискриминацию тех детей, которые не посещают данные уроки (в кантоне Сараево это было исламоведение). Кончилось тем, что министр подал в отставку [16]. Политика продемонстрировала свое бессилие перед религией. Поскольку начинание вызвало критику лидеров всех имеющихся конфессий.

В 2008 г. в Сараево было проведено анкетирование 500 родителей детей от 3 до 12 лет. Оно показало, что 66% родителей в БиГ или 63,6% в Сараево согласно, что надо преподавать религию в школе в каком-либо виде. Показательно, что только 8,3% из них сами тоже посещали уроки по религии в школе. При этом значительно меньше тех, кто придерживается мнения, что религию нужно преподавать детям до 6 лет. Лишь 21% родителей согласен с этим [17]. Ситуацию усложняет тот факт, что уроки по религии в школах и детских садах Сараево сводились, как уже было отмечено, к преподаванию ислама. Азы католицизма, например, можно изучить в образовательных центрах при религиозных организациях. Мама четырехлетней девочки Саня Жигич-Вучак рассказывает, что детям, которые посещают в детском саду занятия по исламу, раздают сладости, и она не может объяснить ребенку, почему той нельзя в этом участвовать. По словам молодой женщины, в ней перемешаны все три национальности, она не покидала город во время войны, а из-за проблем с ребенком готова сменить место жительства. Решение властей кантона о финансировании преподавание религии (имеется в виду ислама) лишь подлило масла в огонь.

Но, как я уже говорила, в обществе отношение к преподаванию религии детям неоднозначно. Приведу несколько высказываний экспертов. По словам советника Министерства образования и науки кантона Сараево Сретко Жмутича, школы обязаны обеспечить преподавание религии представителям всех конфессий, но реально лишь мусульмане проявили интерес. Как считает эксперт, правильнее бы было сосредоточить преподавание религии в религиозных школах, тем более, сеть этих учреждений достаточно распространена [17]. Профессор этики и философии на факультете политических наук в Сараево Азим Муйкич думает, что последствия распределения детей по классным комнатам в зависимости от вероисповедания будет иметь ужасные последствия в будущем. Ребенок с ранних лет, в самом начале социализации ощущает себя иным, другим, отброшенным. Это создает предпосылки для воспитания нового доктринарного поколения. Психолог Байрактаревич усматривает в этом сегрегацию и говорит, что не хочет объяснять своим детям, что их отличает друг от друга.

Общественные школы предоставляют религиозное образование, но за исключением Брчко, школы каждого кантона преподают основы доминирующей конфессии. Теоретически, студенты имеют право не посещать занятия, но практически в результате давления клерикальных преподавателей и пэров, студентам приходится ходить на эти уроки. Например, власти Республики Сербской требуют, чтобы сербы посещали занятия по религии, но не требует этого от боснийцев и хорватов. Если более 20 боснийцев или хорватов посещают свою конфессиональную школу в Республике Сербской, то школа обязана организовывать религиозные классы от их имени. Однако, в сельских районах РС нет обычно никакого компетентного религиозного представителя, который мог бы преподавать религиозные дисциплины горстке хорватских или боснийских студентов. То же самое происходит в Федерации, где студенты хорваты или боснийцы обязаны посещать религиозные занятия, в то время как сербам не обязательно присутствовать на них. В пяти кантонах Федерации с пре-

обладающим боснийским населением, школы предлагают исламские религиозные предметы, в виде двухчасового еженедельного курса.

В тот же период возник спор в обществе из-за Деда Мороза. Директор одного из детских садов в г. Сараево приняла решение отменить елку по случаю Нового года и раздачу подарков Дедом Морозом. Хотя раньше новогодний праздник (или Рождество) отмечали в БиГ все, независимо от вероисповедания.

Народные традиции: уроки прошлого и перспективы на будущее

Зададимся вопросом, можно ли применительно к Боснии и Герцеговине говорить о народной мудрости, гармонии традиций или здесь имеет место параллельное сосуществование трех разных традиционных культур? Обратимся к этнографическим данным. Сейчас сербы заселяют, преимущественно, северо-восточные районы, хорваты – южные, западные и северо-западные области, в то время как большинство бошняков проживает в центре страны. Но со времен Османской империи и в последующие времена смешанность проживания, особенно в городах была типична для региона. В недалеком прошлом, как показывают материалы переписей, многие поселения были смешанными. Так, по данным 1981 г. в Боснии и Герцеговине из 19 существующих общин лишь 13,76% (количественно – 13 общин) на 80% были моноэтничны; в населении 60,55% общин (т.е. 66 общин) одна этническая группа составляла от 50 до 80%, в 25,68% общин (т.е. 28 общин), доля ни одного народа не превышала 50% населения [Подсчитано по: 18]. На протяжении столетий представители разных народов жили по-соседству, вместе работали, делили будни и праздники, ходили в гости и дружили семьями, вступали в брак. Да и говорили на одном языке, диалектные различия в местных говорах есть, но они региональные, не связаны с этнической принадлежностью. Веротерпимость и толерантность были неизбежны в таких условиях. Религиозность не была ортодоксальной.

Показательный пример – межэтнические браки. На наш взгляд, степень их интенсивности есть продукт и следствие определенной социально-экономической и этнокультурной ситуации в стране. Следовательно, их исследование может служить одним из индикаторов межэтнических отношений в разных исторических, политических, социально-экономических ситуациях. Характерно, что в начале 1980-х годов, согласно анкетному опросу студентов Сараевского университета, 77,4% опрошенных полагали, что национальность брачующихся второстепенна, 15,3% считали этот критерий важным, 6,2% – необходимым и 1,4% не дали ответы [19]. И хотя уровень межэтнической брачности в Боснии и Герцеговине был ниже общегославского и составлял в 1970–1980-х годах приблизительно 12%, во второй половине XX века выбор супруга другой национальности был здесь обыденным явлением [см. подробнее: 20]. Несмотря на рост этнического самоопределения, особенно у боснийских мусульман в силу официального предоставления им статуса конституционного народа, в тот период постепенно исчезали различия, отделявшие мусульман от соседнего христианского населения, в быт широко проникли европейский костюм, тип дома и утвари. Теперь Сараево – восточный город, по улицам которого ходят женщины в хиджабах, в витринах магазинов красуются восточные наряды, а лавочки торговцев полны традиционных для Востока товаров. Причем, мусульманские традиции возрождаются в молодежной среде. Можно наблюдать маму средних

лет в мини юбке с дочкой – девушкой в хиджабе. Очевидно, что всплеск роли этнического фактора в жизни общества привел к возрождению и актуализации традиционной культуры, как маркера идентичности. Падение доли межэтнических браков с последнего десятилетия XX века являлось отражением общего ухудшения межэтнических отношений в регионе.

Это сейчас бошняки задумались, нужен ли их детям Дед Мороз. В недалеком прошлом наряду с праздниками, предписанными исламом – рамаданом, курбан-байрамом, мевлудом и др., боснийские мусульмане соблюдали многие христианские обычаи. Например, Рождество было любимым праздником у всех жителей БиГ, в том числе и у мусульман. В этот день они не работали, принимали гостей или сами ходили в гости, подобно тому, как делают здесь христиане, зажигали рождественское полено – бадняк (бадњак). Этнографы 1960-х годов отмечали, что в окрестностях села Високо мусульмане, как и православные устраивали ритуальные шествия волков (вукове). На Пасху христиане дарили своим приятелям – мусульманам крашеные яйца. Во времена Югославии местные мусульмане почитали и отмечали дни христианских святых Георгия, Ильи, Прокопия, Петра, Варфоломея, Ивана и др. Мусульмане, как и христиане, исполняли в эти дни различные магические обряды, связанные с древним культом плодородия. Так, например, на Спасов день крестьяне шли в горы и одаривали пастухов молоком, каймаком и лепешками, а те брызгали друг на друга молоком. Накануне дня святого Петра обходили стада с зажженными факелами. В дни святого Георгия и Дмитрия, как христиане, так и мусульмане заключали обычно договоры и различные сделки [см., напр., 21: 214–215]. Обычаи и обряды бошняков представляют собой сложное смешение древнеславянских, возможно дохристианских, христианских и мусульманских элементов. Характерно, что иногда в обрядах сохраняется христианская терминология, хотя содержание их изменилось. Так, например, церемония заключения брака, которую исполняет судья – кадия, называется венчанием, хотя собственно венца нет. За оформлением брака следует свадьба, в которой сочетаются как народные славянские обычаи, так и элементы исламских традиций [там же: 214]. Может быть с точки зрения чистоты религии это и некое отступление от нормы, зато показательно в плане симбиоза культур и толерантности к иному.

Влияние турецкой культуры и проникновение турцизмов в язык заметно выражено в ремесленном производстве и утвари (изделия из металла, вышивка золотом и шелком, ковроткачество и др.), пищевом рационе и др. Характерно, что в производственную сферу турцизмы не проникли. Восточный облик до сегодняшнего дня сохраняет планировка многих городов и архитектура зданий (базары, ремесленные кварталы, махалы, высокие заборы и т.д.). Интерьер жилья тоже несет в себе восточные черты (деление дома на мужскую и женскую части, ковры, восточная посуда и т.д.). Исламские нормы проявляются в семейном укладе, семейных традициях, обычаях и обрядах.

Восточные традиции и религия, конечно, накладывают отпечаток на этикет в Боснии и Герцеговине, но в целом нормы поведения определяются здравым смыслом. Как написано в одной из инструкций для туристов, посещающих Боснию, при встрече местные жители, независимо от вероисповедания, приветствуют друг друга вполне по-европейски – рукопожатием. В некоторых южных районах при встрече хорошо знакомых людей допускаются объятия и поцелуи, с незнакомыми людьми это недопустимо. В мусульманских районах страны приняты традиционные для исламских

стран нормы приличия – при входе в дом нужно снять обувь (обычно хозяева держат в запасе на этот случай домашние тапочки), нельзя обходить молящихся спереди (в настоящее время рекомендуется избегать посещений мечетей, хотя официально это ни в коем случае не запрещено). Не принято есть стоя или на ходу, а также смотреть в лицо человека, занятого едой. Брать пищу, деньги и вещи следует правой рукой. Подошвы ног не должны быть направлены в чью-либо сторону. Во время рукопожатия не следует смотреть в глаза собеседнику, также при этом нельзя держать другую руку в кармане или интенсивно размахивать ею в воздухе (особенно с сигаретой). При этом бошняки несколько отличаются от своих единоверцев довольно демократичными нормами в одежде и в быту – женщины имеют равные права с мужчинами и свободно носят одежду западного стиля (хотя многие обязательно покрывают голову, особенно в случаях религиозных мероприятий), некоторые бошняки даже свободно употребляют алкоголь, который в исламе официально запрещен⁴.

Взаимовлияние культур проявляется и в традициях христианского населения. Например, сербская кухня впитала в себя многие восточные элементы. Сербские и боснийские блюда мало чем отличаются друг от друга, разве что в Боснии больше используют растительное масло, а в сербских районах – сквашенное особым образом молоко «каймак». Как и везде на Балканах, боснийская кухня сформировалась в результате смешения южнославянских, немецких, турецких и средиземноморских кулинарных традиций. Основа местных блюд – мясо и овощи, причем если в мясных продуктах заметно турецкое влияние, то в отношении овощей и зелени боснийцы не уступят своим соседям по средиземноморскому региону. От славянских народов унаследовано обилие молочных продуктов, в первую очередь сыра, и широкое использование хлеба и зерновых⁵. На Балканах кофе повсеместно любимый напиток. Правда, если раньше его называли кофе по-турецки, теперь это «сваренный», «наш» или «отечественный» кофе.

О том, какое значение придает общественность БиГ пестованию своего культурного достояния, свидетельствует тот факт, что в 2001 г. в Сараево был открыт Бошняцкий институт. Его основой стал одноименный институт, основанный в 1988 г. в Цюрихе энтузиастом Адилом Зулфикарпашичем, который эмигрировав из БиГ в 1946 г., на протяжении полувека собирал всевозможные материалы, связанные с его исторической родиной. Это один из крупнейших в стране культурных комплексов, стоимость его содержимого превышает 100 млн \$. В комплексе зданий располагается библиотека, архив письменных источников, видео и аудиоархив, коллекция живописи, кабинеты для научно-исследовательской работы, читальные залы, конференц-зал и другие помещения.

Еще один показательный пример: фонд «Bosnjaci», в сфере интересов которого поддержка образования, науки, культуры, экономики, финансовая и социальная поддержка бошняков, на 2014–2015 г. выделил 140 студенческих стипендий, из которых 50 профинансировано из Кувейта⁶.

На федеральном канале телевидения БиГ несколько лет назад шли бурные дискуссии по поводу идентичности бошняков [22]. Они были спровоцированы тем фактом, что во время футбольного матча Турция–Хорватия на чемпионате Европы 2008 г. значительная часть бошняков болела за Турцию. Как писали СМИ, в городах с преобладающим бошняцким населением, как впрочем, и в г. Мостар, болельщики размахивали турецкими флагами и скандировали «Это Турция!» [23]. Правда, были и противополо-

ложные мнения. Например, министр культуры кантона Сараево, актер Эмир Хаджи-хафиизбегович утверждал, что это не правда и что большинство бошняков голосовало за хорватов [24]. Вместе с тем, как говорят, в Боснии и Герцеговине не было зафиксировано ни одного общественного скандирования в поддержку хорватской команды. Турецкие флаги используются и во время других массовых событий, в частности, на памятных мероприятиях, посвященных геноциду в Сребренице, были люди с турецкими флагами. Опять же, в других слоях бошняков это вызвало осуждение.

Многие топонимы БиГ связаны с историей османского периода. Например, в Сараево есть улица османского военачальника славянского происхождения Мехмед-паши Соколовича, а в Бихаче – улица османского султана Сулеймана Величавого и улица Мехмед-паши Бишчевича. Многие культурные учреждения и организации бошняков в БиГ носят имена, относящиеся к Османскому периоду. Например, бошняцкий ансамбль из Сараево назван в честь османского султана Мехмеда II Фатиха (Завоевателя), покорившего Константинополь, а затем Сербию, Герцеговину, Албанию и др.

О некоем ренессансе Османского прошлого и внимании к турецкой составляющей своей культуры со стороны бошняков свидетельствуют и другие факты. Мустафа Церич, духовный вождь боснийских мусульман, во время посещения премьер-министра Турции заявил: «Турция наша мать, так было и так будет» и «Мы турки по нашему историческому происхождению и идентичности, связанной с исламом, который нам принесли турки» [25]. Министр иностранных дел Турции Ахмед Давутаглы во время открытия Турецкого культурного центра в Сараево в 2009 г. под бурные аплодисменты присутствующих заявил, что «Сараево – турецкий город, а бошняки его и Боснии хозяева». Кроме того, на открытии конференции «Османское наследие и мусульманские общины на Балканах сегодня» турецкий министр дал оценку Османскому владычеству в БиГ, как исключительно позитивному явлению в ее истории, а ислам – ее аккультурацией. Он назвал его «Золотым веком Балкан» [26].

Жизнь в тени «конституционных» народов: национальные меньшинства

О роли этнического фактора в нациестроительстве БиГ свидетельствует тот факт, что представительство в органах управления страной зависит не от личностных качеств любого гражданина, но напрямую связано с его этнической идентичностью. При этом представители этнических меньшинств оказываются, как бы тени, у трех «конституционных» народов. Прочих, правда, не так много – чуть более 4% населения, но у них есть повод быть недовольными своим положением в государстве. Согласно принятому как на федеральном, так и на уровнях Федерации БиГ и Республики Сербской, в 2003 г. Закону о защите прав представителей национальных меньшинств [27], этот статус имеют представители 17 этнических групп. Среди них – албанцы, венгры, евреи, итальянцы, македонцы, немцы, поляки, румыны, русские, русины, словаки, словенцы, турки, украинцы, цыгане, черногорцы, чехи. Закон защищает право этих групп на сохранение культуры, обычаев, традиций, языка, письменности, образования, религиозной свободы и др. Но в соответствии с Конституцией и Законом о выборах Боснии и Герцеговине, как политические субъекты в стране прописаны три «конституционных» народа (меньшинства названы как «остальные»). Вследствие того, что детально прописывается порядок очередности работы на тех или

иных постах представителей бошняков, сербов и хорватов, все прочие оказываются вне выдвижения на высшие государственные должности – на пост президента, на место в законодательных органах и на многие другие позиции в общинах и кантонах.

Это послужило причиной того, что Дерво Сейдич и Якоб Финци, представители цыганской и еврейской общин, обратившись в Европейский суд по правам человека в Страсбург, выиграли дело. Суд 22.12.2009 г. обязал Боснию и Герцеговину изменить конституционно-правовое устройство страны. Было доказано, что БиГ в настоящий момент является единственным государством, нарушающим Протокол № 12 Европейской конвенции о правах человека. Но решение до сих пор не реализовано. Представители Евросоюза упорно напоминают, что без корректировки законодательства БиГ не может претендовать на вступление в эту организацию.

Необходимо отметить, что в 2008 г. по решению Парламента БиГ было создано Вече национальных меньшинств БиГ, как совещательный орган при Парламенте страны. Вече состоит из 12 членов. Председателем избран Наджад Йусич, цыган по национальности. Существует также Союз национальных меньшинств Республики Сербской и соответствующий орган в другой части страны – Федерации Боснии и Герцеговины.

Активизации этих структур способствует тот факт, что Миссия ОБСЕ в Боснии и Герцеговине одну из своих важнейших задач видит в увеличении влияния представителей меньшинств на процессы, происходящие в государстве, способствовании их более интенсивному политическому, экономическому и культурному включению в жизнь страны. Работа Миссии сфокусирована на создании платформы представительства интересов меньшинств, развитии сети их организаций, которые бы могли лоббировать потребности данной группы населения.

Особое внимание уделяется образовательным программам. Это направление деятельности Миссии стартовало в 2004 г., когда План действий в сфере образовательных потребностей цыган и представителей других национальных меньшинств БиГ, поддержанный и разработанный Миссией, был подписан всеми министрами образования страны. Миссия поддерживает образовательные учреждения, внедряющие языки меньшинств в школьное образование. Кроме того, Миссия рекомендует общеобразовательным школам шире внедрять специальные курсы о меньшинствах. При поддержке образовательной программы «Открытая Европа» (Open Europe Scholarship Scheme, OESS) в 2008–2009 гг. подготовлены учебные материалы и пособия об истории, культуре и традициях национальных меньшинств БиГ, а также методические разработки для учителей [28]. С 2010 г. Миссия начала реализацию проекта «Калейдоскоп», который направлен на то, чтобы помочь молодым людям «лучше понять» представителей национальных меньшинств, как «часть повседневной жизни общества». В 2010 г. т.н. Пересмотренный план действий в сфере образовательных потребностей цыган был подписан Советом (Вечем) министров БиГ. Он ставит своей целью одинаковые возможности для качественного образования на всех его ступенях, с целью дальнейшей интеграции «маргинализированных» детей в общество⁷.

В декабре 2014 г. была принята «Стратегическая платформа по решению вопросов национальных меньшинств БиГ» [29]. Она включает три части, в соответствии с поставленными задачами: анализ положения национальных меньшинств в стране; подготовка документов Стратегической платформы; усовершенствование работы государственных органов по реализации этой платформы и обеспечению прав меньшинств.

Хотелось бы отметить, что политика по активизации части населения БиГ, относящего себя к представителям тех или иных меньшинств, будет, на наш взгляд, способствовать формированию и укреплению этнической составляющей их идентичности. Пospособствует это, надо думать, также и сохранению культурной сложности населения страны. Вероятно, подобные действия дадут понять «этнотриаде» БиГ – бошнякам, сербам и хорватам, что необходимо преследовать не только личные интересы, но и не забывать об интересах соседей. Но станут ли эти соседи родственниками? Насколько подобная политика будирования этнических амбиций одной части населения, пусть малочисленной, будет способствовать ослаблению тех же амбиций у трех преобладающих групп населения? При всех своих благих намерениях, сможет ли подобная политика стимулировать формирование единой боснийской гражданской нации?

Перспективы евроинтеграции: от Дейтонской Боснии и Герцеговины к Брюссельской

Многие вопросы социальной политики БиГ, в том числе, и те, которые влияют на идентичность ее населения, в значительной степени обусловлены, стремлением руководства БиГ к евроинтеграции. Вступление в ЕС является одним из главных внешнеполитических приоритетов БиГ. Определенный вектор здесь задает тот факт, что в Боснии и Герцеговине с момента окончания войны 1992–1995 г. и до сих пор действует миротворческая операция Евросоюза «EUFOR Althea». Совет по выполнению Мирного соглашения и Верховный представитель ООН по Боснии и Герцеговине обладают официальным мандатом ООН. Фактически же Объединенные нации отдали дело управления БиГ в руки ЕС – Верховному представителю, который по своему статусу одновременно является Специальным представителем Евросоюза, имеет широчайшие права по управлению Боснией и Герцеговиной, вплоть до смещения и назначения официальных лиц. Все эти годы он вносит свои коррективы в жизнь этой страны.

С декабря 2010 года граждане БиГ получили права на свободное передвижение по странам ЕС. С момента подписания Дейтонского мирного соглашения БиГ получает международную помощь, в том числе и в рамках программы SEED (Support for East European Democracy, «Поддержка демократии в Восточной Европе»). Но при этом состояние ее экономики является одним из самых депрессивных в Европе.

БиГ входит в официальную программу расширения ЕС, но в отличие от других стран Западных Балкан⁸, она пока лишь на пути от потенциального кандидата к официальному кандидату на вступление в ЕС. Хотя БиГ подписала Соглашение о стабилизации и ассоциации с Евросоюзом 16 июня 2008 г., его вступлению в силу мешает мнение Брюсселя, что из всех претендентов на членство в ЕС среди западнобалканских государств у БиГ пока самый незначительный прогресс в приближении к европейским нормам. Ведь, как известно, для того, чтобы ЕС начал рассматривать заявку на членство в этом союзе того или иного государства, все они должны выполнить определенные условия, с тем, чтобы «соответствовать европейским стандартам». Исходя из этого, Боснии и Герцеговине необходимо воплотить программу реформ, в первую очередь, в сфере прав человека, демократии, а также политических и экономических свобод. Боснии и Герцеговине на пути в Евросоюз предстоит осуществить множество реформ – от конституционной до судебной. В частности,

как уже говорилось, одно из условий Евросоюза – изменение законодательства, с тем, чтобы оно позволило баллотироваться в органы власти всем жителям страны, а не только представителям трех этнических групп. Невыполнение этого требования подтолкнуло ЕС к лишению в 2013 г. БиГ финансовой помощи от ЕС в 47 млн евро.

Экономические меры оказались хорошим стимулом. Несмотря на то, что представление о евростандартах не всеми игроками воспринимаются однозначно, в начале 2015 г., наконец, лидерам БиГ не без участия Запада удалось преодолеть длившиеся в течение нескольких лет споры относительно текста Соглашения о стабилизации и ассоциации между ЕС и БиГ. Президиум БиГ взял на себя письменное обязательство провести требуемые реформы (его подписали лидеры политических партий и утвердил парламент БиГ 23 февраля 2015 года во время визита Верховного представителя ЕС Федерики Могерини в Сараево). После этого в марте 2015 г. министры иностранных дел стран-членов Европейского союза одобрили текст Соглашения, что открывает Боснии и Герцеговине путь к вступлению в Евросоюз. Соглашение о стабилизации и ассоциации – такие договоры Евросоюз предлагал всем странам Западных Балкан – прямо предусматривает возможность членства в ЕС, в отличие от соглашений об ассоциации с рядом других стран, в частности, с Украиной. Также это соглашение предусматривает зону почти полностью свободной торговли с Евросоюзом после вступления в силу.

Нельзя не отметить, что идея евроинтеграции БиГ имеет не только сторонников, но и противников не только среди простых граждан, но и среди лидеров страны. В частности, перспектива ликвидации Республики Сербской в результате усиления центральной власти, вызывает недовольство со стороны многих боснийских сербов. Милорад Додик, их лидер, видит в этом нарушение Дейтонских соглашений. Противостояние находящейся у власти в Республике Сербской коалиции (СНСД) во главе с Милорадом Додиком и оппозиционного Союза за перемены, лидером которого является Младен Иванич, сербский член Президиума БиГ, один из инициаторов Соглашения, на данном этапе окончилось победой последнего. Однако, о полном консенсусе говорить рано. С другой стороны, премьер Сербии Александр Вучич, советует конфликтующим сторонам придерживаться «проевропейского курса», подобно тому, как это делает Сербия. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что последнее время евроинтеграцию БиГ все чаще рассматривают на фоне украинского кризиса. Успех присоединения Крыма к России и другие украинские события вселяют надежду на отделение других регионов мира. Кроме того, политологи полагают, что по мере ухудшения отношений России и Запада, Россия, вероятно, будет усиливать свое влияние на Балканах.

Нельзя сказать, что своей этнической идентичности в Боснии и Герцеговине не хотят забывать только сербы. Показательно, что Президент Республики Хорватии Колинда Грабар-Китарович, сразу же после ее избрания на высокий пост (февраль 2015 г.) высказалась о готовности помочь БиГ на ее пути в Евросоюз. При этом, эта европейски ориентированная и прекрасно образованная женщина-политик (ранее она занимала должность министра иностранных дел и европейской интеграции Хорватии, в начале карьеры была директором североамериканского департамента МИД, работала дипломатическим советником и заместителем посла в посольстве Хорватии в Канаде), оценивая европейские инициативы, касающиеся БиГ, отметила, что они имеют один недостаток – не говорят о конститутивном равноправии хорватов

в БиГ [30]. В предвыборной риторике она даже обмолвилась о том, что поддержала бы третью административную единицу в Боснии и Герцеговине – хорватскую, но затем уточнила, что высказывание вырвано из контекста и что она готова поддержать любой договор легитимных представителей всех народов Боснии и Герцеговине.

Подводя итоги

Зададимся вопросом, возможна ли политическая эмансипация БиГ и как скоро она не будет нуждаться в международных посредниках? Будет ли она самостоятельна в своих решениях? Еще раз подчеркну, что БиГ имеет многовековые традиции сосуществования на ее территории населения, имеющего отличия в культуре и исповедующего разные религии. Они умели жить вместе, но в конце XX века БиГ столкнулась с проблемами фрагментации в различных сегментах общественной жизни, абсолютизацией этнических и религиозных различий, административным делением. При выборе стратегий дальнейшего развития страны, обстоятельства вынуждают учитывать постконфликтную ситуацию, множественность культурной и исторической идентичности граждан, наличие разных традиций и религий, как доминирующих, так и малочисленных. Однако мирный процесс идет и порождает надежду на возрождение этой древней земли, на «мир между её народами» и восстановление того богатейшего культурно-исторического наследия, которым всегда славился этот Балканский регион. Диалог сторон уже начат и думаю, консенсус, в конце концов, будет найден. Может быть, не следует форсировать события и, в частности, внешним силам навязывать свою волю, хотя бы и руководствуясь благими намерениями. Правильнее не загонять проблему внутрь, оставляя огонь неприятия сторон тлеть, а продолжить переговоры. Они и идут в боснийском обществе на всех уровнях.

Примечания:

¹ Подробнее об этом см.: <https://www.obican.ba>.

² Черногорский язык, ставший служебным в 2007 г., отличается от сербского двумя дополнительными буквами – мягкой *š* и мягкой *ž*. В результате черногорская азбука состоит из 32 букв.

³ Подробнее можно познакомиться на сайте: Međureligijsko vijeće BiH. Режим доступа: <http://www.mgv.ba/>.

⁴ Подробнее об этом см.: «TREVEL.RU». Доступа: <http://guide.travel.ru/bih/people/traditions/>.

⁵ См., напр., <http://visa4.ru/countries/bosnia-i-giertsieghovina>.

⁶ См.: сайт фонда «Bosnjaci», <http://www.fondbosnjaci.co.ba/>.

⁷ См. сайт ОБСЕ <http://www.oscebih.org/Default.aspx?id=53&lang=HR>.

⁸ Косово также пока не является официальным кандидатом. Хорватия уже стала членом ЕС в 2013 г.

Источники и литература

1. Anadolija. Stjepan Mesić: BiH je država invalid, potreban je novi Dejton. «Kurir», 21.11.2013. Доступ: <http://www.kurir-info.rs/stjepan-mesic-bih-je-drzava-invalid-potreban-je-novi-dejton-clanak-1097011> (дата публикации: 21.11.2013).
2. Никифоров К.В. Вместо заключения. // *Югославия в XX веке: Очерки политической истории*. М.: Индрик, 2011. С. 873.
3. *Istraživanje javnog mišljenja Hrvata u Bosni i Hercegovini – Opći izbori 2018. Vjesti*, 2018.
4. Мандат. Влада Републике српске. Доступ: <http://www.vladars.net/sr-SP-Cyrl/Vlada/Premijer/Pages/Mandat.aspx> (дата обращения: 06.06.2018).
5. Республика Сербская опубликовала результаты переписи населения. Доступ: // ruSerbia.com;

- http://ruserbia.com/society/respublika-serbskaya-opublikovala-rezultaty-perepisi-naseleniya/ (дата обращения: 08.08.2018).
6. *Ustav Republike Srpske*. Доступ: http://skupstinabd.ba/ustavi/rs/ustav_hrvatski.pdf (дата обращения: 08.08.2018).
7. *Ustav Federacije Bosne i Hercegovine*. Доступ: http://eudo-citizenship.eu/NationalElectoralLawsDB/docs/ustav_federacije_bosne_i_hercegovine.pdf (дата обращения: 9.09.2018)
8. *Zakon o zaštiti prava pripadnika nacionalnih manjina Bosne i Hercegovine*. Sarajevo, 2002. Доступ: <http://www.budimojpriatelj.com> (дата обращения: 09.09.2018).
9. Катунин Д.А. Современное языковое законодательство Боснии и Герцеговины: становление и тенденции // *Вестник Томского университета*. Филология. Томск, 2009. № 1. С. 22–46.
10. Каровић М. *Uvod u indoeuropску lingvistiku*. Zagreb: Matica Hrvatska, 2008. 372 s.
11. Ibrahimović F. *Rječnik turcizama u bosanskom jeziku s tumačenjem i prijevodom na engleski jezik*. Sarajevo, 2012.
12. Karabeg O. *Zašto religije ne mire zavađene narode*. (Интервью М. Вукомановича и Д.Обазовича с кор. Радио Свободная Европа 31.03.2013). Доступ: <http://pescanik.net/2013/03/zasto-religije-ne-mire-zavadene-balkanske-narode/> (дата обращения: 09.09.2018).
13. Забцевик А. Ислам в Боснии: десять лет после войны // *«Islam online»*. 25.04.2007. Доступ: http://www.islamonline.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=123:2009-05-20-11-51-31&catid=23:culture&Itemid=58 (дата обращения: 09.09.2018).
14. Почела обнова манастира Возућица код Завидовића // *Информативна служба митрополије Добробосанске*. 14.03.2007. Доступ: <http://www.mitropolijadabrobosanska.org/2007-3.html> (дата обращения: 09.09.2018).
15. Popovic A. Bosnjaci ne ze le da njihova deca ide u skolu s Hrvatima // *Vecerni list*, 19.09.2014.
16. Aganovic A. Religijsko obrazovanje i diskriminacija. // *«Ednakost»*, 17.07.2013. Доступ: <http://jednakost.ba/site/arijana-aganovic-religijsko-obrazovanje-i-diskriminacija/> (дата обращения: 19.05.2017).
17. Piše: Centar za istraživačko novinarstvo. Vrtići: čija je zadnja? 23.03.2009. Доступ: <http://www.cin.ba/vrtici-cija-je-zadnja/> (дата обращения: 29.05.2018).
18. Посебна обрада становништва, домаћинства и станова у 1981 година. Документација СЗС. Спасовски М., Живковић Д., Степић М. *Етнички састав становништва Босне и Херцеговине*. Београд, 1992. С. 96–104.
19. Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Брак и семья у народов Югославии. М., 1982. С. 65.
20. Мартынова М.Ю. *Балканский кризис. Народы и политика*. М.: Старый сад, 1998. С. 96.
21. Југословнески муслимани // *Народи Југославије*. Београд, 1965.
22. Jeli Turska mati Bosnjacima? // *Lan wars*. 30.11.2008. Доступ: <http://www.lan-wars.com/content/view/2486/2/> (дата обращения: 06.09.2018).
23. Mostarski muslimani porucuju: “Ovo je Turska” // Добавлено на YouTub 16.07.2009. Доступ: <http://www.youtube.com/watch?v=J4FjGGIgc3E> (дата обращения: 09.09.2018).
24. Emir Hadzihafizbegovic: Odgovorno tvrdim da je vecina Bosnjaka navijala za Hrvate // *Index*. 24.06.2008. Доступ: <http://www.index.hr/vijesti/clanak/emir-hadzihafizbegovic-odgovorno-tvrdim-da-je-vecina-bosnjaka-navijala-za-hrvatsku-protiv-turske/392403.aspx> (дата обращения: 09.09.2018).
25. Bošnjaci. Доступ: <http://hr.wikipedia.org/wiki/Bo%C5%A1njaci> (дата обращения: 10.11.2018).
26. Miloš Petar i Landeka Miroslav. Turski minister u Sarajevu: Obnovit ćemo otomanski imperij na Balkanu // *Slobodna Dalmacija*. 27.10.2009. Доступ: <http://www.slobodnadalmacija.hr/BiH/tabid/68/articleType/ArticleView/articleId/76213/Default.aspx> (дата обращения: 05.08.2018).
27. *Zakon o zaštiti prava pripadnika nacionalnih manjina*. Доступ: <http://bhric.ba/dokumenti/BHS%202%20Zakon%20o%20manjinama.pdf> (дата обращения: 5.09.2018).
28. Valenta Leonard. Upoznajmo se! Nacionalne manjine u Bosni i Hercegovini. OSCE, 2009. Доступ: http://www.oscebih.org/documents/osce_bih_doc_2011022813425011cro.pdf (дата

обращения: 05.10.2018).

29. Strateska platforma za rješavanje pitanja nacionalnih manjina u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 2014.
30. GRABAR – KITAROVIĆ: Njemačko-britanska inicijativa za BiH ima ozbiljan nedostatak. Ne govori ni riječi o ravnopravnosti Hrvata // *Poskok.info. Portal for social decontamination*. Доступ: <http://poskok.info/wp/?p=129375> (дата публикации: 22.01.2015).

References

1. Anadolija. Stjepan Mesić: BiH je država invalid, potreban je novi Dejton. «Kurir», 21.11.2013. Access: <http://www.kurir-info.rs/stjepan-mesic-bih-je-drzava-invalid-potreban-je-novi-dejton-clanak-1097011> (date of publication: 21.11.2013).
2. Nikiforov K.V. Vmesto zakliucheniiia. *Iugoslaviia v 20 veke: Ocherki politicheskoi istorii*. Moscow: Indrik, 2011. Pp. 873. (In Russ.). [Nikiforov K. V. Instead of conclusion. *Yugoslavia in the twentieth century: Essays on political history*. Moscow.: Indrik, 2011. Pp. 873].
3. Istraživanje javnog mišljenja Hrvata u Bosni i Hercegovini-Opći izbori 2018. *Vjesti*, 2018.
4. *Mandate. Vlad Republika srska*. Access: <http://www.vladars.net/sr-SP-Cyrl/Vlada/Premijer/Pages/Mandat.aspx> (date accessed: 06.06.2018).
5. *Republika Serbskaia opublikovala rezul'taty perepisi naseleniia*. Dostup: // ruSerbia.com. (In Russ.). [The Republika Srpska published the results of the population census. Access: // ruSerbia.com; <http://ruserbia.com/society/republika-serbskaya-opublikovala-rezultaty-perpisi-naseleniya/> (accessed: 08.08.2018)].
6. *Ustav Republike Srpske*. Access: http://skupstinabd.ba/ustavi/rs/ustav_hrvatski.pdf (date accessed: 08.08.2018).
7. *Ustav Federacije Bosne i Hercegovin*. Access: http://eudo-citizenship.eu/NationalElectoral-LawsDB/docs/ustav_federacije_bosne_i_hercegovine.pdf (date accessed: 9.09.2018).
8. *Zakon o zastiti prava pripadnika nacionalnih manjina Bosne I Hercegovine*. Sarajevo, 2002. Access: <http://www.budimojpriatelj.com> (date accessed: 09.09.2018).
9. Katunin D.A. Sovremennoe iazykovoe zakonodatel'stvo Bosnii i Gertsegoviny: stanovlenie i tendentsii. *Vestnik Tomskogo universiteta*. Filologiya. Tomsk, 2009. No. 1. Pp. 22–46. (In Russ.). [Katunin D. modern language legislation of Bosnia and Herzegovina: formation and trends. *Bulletin of Tomsk University. Philology*. Tomsk, 2009. No. 1. Pp. 22–46].
10. Kapović M. *Uvod u lingvistiku indoeuropejsku*. Zagreb: Matica Hrvatska, 2008. 372 s.
11. Ibrahimović F. *Rječnik turcizama u bosanskom jeziku s tumačenjem I prijevodom na engleski jezik*. Sarajevo, 2012.
12. Karabeg O. religije Zašto ne mire zavađene narode. (Interview M. Vukomanovic and D. Obzovica with cor. Radio Free Europe 31.03.2013). Access: <http://pescanik.net/2013/03/zasto-religije-ne-mire-zavadene-balkanske-narode/> (accessed: 09.09.2018).
13. Zabcevic A. Islam v Bosnii: desjat' let posle vojny. «Islam online». 25.04.2007. Dostup: http://www.islamonline.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=123:2009-05-20-11-51-31&catid=23:culture&Itemid=58 (data obrashheniya: 09.09.2018). (In Russ.). [Zubcevic A. Islam in Bosnia: ten years after the war. *Islam online*. 25.04.2007. Access: http://www.islamonline.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=123:2009-05-20-11-51-31&catid=23:culture&Itemid=58 (date accessed: 09.09.2018)].
14. Have pocela the renewal of the monastery Vozza code Zavidova // Informative service mitropolie Dabrobosanski. 14.03.2007. Access: <http://www.mitropolijadabrobosanska.org/2007-3.html> (date accessed: 09.09.2018).
15. Popovic A. Bosnjaci ne ze le da njihova deca ide u skolu s declare themselves Croats // *Vecerni list*, 19.09.2014.
16. Aganovic A. Religijsko obrazovanje I diskriminacija. // “Ednakost”, 17.07.2013. Access: <http://jednakost.ba/site/arijana-aganovic-religijsko-obrazovanje-i-diskriminacija/> (accessed:

- 19.05.2017).
17. Piše: Centar za istraživačko novinarstvo. Vrtići: čija je zadnja? 23.03.2009. Access: <http://www.cin.ba/vrtici-cija-je-zadnja/> (accessed: 29.05.2018).
18. Posebna obrad stanovništva, domainstate and stanova u 1981 Godin. ESS documentation. Spasovski M., Zivkovi D., Stepi M. *Etnicki sastav stanovništva Bosne and Hercegovine*. Beograd, 1992. Pp. 96–104.
19. Bromlej Yu. V., Kashuba M. S. *Brak i sem'ja u narodov Yugoslavia*. Moscow, 1982. Pp. 65. (In Russ.). [Bromley, Y. V., Kashuba M. S. *Marriage and family among the peoples of Yugoslavia*. Moscow, 1982. Pp. 65].
20. Martynova M. *Balkanskij krizis. Narody i politika*. Moscow: Staryj sad, 1998. Pp. 96. (In Russ.) [Martynova M. Yu. *The Balkan crisis. Peoples and politics*. Moscow: Old garden, 1998. Pp. 96].
21. Jugoslovenski muslimani. People Ugoslavia. Beograd, 1965.
22. Jeli Turska mati Bosnjacima? *Lan wars*. 30.11.2008. Access: <http://www.lan-wars.com/content/view/2486/2/> (accessed: 06.09.2018).
23. Mostarski muslimani porucuju: «Ovo je Turska». *Added on YouTube 16.07.2009*. Access: <http://www.youtube.com/watch?v=J4FjGGIgc3E> (date accessed: 09.09.2018).
24. Emir Hadzihafizbegovic: Odgovorno tvrdim da je vecina Bosnjaka navijala za Hrvate. *Index*. 24.06.2008. Access: <http://www.index.hr/vijesti/clanak/emir-hadzihafizbegovic-odgovorno-tvrdim-da-je-vecina-bosnjaka-navijala-za-hrvatsku-protiv-turske/392403.aspx> (date accessed: 09.09.2018).
25. *Bošnjaci*. Access: <http://hr.wikipedia.org/wiki/Bo%C5%A1njaci> (date accessed: 10.11.2018).
26. Miloš Petar i Landeka Miroslav. *Turski minister u Sarajevo: Obnovit ćemo otomanski imperij na Balkanu // Slobodna Dalmacija*. 27.10.2009. Access: <http://www.slobodnadalmacija.hr/BiH/tabid/68/articleType/ArticleView/articleId/76213/Default.aspx> (date accessed: 05.08.2018).
27. *Zakon o zaštiti prava pripadnika national minorities*. Access: <http://bhric.ba/dokumenti/BHS%202%20Zakon%20o%20manjinama.pdf> (date accessed: 5.09.2018).
28. Valentina Leonard. *Upoznajmo se! Nacionalne manjine u Bosni I Hercegovini*. OSCE, 2009. Access: http://www.oscebih.org/documents/osce_bih_doc_2011022813425011cro.pdf (date accessed: 05.10.2018).
29. *Strateska platforma za rjesavanje pitanja nacionalnih manjina u Bosni i Hercegovini*. Sarajevo, 2014.
30. GRABAR-KITAROVIĆ: Njemačko-britanska inicijativa za BiH ima ozbiljan nedostatak. *Ne govori ni riječi o ravnopravnosti Hrvata. Poskok.info ahhh! Portal for social decontamination*. Access: <http://poskok.info/wp/?p=129375> (date of publication: 22.01.2015).

M. Yu. Martynova. **Ethnocultural processes in the Republic of Srpska nowadays.**

The article deals with the peculiarities of ethno-cultural processes in one of the constituent parts of Bosnia and Herzegovina – Republika Srpska after the signing of the Dayton agreements. Bosnia and Herzegovina has a centuries-old tradition of co-existence within its territory of a population with different cultures and religions. Serbs, Croats, Bosniaks were able to live together, but at the end of the XX century Bosnia and Herzegovina faced the problems of fragmentation in different segments of public life, absolutization of ethnic and religious differences, administrative division. When choosing strategies for further development of the country, the circumstances force to take into account the post-conflict situation, the plurality of cultural and historical identity of citizens, the presence of different traditions and religions, both dominant and small.

Key words: Republika Srpska, ethnocultural processes, identity, language, religion, education, culture, integration.

РЕСТОРАНЫ КАК НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ ТРАДИЦИОННОЙ АЛИМЕНТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ОПЫТ СИЦИЛИИ

В настоящее время кухня вызывает научный интерес не только как комплекс конкретных элементов материальной культуры, но и как совокупность культурных кодов определенной этнической общности, как средство ее самоидентификации и консолидирующий элемент самосознания ее представителей. В силу этого во многих странах взят курс на поиск и консервацию аутентичного алиментарного наследства. Интересен необычный опыт Сицилии по сохранению и возрождению в ресторанах местной пищевой традиции в русле «свободы» от инокультурных заимствований: многие из этих заведений превращены в научные центры. Именно им принадлежит ведущая роль в реализации серьезных научных изысканий, включая полевые, в отношении локальных традиций питания, они сотрудничают с университетами и исследовательскими структурами; инвестируют часть доходов в научные исследования; издают труды; преподают уроки этнографии для рестораторов. В этих центрах реконструкции традиции, кухня и ресторанный зал играют роль своего рода «демонстрационной площадки» достигнутых наработок.

Ключевые слова: Сицилия, традиционная кухня, научные центры по изучению пищи, рестораны, экспериментальный подход к исследованию традиционности, поддержка, реконструкция и сохранение алиментарной традиции.

В последние годы в свете развития *гастики*, или Food Studies, как системы дисциплин, пища, в качестве предмета исследования, все больше привлекает внимание историков, этнографов, психологов, философов. При этом кухня становится объектом научного анализа не только как комплекс конкретных элементов материальной культуры, но и как совокупность культурных кодов и символов, присущих определенной этнической общности, как средство ее самоидентификации, как консолидирующий элемент самосознания ее представителей. Уместно в этой связи вспомнить высказывание знаменитого каталонского журналиста, поэта, но также специалиста по гастрономии и политика, члена Лиги Регионалистов Каталонии (Lliga Regionalista de Catalunya) Феррана Агульо: «Каталонцы – особая нация, потому что у них есть свой язык, свой свод законов и своя кухня» [1: 6].

Актуальность исследования системы питания Сицилии обусловлена не только тем, что она представляет собой богатый и самобытный архаичный культурно-алиментарный комплекс – историки считают его самой разнообразной кухней в Италии

[2: 17; 3: 13, 17] – но и тем, что, как показывают результаты полевых исследований, в самосознании жителей острова, кухня в настоящее время играет все более важную роль средства выражения их культурной «самости» [4: 5] и является одним из консолидирующих элементов самосознания сицилийцев [4: 292–294].

Последнее присуще не только сицилийцам, как отмечают исследователи, во всех частях Италии и в стране в целом кухня является фундаментальным фактором самоидентификации, в том числе и национальной [2: 207, 221, 267; 5: 136, 175]. Но в Сицилии, по причинам, на которых мы остановимся ниже, «идеологическая» роль традиционной системы питания приобретает особую значимость и актуальность.

Сицилийскую кухню и сегодня отличает достаточно высокая степень сохранности традиционного архаичного меню, едва ли не самая высокая в Италии; до конца 80-х годов XX века локальная система питания была крайне мало подвержена инновациям. Подобная консервативность в целом характеризует не только культуру Сицилии, но и весь уклад ее жизни. Наличие данной особенности не в последнюю очередь детерминруется долгим периодом пребывания региона в статусе «заштатной» провинциальной области в контексте Италии, что в свою очередь в немалой степени предопределялось ее островным положением, особенностями исторического развития, экономической отсталостью и другими факторами. Также оформившаяся в веках консервативность присуща и общему строю жизни сицилийцев, их ментальности, она связана с психологической обращенности сицилийцев к своему прошлому [6: 107–109].

Именно к этим чертам жителей Сицилии и, в целом, локального социума апеллировал А. Буттитта, известный культурный антрополог и знаток «сицилийскости» во всех ее проявлениях, когда писал: «Если в других странах культурные движения подчиняются механизмам рождения, распространения и спада <...> то в Сицилии новое не прогоняет старое, традиция и инновация сосуществуют, прошлое и настоящее продвигаются вперед на одинаковой скорости бок о бок. С одной стороны, островная культура шагает в ногу со временем, с другой – под кажущейся адаптацией к изменениям таится сохранение таких культурных матриц и идеологических канонов, которые словно принадлежат к другому историческому измерению – измерению вне времени и «без времени» – в котором все должно измениться, чтобы ничего не менялось» [цит. по 3: 11].

Ему вторит журналист Д. Биллиттери. В своих зарисовках сицилийской повседневности он отмечает странную закономерность, касающуюся отношений сицилийцев со временем и во многом объясняющую вышеупомянутую консервативность «исторического хода» Сицилии, а именно, преимущественную обращенность сицилийцев к собственному прошлому и игнорирование ими будущего, которое воспринимается лишь как гипотетическое продолжение настоящего, в свою очередь представляющего органичное продолжение прошлого [6: 107–109]. В подтверждение своего тезиса об обращенности сицилийцев «спиной к будущему», а лицом – к тому, что было, Биллиттери приводит интересные и красноречивые факты. Так, например, в сицилийской разговорной речи практически никогда не употребляются глагольные формы будущего времени – их заменяют глаголы настоящего времени. Кроме того, у различных гадалок и ведунь, и сегодня весьма популярных на острове (магические и оккультные практики исторически были очень востребованы сицилийцами), в Сицилии никогда не спрашивают о будущем, но в основном о прошлом – какие события (сглазы, порчи, грехи) былогоотягощают сегодняшнее бытие [там же: 109].

Самобытность кухни в Сицилии во многом обусловлена спецификой истории: все завоеватели острова, но преимущественно арабы, внесли свой вклад в его кулинарный «плавильный тигель». Исторически кухня складывалась как бедная и народная («еда синьоров» занимала в ней весьма скромное место), зиждущаяся на принципе бесконечного варьирования в использовании подчас одного и того же скромного исходного сырья, что привело к созданию богатейшего меню мясных, овощных, рыбных и особенно «сладких» блюд (последние традиционно занимают важное место в гастрономии Сицилии и еще недавно были полностью сакрально-детерминированы) [7: 16]. Противоречия между утверждением об исходной бедности Сицилии и констатацией конечного богатства и разнообразия «произведенной» гастрономической продукции нет: как известно, «изобретение порождает не только роскошь, но и нищета» [8: 12].

Сицилию всегда отличала гастрономическая «интровертность» в выборе как меню, так и исходных продуктов; предпочтение традиционно отдается «*prodotto nostrano*» («нашему продукту») – тому, что производится в регионе исключительно из локального сырья.

Подобный «гастрономический национализм» в целом характерен для Италии, что отмечают многочисленные исследователи феномена «итальянской кухни». Показательно, что к этому термину в контексте Италии часто прибегают не только историки кухни – такие, как уже упоминавшиеся А. Каппати или Дж. Дики, но и социологи – как, например, Пол Гинбург, или политологи и демографы – к примеру, Массимо Ливи Баччи. Более того, этот «алиментарный патриотизм» не исчез и с наступлением эпохи подъема экономики в 60–70-е годы XX в.: «несмотря на экономический прорыв, Италия осталась страной гастрономических консерваторов» [2: 335]. «Вместо того, чтобы привести – как это случилось в Англии, Германии и в США – к господству промышленного продукта, изготовленного где-то в другом месте, иногда за сотни километров от места потребления, в Италии богатство способствовало повышению ценности традиционных товаров и рецептов...» [8: 10]. Правоммерно утверждение, что и сегодня «итальянцы продолжают с недоверием относиться к “импортным” кулинарным изыскам и традициям» [2: 334]. Приведем несколько примеров, подтверждающих сказанное. Так, в Италии в 8-11 раз меньше ресторанов международного фаст-фуда, чем во Франции, Англии и Германии (имеется в виду фаст-фуд, представленный компаниями McDonald's, KFC, Burger King и т.д., а также заведениями с суши, а не традиционные точки «собственной» городской уличной кухни, распространенной и популярной на полуострове со времен Древнего Рима). В Италии прижились очень немногие виды «иностраных» напитков, а «инокультурные» продукты на внутреннем рынке практически не пользуются успехом [8: 10; 2: 334–335]. В крупных и посещаемых туристами городах – Неаполе, Риме, Флоренции, Милане – в сравнении с любым английским или американским городом такого же уровня развития и населенности, практически нет иностранных ресторанов или заведений с неитальянской кухней; некоторое исключение составляют немногочисленные китайские рестораны, а также небольшие заведения, представляющие филиппинскую, шриланкийскую, индийскую кухню, предназначенные иммигрантам и посещаемые преимущественно ими же [2: 334; 9: 159].

В Сицилии же, ввиду ее островного положения, уже отмечавшейся консервативности уклада, архаичности и «интровертности» культуры и ментальности жителей,

этот «пищевой национализм» получил максимальное выражение и до сих пор сохраняется в полной мере [9: 5].

До недавнего времени Сицилию отличал преимущественно домашний характер производства и потребления пищи, вне зависимости от социальной принадлежности населения.

Система общественного питания существовала, но ее предприятия в их сицилийской версии, если говорить о заведениях «среднего звена» (таверны, траттории, «горячие столы»), традиционно представляют собой, скорее, некие социально- и гендерно-маркированные «места перекусов», чем места еды «для всех», ибо посещаются, согласно локальным этико-поведенческим нормам, преимущественно мужчинами и представителями народных слоев населения [10: 127–135; 8: 314–315; 11: 21–22].

Таверны – «потомки» древнеримских «*tabernae*» – представляют собой заведения, в которых акцент делается на выпивку (вино); к вину прилагаются холодные закуски.

Траттория же, или харчевня, основное внимание уделяет еде, причем предлагает не только холодные закуски, но и горячие блюда, которые готовят по заказу клиента, – как первые, так и вторые, как правило, представляют местную кухню. Отличия тратторий от ресторанов заключаются в том, что первые исторически ориентированы на народную систему питания, тогда как последние – на господскую, аристократическую, богатую кухню; в тратториях блюда менее изысканны, чем в ресторане, а меню намного скромнее.

В меньшей степени в Сицилии исторически распространены «тавола калда» («*tavola calda*»), что дословно переводится как «горячий стол». В такого рода заведениях подают в основном готовую непритязательную пищу и именно «тавола калда» является прямой «наследницей» древнеримского «термополия» (лат. «*thermopolium*») или «попины» (лаб. «*porina*») – забегаловки-закусочной, где тем не менее предлагались горячие блюда [12: 279–281; 13: 118; 14: 14].

До наших дней, в большей степени и дольше, чем где-либо в Италии, свою жизнеспособность и актуальность в Сицилии сохранила такая архаичная система общественного питания как «уличная кухня» [10: 127–135; 15: 132–142; 16: 172–187], удовлетворяющая потребности низших слоев населения.

Это особая система питания, предполагающая круглогодичную готовку еды на открытом воздухе, на гриле или в котлах, часто в присутствии клиента, который и ест также на улице, стоя, без столов, тарелок и приборов; передвижной прилавок сочетается с переносным источником «живого» огня или углей. Этот вид кухни отличается четко детерминированное и не предполагающее вариаций меню, «устоявшееся» в веках, и гендерная принадлежность как продавцов/поваров, так и покупателей. Это кухня, в которой готовят только мужчины, предназначена исключительно для мужчин и табуируется для женщин. Отметим сразу: если ранее «уличная кухня» насыщала исключительно народные слои, в последние годы практический интерес к ней проявляют и выходцы из других социальных страт.

Существовали ли исторически в Сицилии рестораны? Да, существовали, но в весьма ограниченном количестве. Более того, вплоть до 70-х годов XX в. они функционировали преимущественно не как «самостоятельные» заведения, а, как правило, при крупных гостиницах как их органичная составляющая.

Отмеченные черты сицилийской кухни оставались неизменными вплоть до рубежа 70–80-х годов XX в. – много дольше, чем где-либо в Италии.

Начиная же с этого момента многие социо-демографические и экономические факторы (урбанизация, процессы модернизации, глобализация, увеличение доходов населения, ускорение ритма жизни, консюмеризм, «выход» женщин из дома на работу, их эмансипация и увеличение их занятости, сокращение числа детей в семье, вытеснение большой семьи нуклеарной и др.) дали толчок изменениям внутри сицилийского социума, затронув также традиционную систему питания. Ситуацию усугубило наступление импортированных товаров вследствие политики Общего рынка и современной интернационализации торговли, и распространение супермаркетов (именно они сыграли главную роль в нарушении «календарной детерминированности» и десакрализации традиционных сладостей; в изменении ассортимента «сырья для готовки»; в «навязывании» пищевых инноваций и т.д.).

Вследствие этих процессов сицилийская кухня претерпела ряд изменений. В частности, женщины стали готовить меньше и быстрее, отказываясь от блюд сложного приготовления, сложные ингредиенты уступили место простым, в оборот были введены полуфабрикаты, замороженные продукты, заменители, готовые блюда. Кроме того, рецептура подверглась произвольным изменениям, а традиционное меню стало беднее, но обогатилось чужеродными заимствованиями, и традиция в домашних условиях начала размываться [17: 32–33].

Следует откровенно признать: все вышеперечисленные процессы протекали в Сицилии не столь массово и интенсивно, как в Италии, и затронули область в значительно меньшей степени. Речь идет скорее о некоторых тенденциях, наметившихся в сицилийском социуме, но которые, ввиду его замкнутости, оказались достаточно ощутимыми.

Параллельно с конца 1970 – начала 1980-х годов в связи с повышением благосостояния сицилийцев и, одновременно, с ростом туризма, стал наблюдаться «выход» местной кухни за пределы дома – появились рестораны как популярный «самостоятельный» институт общественного питания и их число быстро начало расти [18: 6–7; 16: 189, 195; 6: 185–186].

Увеличение численности их посетителей и изменение (расширение) социальной базы и контингента их клиентуры было обусловлено многими причинами. Экономический подъем сделал это возможным с финансовой точки зрения. Что до мотивации посещения ресторанов, то она была детерминирована во многом модой, а также тем фактом, что рестораны в видении сицилийцев представляли собой классово маркированный «status-symbol», приобщение к которому было весьма престижным. Последнее объяснимо в контексте традиционных реалий сицилийского социума, особенностей уклада и психологии сицилийцев.

Дело в том, что в Сицилии исторически кастовое разграничение «народной» и «господской» кухонь не только существовало, но и было жестко психологически и поведенчески регламентировано в локальном обществе. Пережитки подобных классово-маркированных пищевых традиций и неписаные кодексы правил социально-детерминированного поведения все еще во многом до сих пор живы в сознании сицилийцев. В свете этого, посещение ресторанов – «вотчины» аристократии и буржуазии – для представителей других, более «низких» социальных слоев представало искушающим соблазном, прельщающим возможностью если не приобщиться, то хотя бы создать видимость приобщения к культуре, быту и привычкам вышестоящих классов.

Отметим, что и сегодня факт присутствия представителей «*propolino*» (буквально «народца») в ресторане достаточно часто воспринимается представителями более

высоких слоев сицилийского общества чуть ли не как кощунство, почти как оскорбление, едва ли не так же, как в Средние века воспринималась, очевидно, возможность простолюдинам отведать «bianco mangiare», или бланманже – блюдо, считавшееся исключительно господской привилегией.

Таким образом, подводя итоги сказанному, можно констатировать, что в 80–90-е годы XX в. в сицилийском социуме наметились одновременно несколько тенденций, касающихся социо-алиментарной сферы. С одной стороны, речь идет о начале размышления традиционной системы питания, ранее в течение веков сохранявшей неизменность, изменение характера ее производства и переход с «полноценной» домашней готовки к редуцированной, ускоренной. С другой – возросло экономическое благосостояние сицилийцев, позволяющее им есть где-то за пределами дома, и появилось определенное чувство свободы, детерминирующее ломку прежних психологических и поведенческих стереотипов, позволяющее обращение к «новому» социо-алиментарному опыту – к еде в системе общественного питания (не случайно начиная с этого периода одновременно возрастает значимость и численность традиционных заведений «общепита» более скромного ранга, перечисленных выше) и даже к еде в ресторане.

Если вначале рестораны тяготели если не к интернациональной, то, по крайней мере, к «неместной», «континентальной» (т.е. итальянской в понимании владельцев ресторанов и поваров) кухне, то уже к концу 1980-х – началу 1990-х годов они оказались переориентированы на возрождение и эксплуатацию местной традиции.

Забегая вперед, отметим одну общую черту, во многом присущую многим итальянским ресторанам «последнего поколения» и в полной мере – исследуемым и описываемым нами ниже сицилийским ресторанам.

В целом, как правило, «... ресторанная кухня, гостиничная индустрия – наследники аристократической гастрономической культуры» [8: 312]; такую кухню представляли (и до сих пор представляют) «элитные» сицилийские рестораны, обладатели 2-х и 3-х мишленовских звезд. Но рестораны, возникшие в Сицилии в конце XX – начале XXI века, объекты нашего анализа, изначально взяли курс на популяризацию и абсолютную эксплуатацию исключительно традиционной народной «бедной» кухни. Ибо, повторим, кухня региона по своим истокам, природе и истории преимущественно представляет собой кухню народную. Именно она сохранилась, пусть и с утратами, до наших дней, именно ей посвящены исследования специалистов по истории питания, именно ее рецепты приводят кулинарные книги по Сицилии. Уместно привести в этой связи высказывание исследовательницы сицилийской гастрономии А. Помар: «Когда мы говорим о кухне Сицилии, мы имеем в виду кухню традиционную – другой в обращении нет; говоря же о кухне традиционной, подразумеваем кухню народную, «бедную» – именно она сохранила свою жизнеспособность, поглотив во времени многие блюда богатой кухни элиты» [19: 15]. Действительно, существовавшая в эпоху арабов и позже, в эпохи норманнов и господства Арагона, параллельно с народной кухней, «высокая» кухня синьоров, сильно отличавшаяся от народной как по меню, так и по численности блюд, к XVI–XVII вв. постепенно «сошла на нет» [20: 148]. Многие блюда «высокой кухни» (например, торт «cassata»; «caronata» – своего рода баклажанная икра) органично вошли в состав народного меню.

И вот тут начинается *эксперимент*, который продолжается и сегодня, – эксперимент, затрагивающий не только узко-алиментарную сферу, но также касающийся

непосредственно и психологии сицилийцев, и их ментально-поведенческих и социальных стереотипов.

Речь идет о новаторской политике ряда сицилийских рестораторов, которые, не удовлетворившись своим основным предназначением – кормить людей, взяли курс на научное исследование и теоретическое осмысление культурно-гастрономического наследия Сицилии. (Отметим: в данном контексте инновационный подход отличает деятельность не только владельцев этих точек питания, но и тех исследователей сицилийской алиментарной культуры, которые, как и мы, рассматривают этих «нетипичных» рестораторов и их «детища» как некий альтернативный, дополнительный источник научной информации – новый и необычный в контексте Сицилии).

Первым ресторатором, заложившим основы скрупулезного исследования традиции и ее реконструкции, стал выпускник университета Антонио Консоле, открывший в Палермо в 2005 г. ресторан «Gourmet Chirone».

Пример этого заведения показателен. В его стенах ресторан в узком смысле слова сосуществует с научным центром в лице исследователей-этнологов, сотрудничающих с университетами и исследовательскими структурами и осуществляющих серьезные научные изыскания, в том числе и полевые, в отношении традиций питания на Сицилии. Ресторан располагает гастрономическим музеем, открытым для публики; инвестирует часть доходов в научные исследования; регулярно издает специализированный научный бюллетень; проводит популярные лекции и мастер-классы для взрослых и детей, а также дает уроки этнографии для рестораторов. Если изначально ресторан позиционировал себя преимущественно как «место питания», то сейчас он представляет собой скорее некий центр реконструкции традиции, где кухня и ресторанный зал играют роль своего рода «демонстрационной площадки» достигнутых наработок.

Первым, кто последовал примеру А. Консоле, был владелец ресторана «Lo Strascico» (Палермо) Р. Кашино. Далее в дело реконструкции традиции вступили и кондитеры «клана Каппелло», подписавшие с Консоле «Соглашение по реставрации алиментарной традиции в Сицилии» («Accordo di collaborazione nell'ambito del restauro della tradizione alimentare della Sicilia»). Основатель клана – Бартоломео Каппелло, еще в 60-е годы XX в. начавший реконструировать старинные традиционные сицилийские десерты. Его преемником стал сын Салваторе, и поставивший свою подпись под «Соглашением...», а внук Джованни, продолжатель дела, открыл в 2008 г. в Палермо специализированный «сладкий» ресторан.

Вслед за ними «Соглашение о реставрации...» поддерживали и представители давнего и известного «клана» кондитеров Албиокко: Салво, Маттео, Винченцо и Сантино (Палермо).

Еще одним партнером по «Соглашению...» является ресторан с примечательным названием «Джузеппе Кория» («Giuseppe Coria») в Катании. Его основатели и владельцы – Доменико Колоннетта и Франческо Патти, начиная в 2009 г. свой проект, единодушно присвоили своему будущему детищу имя одного из наиболее сведущих и известных исследователей сицилийской гастрономии, ее истории и корней, – Джузеппе Кория (1930–2003).

Список «соратников» Консоле можно продолжить и дальше: в последнее время традиция развита владельцами и более мелких заведений в провинции по всей Сицилии. Речь идет, например, о кондитерах Тото Кодоньо (десертная лаборатория «Baaria» в Багери; Ассунте Ломбардо (заведение по производству сладостей «Dolci

artigianali» в Фавара); Винченцо Скудери («Tavola calda “La sorgente”» в Кастелламаре дел Голфо); Нино Дженко (кондитерская «Genco» в Санта Нинфа) и многих других [18: 10–11, 41, 47, 72]. Очевидно, что владельцы небольших и скромных по масштабам заведений зачастую ни физически, ни материально не в состоянии самостоятельно осуществить какую-либо исследовательскую деятельность. В этом случае они кооперируются с «гигантами» в лице Консоле, Кашино, Каппелло, примыкая к их исследовательской базе и опираясь на данные их наработок.

К сожалению, приходится констатировать, что до сих пор инициатива первых «реставраторов» не получила официальной поддержки, невзирая на многочисленные апелляции Консоле и его «соратников» в Ассамблеа Реджонале (Правительство Сицилии) о придании «Соглашению по реставрации...» статуса правительственной программы по защите культурного наследия. Единственной инстанцией, в которой был зарегистрирован этот документ, стал пока Аксессорат по Туризму (фактически – Министерство Туризма) Правительства Сицилии, но рестораторы – «патриоты» не теряют надежды.

Такие заведения, как «Gourmet Chirone» и другие, идущие в Сицилии по пути «поиска традиции», имеют на своем счету не только заслуги в популяризации во всех слоях социума традиций локальной алиментарной культуры, но и реальные достижения в аутентичном воссоздании гастрономических «утрат». В числе последних необходимо упомянуть, например, «‘mpanatigghi» – архаичные сладкие пирожки с мясом, приправленные шоколадом – дань одновременно европейской средневековой и арабской традиции; «igis» – древний десерт, который традиционно готовили ко дню Св. Луки и который сегодня можно с величайшим трудом найти лишь у отдельных торговцев на «исторических рынках», сосредоточиях сицилийской традиционности, Палермо и, возможно, Катании.

Кроме этого, были «запущены в оборот» многие блюда беднейшей народной кухни. Речь идет, например, о хлебной тюре «panicottu»; «caponata puvira», или «бедной капонате» – пище низов, плебейской разновидности уже упомянутой выше капонаты, входившей в состав «элитного» меню; «rapitacciu» – затируха из муки турецкого гороха со шкварками и др.

В 2016 г. одновременно в «Gourmet Chirone», «Lo Strascico» и «Giuseppe Coria» был реализован проект «Cucina di strada» («Уличная кухня»), для аутентичного воссоздания блюд которой, наряду с учеными-исследователями, были широко привлечены и уличные повара-торговцы. Осуществление этого проекта во многом сняло «словесные страхи» в отношении ресторана как «барского заведения», существовавшие даже у достаточно состоятельных представителей народных слоев населения. Этим оно обеспечило если не приток новой клиентуры в рестораны, то хотя бы интерес к заведениям этой категории со стороны «proletario». В равной степени определенные предубеждения против «грубой еды» были развеяны среди клиентуры, относящейся к более высоким в социальном отношении стратам сицилийцев; тем самым рестораны внесли свой вклад в дело популяризации блюд «уличной кухни», ранее считавшейся едва ли не самой «народной» системой питания в Сицилии. Единственным моментом, по которому рестораторы и уличные повара-торговцы не сразу пришли к согласию, был вопрос о допущении к трапезе женщин, поскольку по традиции представительницы слабого пола исключаются из числа потребителей «уличных» блюд, но в результате консенсус был найден – совместным решением было постановлено, что проект надлежит считать не окончательным нарушением нормы, а исключением из правил.

Возрождение, инициированное «реставраторами», коснулось не только отдельных конкретных блюд сицилийской традиции, но и целых направлений. Так, например, в рамках Программы возрождения местной кухни, оговоренной в «Соглашении о реставрации...», в стенах «Gourmet Chirone» в 2017 г. началась реализация проекта по воссозданию из небытия такого не слишком изученного даже в Сицилии социо-кулинарного феномена, как «кухня монсу», для чего исследователям из этого центра пришлось проделать гигантскую библиографическую и полевую работу.

Речь идет о кухне, родившейся стараниями «монсу» (сицилийск. «monsù», от фр. «monsieur») – профессиональных французских поваров, бывших на службе практически у всех богатых и аристократических семейств Сицилии, но также их местных выучеников, воспринявших французскую кулинарную традицию, и шеф-поваров из Пьемонта, имевших за плечами работу и стажировку во Франции. Мода на французскую кухню, а, следовательно, и на французских поваров распространилась в Европе в XVIII в., не оставив в стороне и Сицилию, где и сохранилась вплоть до первого десятилетия XX века.

Надо отметить, что «кухня монсу» по своему характеру была предельно камерной, а круг «хождения» блюд этой кухни – исключительно замкнутым и домашним. Взаимообмен рецептурой не выходил за пределы этого круга и шел от дома к дому, от повара к повару. Рецептурарии сохранились, как правило, в рукописном виде и в недрах семейных архивов, в силу чего этот феномен не получил сколь-либо широкого освещения, невзирая на то, что проникновение этих блюд в пищевую систему Сицилии, их внедрение в традиционную кухню пусть крайне медленно, но все же произошло, оказав на нее в конечном итоге существенное влияние.

О «кухне монсу» сохранилось мало сведений, тем более что речь идет о хронологически растянутом явлении и о достаточно ограниченном в численном отношении контингенте поваров. Достоверно известно, что применительно к сицилийской кондитерской сфере вкладом французских и следовавших французской традиции поваров были взбитые сливки, слоеное тесто, а также сливочное масло – взамен привычного для Сицилии свиного жира.

Новейшие исследования позволили существенно расширить меню «монсу». В нем фигурируют, например, сладкая запеканка (фр. *gateau*, сиц. *gattò*) из творога, арбузное и дынное желе, пюре из персиков, сладкая разновидность соуса бешамель, ванильные и шоколадные десертные кремы, а также флан, или карамельный пудинг (фр. *crème caramel*, или *flan au caramel*), – десерт, приготовленный из яиц, сахара, молока и других ингредиентов и политый карамелью. Последний обычно ассоциируется с Испанией, где является традиционным десертом [21].

При непосредственном участии исследователей, при ресторане «Gourmet Chirone» были опубликованы найденные ими записки одного из последних сицилийских «монсу», Салваторе Рагуза, который вдали от дома, в окопах Первой мировой войны, в 1919 г. в виде дневника записывал меню и рецепты «кухни монсу» [21]. В настоящее время, также благодаря поддержке «Gourmet Chirone», готовятся к печати «кулинарные мемуары» еще одного сицилийского «монсу» Джозе Фьорентино, создававшего их в 1918 г. в лагере для военнопленных офицеров в Целле (Ганновер) в условиях ужасающего голода, на который были обречены пленные итальянцы.

Совместными усилиями Консоле и Каппелло, при поддержке Аксессората по Туризму Сицилии в Кустоначчи (провинция Трапани) в сельской местности открыт «жи-

вой» интерактивный Музей Рустической Гастрономии (Museo di Gastronomia Rustica) «Grotta Mangiapane», где в сельском доме с пристройками и усадебной территорией, с привлечением посетителей, постоянно производятся многие архаичные виды крестьянского хлеба, домашней пасты, сыра, сладостей (например, «cuscusu duci» – «сладкой кутьи»), консервов, солений. При этом к работе в Музее привлечены как представители научного корпуса исследователей, так, не в меньшей степени, и окрестные крестьяне, которые и дают мастер-классы туристам и, в целом, осуществляют всю производственно-практическую и преподавательскую сторону деятельности Музея.

Популярность «Gourmet Chirone» и других заведений, идущих по пути «поиска традиции», в сицилийском социуме, несомненно, обусловлена современной глобальной модой на все «антропологически-аутентичное» и «подправлена» коммерческими интересами. В этом смысле сицилийский опыт отнюдь не единичен и имеет много аналогов во всем мире. Но уникальность его заключается в любопытной и не имеющей аналогов практике сращивания под одной крышей приготовления пищи с серьезными и фундированными научными исследованиями, где именно вторые, детерминирующие и «направляющие», выведены на первый план и являются гарантом скрупулезного и доподлинного сохранения традиции. Особым предметом изучения может послужить ценовая политика, принятая на вооружение этими ресторациями, когда в результате продуманной диверсификации цен удается полноценно инвестировать в серьезные антропологические исследования и делать доступными блюда традиционной кухни.

Необходимо отметить, что заведения рестораторов-«реставраторов» при всем их признании и растущей популярности, – не единственные, кто в Сицилии идет по пути эксперимента. Инновационной линии следуют некоторые, не менее модные и также популярные заведения, но суть их инноваций в другом: они пробуют интерпретировать сицилийскую традицию и создавать некие оригинальные блюда, но на основе традиционного «материала» или экспериментов с традиционной рецептурой.

Примером может служить недавно открытый необычайно разрекламированный и очень посещаемый модный ресторан с забавным названием «Ciccio, passami l'olio!» («Чиччо, передай мне масло!») в Палермо. В его меню фигурируют или привычные, казалось бы, для сицилийцев блюда, но с какой-то «изюминкой» (уже упоминавшаяся «капоната», где роль баклажан, основного компонента блюда, играют яблоки), или абсолютные новшества, но базирующиеся на знакомом сицилийцам сырье, либо попадающие в привычную гамму вкусовых ощущений (чатни из белых плодов опунции, одного из любимых фруктов в Сицилии; гаспачо – заимствование из испанской кухни – где роль томатов играют длинные кабачки; тапенада из каперсов – заимствование из кухни Прованса – с обильным присутствием цветов тыквы, которые в Сицилии жарят в кляре; анчоусы с кумкватом – свернутые рулетом и зажаренные анчоусы, заранее замаринованные в лимонном соке с имбирем, обернутые вокруг плода кумквата и проткнутые шпажкой перед тушением – апелляция к такому привычному для сицилийцев архаичному блюду, как «сарде а беккафико» – свернутые рулетом жареные в панировке сардины; и т.д.) [22:182–190].

Хотя вышеописанное заведение и прочие, стоящие в ряду с ним, по очевидным причинам не примкнули к «Соглашению по реставрации...», это не мешает им консультироваться при необходимости с «реставраторами» и всячески кооперировать с ними в том, что касается научного поиска и исследований.

Несомненно, предлагаемые модными заведениями новшества делают честь фантазии шеф-поваров и су-шефов, но сколь долгой будет жизнь этих ресторанов – неизвестно. Следует учитывать особенности местной психологии: сицилийцы падки на модные веяния, но в том, что касается еды, они предельно консервативны и скептически относятся к новшествам. В приватной беседе с представителями ресторанов-«реставраторов» нам сообщили, что на данный момент с точки зрения популярности и уровня доходности именно поборники восстановления традиции лидируют на сицилийском рынке предлагаемых услуг заведений общественного питания, оставляя далеко позади всех стремящихся к оригинальности конкурентов.

Нам представляется, что не в меньшей степени сегодняшняя популярность этих «экспериментальных» и очень «нетипичных» для Сицилии ресторанов также детерминруется весьма далекими от кулинарии и гастрономии причинами.

Дело в том, что традиционная кухня в Сицилии в последнее время перестает играть роль только алиментарного элемента и приобретает новую знаковую функцию: в психологии и самосознании сицилийцев она становится все больше значимой как своего рода отличительный признак, позволяющий жителям Сицилии ощутить свою самость как особой этнокультурной общности и свое отличие от других народов Италии и Европы.

Это убедительно доказали результаты опросов, проводившихся нами в Сицилии с 2012 по 2017 гг., целью которых было выяснение, какие элементы консолидируют жителей Сицилии в единую общность (территория, язык, история, культура, кухня и т.д.), а какие осмысливаются сицилийцами в качестве «краеугольных камней», на которых базируется их этническое самосознание.

Ответ на вопрос, почему традиционной пище отводится особое место в мироощущениях сицилийцев, становится очевиден в свете взаимоотношений Сицилии и итальянского государства. Напомним: Сицилия – одна из 5 областей страны, наделенных «специальным статутом автономии», предоставленным на основании того, что там «исторически сложились особые экономические и политические условия и особая психологическая атмосфера, требующие такого решения», а также того, что сицилийцы «исторически представляют собой специфический в социокультурном отношении анклав населения» [23: 19].

Но при этом проблема взаимоотношений сицилийцев и государства в Италии относится к числу весьма давних, назревших и непростых; более того, в контексте Италии даже вопрос, кем являются сицилийцы или кем они себя ощущают, носит острый политический характер.

Мы не стремимся ни углубиться в дебри политики, ни оценивать степень фактического выполнения итальянским государством обязательств по реализации в полной мере сицилийской автономии. (Более того, по очевидным этическим соображениям в беседах с рестораторами-«реставраторами» мы не затрагивали вопрос об их политических и патриотических взглядах). Констатируем лишь тот факт, что сицилийцы недовольны взаимоотношениями с «метрополией» и полагают, что их права как населения автономной области ущемлены.

Не случайно поэтому, что в Сицилии как в мире науки, так и на уровне бытового сознания населения, внимание, по крайней мере в последние 30 лет, заострено на тех аспектах культуры, которые призваны доказать и обосновать древность и самобытность сицилийских истории и социокультурных особенностей развития, – в том

числе и на сфере традиционной кухни. Именно поэтому для сицилийцев, особенно тех, кто осознанно становится на позиции патриотизма, столь актуализируется проблема сохранения целостности кухни, ее истинной, а не наносной традиционности, воссоздание ее облика «в чистом виде» без инноваций и инокультурных напластований последних лет.

Красноречивым свидетельством этого служат многочисленные научные исследования локальной кухни, число которых непрерывно растет в последнее время [9: 5–6, 167].

Как доказывают это наши полевые исследования, и на уровне бытового сознания сицилийцев «своя» кухня все более «идеологизируется» как особый элемент культуры, как одна из основных и «выпуклых» отличительных черт сицилийской самобытности [4: 292–294].

Синтезируя ответы большинства опрошенных респондентов в отношении традиционной системы питания, можно вывести лапидарную формулу – «Мы – народ, потому что у нас есть своя кухня».

При этом тот факт, что на эту локальную систему питания как на элемент консолидации при опросах дружно указывали представители как низших социальных страт, так и социально-экономической и культурной «элиты» сицилийского общества, оказался неожиданным для нас, поскольку в отношении других культурных ценностей, способствующих сплочению населения Сицилии как единой общности, респонденты, представляющие различные социальные категории населения, давали подчас диаметрально противоположные ответы [Там же]. Что до интеллигенции, то ее представители также интерпретируют кухню как элемент консолидации сицилийцев и как одну из «основ» развития их этнического самосознания и противопоставления себя итальянцам.

Таким образом, описанные нами выше рестораны-«реставраторы», несмотря на их явно новый и экспериментальный для Сицилии характер, вполне отвечают духу времени и чаяниям сицилийцев, не только являясь форпостами консервации, возрождения и развития традиционных кулинарии и гастрономии, но также – параллельно – превращаясь для самых широких слоев населения в своего рода культурно-идеологические центры по воспитанию сицилийцев в духе традиционной культуры и самобытности.

Источники и литература

1. Agulló F. *Llibre de la cuina catalana*. Barcelona: Ed. AltaFulla, 1990. 295 p.
2. Дики Дж. *Delizia! Этническая история итальянцев и их еды*. М. 2007. 400 с.
3. Coria G. *Profumi di Sicilia*. Catania. 2006. 672 p.
4. Фаис О. Сицилийцы: этническое меньшинство или особая этническая общность? (К вопросу об идентичности сицилийцев) // *Европа меньшинств – меньшинства в Европе: Этнокультурные, религиозные и языковые группы* / Отв.ред. Кабицкий М.Е., Мартынова М.Ю. М.: ИЭА РАН, 2016. Сс.271 -301. 302 с.
5. *Ritratto dell'Italia (a cura di Cassese S.)*. Roma-Bari: Laterza. 2001. 230 p.
6. Billitteri D. *Femina Panormitana ovvero l'arte del matriarcato occulto*. Palermo: Sigma. 2003. 223 p.
7. Correnti P. *Il libro d'oro della cucina e dei vini di Sicilia*. Milano: Mursia ed. 1976. 560 p.
8. Каппати Ф., Монтанари М. *Итальянская кухня. История одной культуры*. М.: Новое Литературное Обозрение, 2006. 480 с.
9. Donà M.G., Di Franco C. *Viaggio attraverso i sapori del quotidiano*. Palermo: Qanat. 2013. 224 p.

10. Giallombardo F. *La tavola, l'altare, la strada. Scenari del cibo in Sicilia*. Palermo: Sellerio. 2005. 196 p.
11. Padovani C., Padovani G. *Street Food all'italiana. Il cibo di strada da leccarsi le dita*. Firenze-Milano: Giunti. 2013. 192 p.
12. Angela A. *Una giornata nell'antica Roma*, Rai Eri-Mondadori, 2007. 411 p.
13. Tedesco P. *Il sistema «cibo» nell'impero romano: pratica e ideologia*. Trieste: Street Lib, 2015. 418 p.
14. Ciardiello R., Varriale I. *Cibus, i sapori dell'antica Roma*. Napoli: Valtrend, 2010. 363 p.
15. Bonanzinga S., Giallombardo F. *Il cibo per via. Paesaggi alimentari in Sicilia*. Palermo: Centro di studi filologici e linguistici siciliani, 2011. 199 p.
16. Billitteri D. *Homo Panormitanus. Cronaca di un'estinzione impossibile*. Palermo: Sigm, 2003. 222 p.
17. *Io, siciliano. Tra orgoglio e disincanto. Identità, legalità e sviluppo sostenibile-Tre concetti, un'unica emergenza. (A cura di Miliziano M.)*. Palermo: Offgicina Trinacria, 2009. 99 p.
18. Martorana G. *Dolce Sicilia*. Milano: Mondadori Electa, 2012. 176 p.
19. Pomar A. *L'Isola dei sapori*. Palermo: GOOD, 1992. 215 p.
20. Martellotti A. *I ricettari fi Federico II*. Firenze: Leo S. Olschki (ed). 2011. 292 p.
21. *Il sapere culinario. Ricette di un Monsù siciliano al fronte (1915–1919). A cura di A. Giuffrida, P. Inglese*. Palermo: University Press. 2017. 110 p.
22. Di Marco M.T., Ferrè M.C. *La cucina Siciliana*. Milano: Guido Tommasi. 2012. 224 p.
23. De Mauro T. *L'Italia delle Italie*. Roma: Editori Riuniti. 1987. 204 p.

References

1. Agulló F. *Llibre de la cuina catalana*. Barcelona: Ed. AltaFulla, 1990. 295 p.
2. Diki Dzh. *Delizia! Epicheskaia istoriia ital'iantsev i ikh edy*. Moscow, 2007. 400 p. (In Russ.). [Diki Dzh. *Delizia! An epic story of Italians and their food*. Moscow, 2007. 400 p.].
3. Coria G. *Profumi di Sicilia*. Catania. 2006. 672 p.
4. Fais O. Sitsiliitsy: etnicheskoe men'shinstvo ili osobaia etnicheskaja obshchnost'? (K voprosu ob identichnosti sitsiliitsev). *Evropa men'shinstv – men'shinstva v Evrope: Etnokul'turnye, religioznye i iazykovye gruppy*. Kabitskii M.E., Martynova M.Yu. (eds.). Moscow: IEA RAS, 2016. 302 p. [Fais O. Sicilians: ethnic minority or special ethnic community? (On the identity of Sicilians). *Europe of minorities-minorities in Europe: ethno-Cultural, religious and linguistic groups*. Kubicki M.E., Martynova, M.Yu. (eds.). Moscow: IEA RAS, 2016. 302 p.].
5. *Portrait Dell'italia (a cura di S. Cassese)*. Roma-Bari: Laterza. 2001. 230 p.
6. Billitteri D. *Panormitana ovvero l'arte del matriarcato occulto*. Palermo: Sigma. 2003. 223 p.
7. Correnti's P. *Il libro d'oro della cucina e dei vini di Sicilia*. Milano: Mursia ed. 1976. 560 p.
8. Kappati F., Montanari M. *Ital'ianskaia kukhnia. Istoriia odnoi kul'tury*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2006. 480 p. [Chappati F., Montanari M. *Italian cuisine. History of one culture*. Moscow: New Literary Review, 2006. 480 p.].
9. Donà M. G., Di Franco C. *Viaggio attraverso I sapori del quotidiano*. Palermo: Minutes Away From, 2013. 224 p.
10. Giallombardo F. *La tavola, l'altare, la strada. Scenari del cibo in Sicily*. Palermo: Sellerio, 2005. 196 p.
11. Padovani C., Padovani G. *Street Food all'italiana. Il cibo di strada da leccarsi le dita*. Firenze-Milano: Giunti. 2013. 192 p.
12. Angela A. *Una giornata Nell'antica*. Roma: Rai Eri-Mondadori, 2007. 411 p.
13. Tedesco T. I. *Sistema "cibo" Nell'impero romano: pratica e ideologia*. Trieste: Street Lib., 2015. 418 p.
14. Ciardiello R., Varriale I. *Cibus, i sapori Dell'antica Roma*. Napoli: Valtrend. 2010. 363 p.
15. Bonanzinga S., Giallombardo F. *Il cibo per via. Paesaggi alimentari in Sicily*. Palermo: Centro

- di studi filologici e linguistici siciliani, 2011.199 p.
16. Billitteri D. *Homo Panormitanus. Cronaca di UN'estinzione impossibile*. Palermo: Sigma, 2003. 222 p.
 17. Io, siciliano. *Tra orgoglio e disincanto. Identità, legalità e sviluppo sostenibile-Tre concetti, UN'unica emergenza*. (A cura di Miliziano M.). Palermo: Officina Trinacria, 2009. 99 p.
 18. Martorana G. *Dolce Sicilia*. Milano: Mondadori Electa, 2012. 176 p.
 19. Pomar A. *L'isola dei sapori*. Palermo: GOOD, 1992. 215 p.
 20. Martellotti A. *I ricettari fi Federico II*. Firenze: Leo S. Olschki ed. 2011. 292 p.
 21. *Il sapere culinario. Ricette di un Monsù siciliano al fronte (1915–1919)*. A cura di A. Giuffrida, P. Inglese. Palermo: University Press, 2017. 110 p.
 22. Di Marco M.T., M. C. Ferrè, *La cucina Siciliana*. Milano: Guido Tommasi. 2012.224 p.
 23. De Mauro T. *L'italia delle Italie*. Roma: Editori Riuniti, 1987. 204 p.

O.D. Fais. Restaurants as scientific research centers for study and conservation of traditional food culture: the new experimental experience of Sicily.

At present, the kitchen is getting increased attention from researchers not only as a unity of specific elements of material culture, but also as a set of cultural codes of a certain ethnic community, as a means of its self-identification and consolidating the element of identity of its representatives. For this reason, many countries have embarked on the search and preservation of authentic alimentary heritage. It is interesting to look at the unusual experience Sicily has in preserving and reviving local food traditions with a strong focus on authenticity, i. e. freedom from cultural borrowings. Many restaurants have been turned into research centers staffed with researchers. They play a leading role in carrying out serious scientific studies of the local alimentary traditions, including field research. They cooperate with universities and research institutions, invest part of their income in research, publish papers, and teach ethnography to restaurateurs. In these centers of reconstruction of the traditions, the kitchen and the dining area work as “demonstration space” to display the outcomes of these studies.

Key words: Sicily, traditional cuisine, scientific centers for the study of food, restaurants, experimental approach to the study of tradition, reconstruction and support of the food traditions.

© Е.А. Сорокина

НЕКОТОРЫЕ РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ШВЕЦИИ

Современное шведское общество живет и развивается во многом в рамках традиций и норм, заложенных давно, еще в период становления и последующего развития демократических свобод и законов, успешно существующих на протяжении многих десятилетий. В течение последних десятилетий и особенно – последних лет – в шведском обществе происходят определенные перемены, связанные с некоторыми социокультурными изменениями в стране, ростом числа «новых шведов».

Ключевые слова: современное общество, социокультурные перемены, мигранты, Швеция

Шведское общество имеет достаточно давние и стабильные экономические, социальные и политические устои, сформированные на протяжении многих десятилетий. Современное шведское общество существует в рамках широко известной так называемой «шведской модели». Это общественно-политическое явление подразумевает наличие и существование социальных, экономических, культурных норм и паттернов жизни как самого общества, так и его отдельных членов. За время своего существования «шведская модель» претерпевала различные изменения и воздействия, которые приводили, в свою очередь, и к определенным изменениям общества. Однако существенным и определяющим является то, что и в настоящее время в Швеции в целом удалось сохранить основные социальные завоевания, достигнутые на протяжении многих десятилетий. В число важных достижений входит сохранение и поддержание высокого уровня социального обеспечения населения, что поддерживается как государством (так это было прежде), так и представителями рыночной экономики.

Представляются важными выводы известного ученого – скандинависта Н.С. Плевако об актуальности и востребованности и в современном шведском обществе таких категорий как «справедливость», «равенство», «толерантность», «консенсус». Также существуют и реализуются в жизни общества и экономики другие нормы, характерные для сдержанной шведской морали. Понимание истоков шведских культурных и идеологических традиций помогает более полно понять и современное шведское общество, механизмы его функционирования. На таких понятиях и с помощью методов социальной инженерии во многом и было выстроено шведское общество и экономика в десятилетия правления социал-демократов [1]. Именно нормы справедливости подразумевают равенство всех граждан и жителей страны (в том числе и вновь прибывших мигрантов, которых становится все больше в стране)

Сорокина Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: 119019@mail.ru.

*Статья написана по программе НИР «Многообразие культур и стратегии развития. Институты и управление в полиэтничных обществах. Европейский образ жизни в диалоге культур».

перед законом, в осуществлении равного права граждан и проживающих на медицинскую помощь, на получение информации и образования [2].

Основные принципы существования так называемой «шведской модели» были заложены еще в 1930-е годы социал-демократами, сформировавшими правительство в результате выборов и бессменно стоявшими у власти более 50 лет. Очевидно, что проблемы современного общества находят свое проявление и отражение в самых разных проявлениях. Активно функционируют многочисленные социальные службы и организации, работающие по проектам реализации программ социальной помощи и поддержки как шведским гражданам, так и многочисленным вновь прибывшим мигрантам. Понятно, что пристальное внимание шведского общества приковано к деятельности многочисленным государственных органов, в том числе и полиции не только как органа охраны правопорядка, но в значительной степени как органа занятого профилактикой и предупреждением разного рода возможных конфликтов и правонарушений в обществе. В повседневной деятельности государственных социальных служб отражаются острые проблемы современной жизни общества, проблемы с мигрантами, молодежью.

Одной из важных и даже, возможно, ключевых проблем современного шведского общества, является количественный и качественный рост миграционных потоков в Швецию на протяжении последних лет. Это имеет и свои объяснения, связанные с тем, что в последние годы и в связи с известными событиями, Швеция является одной из самых крупных (сразу после Германии) европейских стран, принимающих мигрантов. По различным современным статистическим данным, около 15% населения Швеции родились за границами страны. Процесс усиления притока мигрантов продолжается и предполагается, что на протяжении 2018 года Швеция сможет принять, обустроить более 23 000 мигрантов [3]. Это подразумевает в том числе и организацию приема и обустройства жизни вновь прибывших, обучение их языку и их посильной адаптации в шведском обществе. Однако этот процесс может быть успешен только при соблюдении важнейшего принципа – наличия желания вновь прибывших в страну полноценно включиться в жизнь шведского общества, успешно работать, соблюдать нормы и традиции как своей культуры, так и принимающего шведского общества [4].

Необходимо особо отметить, что социокультурная адаптация мигрантов не предполагает полный отказ от привычных мигрантам традиций и норм. Но главным все же является то, что эти «новые граждане» начинают активно участвовать на рынке труда принимающей страны, в системе социальных отношений и в культуре этой страны. Таким образом, происходит непростой процесс постепенного включения вновь прибывших граждан в шведское общество. К сожалению, не все в равной степени хорошо удастся шведским властям, и не все вновь прибывшие энергично и успешно вовлекаются в процесс социокультурной адаптации в новой стране проживания. Зачастую мигранты ищут просто легкой и сытой жизни, не считая необходимым при этом самим трудиться и активно включаться в жизнь шведского общества. Об этом все более часто и открыто говорят в обществе.

На протяжении последних десятилетий в Швеции отмечаются серьезные перемены – трансформация традиционно моноэтничного шведского общества в общество со многими этническими составляющими (полиэтничное мультикультурное общество), в котором реально взаимодействуют и сосуществуют различные культурные и конфессиональные ценности, нормы поведения, традиции, права и обязанности лю-

дей. Важным обстоятельством для характеристики современной общественно-политической ситуации является и то, что прежде, в 1970–1980-е годы, в Швецию в первую очередь приезжали те, кто реально искал и хотел найти работу и был готов быстро и активно влиться и адаптироваться в принимающем обществе. На протяжении последних лет в страну прибывают в подавляющем большинстве и в первую очередь - беженцы, которые живут зачастую только на пособия, не выходя на рынок труда и даже не изучая шведский язык. Отметим и такую важную историческую черту шведского менталитета как традиционно неукоснительное соблюдение шведами норм и законов, которые были в свое время созданы и приняты демократическим путем. Важным элементом существования правового общества является и то, что и власти и граждане считают соблюдение законов страны обязательной и непреложной ценностью, которой граждане следуют и в повседневной жизни. Многочисленные общественные опросы свидетельствуют о высокой степени доверия шведских граждан к функционированию государственной системы в целом и различных государственных служб и органов.

В современном контексте общественно-социальной жизни привлекает внимание общества и деятельность шведской полиции. Надо отметить, что на шведском рынке труда далеко не все профессии одинаково востребованы и популярны. На протяжении нескольких последних лет, к примеру, довольно острой проблемой для шведской полиции была нехватка персонала – требовалось дополнительно довольно значительное число полицейских. По этой причине, например, в районе Бергслеген, лен Даларна (север страны) на время летних отпусков даже закрывались некоторые полицейские участки. Аналогичная ситуация складывалась и в некоторых других регионах Востока и Севера страны. В центре страны полицейские участки не закрывались, но сокращались часы приема населения. В то же самое время – в школах полиции отмечается немало незанятых мест, полицейские учебные заведения в последние годы не были полностью заполнены. Надо отметить, что тема работы полиции привлекает и все большее внимание политических партий. Умеренная консервативная партия Швеции (Moderaterna) использует темы поддержки профессионального полицейского обучения молодежи для привлечения своих новых сторонников. Так, эта партия собирается выйти с законодательным предложением о реформировании обучения полицейских и списании студенческих займов/studielånet, взятых во время обучения в полицейских учебных заведениях, при условии работы молодого человека или девушки в качестве полицейского на протяжении 5 лет [5].

Вместе с тем, надо отметить, что существуют обстоятельства, способствующие росту популярности профессии полицейского. Так, на фоне возросшего числа вновь появившихся «новых шведов» (из числа вновь прибывших мигрантов), которые далеко не всегда охотно и в достаточной степени знакомятся с историей, бытовой культурой и традициями принявшей их страны, профессия полицейского в последнее время привлекает все больше желающих. Одним из факторов роста числа желающих обучаться этой профессии, как признают исследователи, стало и то, что во время теракта в Стокгольме в январе 2016 года успешная и слаженная, четкая работа полицейских по преодолению последствий теракта была на виду граждан и общества. Практические знания и опыт, которые получают молодые люди во время обучения в полицейской академии, позволяют получить многие полезные и необходимые навыки для повседневной жизни и экстремальных ситуаций, умение оказы-

вать первую медицинскую помощь, бороться с огнем, работать с населением, противодействовать террористическим атакам и прочее.

Изменения общественных запросов влечет за собой некоторые изменения в должностных обязанностях шведских полицейских. Так, достаточно экзотическая, на первый взгляд, обязанность шведской полиции заниматься пострадавшими домашними животными (разыскивать пропавших домашних животных, снимать их с деревьев и спасать в иных ситуациях животных) с середины 2018 года передается в Губернские управления муниципалитетов [6]. Прежде спасением пострадавших животных, их дальнейшим размещением занималась только и исключительно полиция. Такие перемены связаны с тем, что полиция сосредоточивает все большее внимание на решении проблем общественной безопасности. Этому способствует также и то, что при изменении функциональных обязанностей полицейских высвобождается и время полицейских. По мнению специалистов, одним из возможных путей успешного решения задач обеспечения общественной безопасности и поддержания правопорядка, является увеличение числа камер видеонаблюдения в «особо беспокойных» пригородах (*utsatta områden*)» [6, 7].

Появление новых общественных вызовов делают актуальными новые формы тренировочных мероприятий шведских полицейских. Шведским правительством еще в 2016 г. был разработан документ о необходимости формирования единой стратегии как непосредственно для шведских сил быстрого реагирования, так и совместный план с соседними скандинавскими странами в рамках договора по безопасности. С 2017 года стали регулярно проводиться специальные учения по борьбе с терроризмом. В частности, эти учения проводились в западных и северных районах Стокгольма. Так же состоялись учения в одном из заброшенных промышленных помещений пригорода Вэсбю (*Upplands Väsby*), когда полицейские тренировались по борьбе с насилием и конфликтами. В учебные планы входят самые разнообразные темы. Для того, чтобы излишне не беспокоить население близлежащих районов, для жителей были сделаны специальные предупреждения и объявления о том, что проходят учения и во время этих учений применяются только холостые патроны и «хлопушки», взрывы которых могут быть восприняты, как настоящие [6].

Редко привлекает внимание исследователей такая сторона шведской жизни как пенитенциарная система, система отбывания наказания осужденными судом. Перемены, которые отмечаются в шведском обществе в последнее время (в том числе и появление значительного количества «новых граждан», незнакомых в достаточной степени со шведскими законами, нормами жизни, традициями) имеют определенные последствия. По данным шведской прессы в связи осуществлением более строгих наказаний за совершенные преступления, требуется все больше мест в существующих 50-ти тюрьмах и камерах предварительного задержания. В этой связи предполагается увеличить число мест в пенитенциарной системе до 5000. Специалисты также отмечают изменения состава преступлений. Важным свидетельством изменений является и то, что все чаще в поле зрения правоохранителей попадают те, кто симпатизирует экстремизму и различным проявлениям насилия. В этой связи, особую тревогу общества вызывают молодые люди, связанные в том числе с этническими криминальными группировками. Зачастую такие правонарушения связаны с вновь прибывшими в страну мигрантами.

Одной из важнейших и крайне востребованных в настоящее время задач для различных государственных миграционных служб и органов является не только пре-

дотворщение уголовных и административных преступлений, разнообразных нарушений закона, но и повседневная работа с многочисленными мигрантами, как давно живущими в стране, так и приехавшими в последнее время. Существуют специальные государственные, окружные и муниципальные органы, в чьи задачи входит прием и обустройство мигрантов, осуществление на практике мер социальной адаптации вновь прибывших, оформление различных документов, обучение языку и прочее. К сожалению, отмечаются в ряде городов страны и случаи нарушения общественного порядка, факты агрессивного поведения со стороны вновь прибывших. Известны события, связанные с поджогами машин и агрессивными действиями мигрантской молодежи, в последние годы в пригородах Стокгольма (Ринкебю, Тенста и Хюсбю), где проживают в основном мигранты, ряде других мест. В этих районах, только на протяжении прошлого года неоднократно совершались нападения (забрасывали камнями полицейских, жгли машины, были и несанкционированные выступления молодежи). Также там отмечались и нападения и на сотрудников Скорой помощи. Власти в этой связи даже просили разрешить установку камер наружного наблюдения на станциях метро и на центральных улицах этих районов и на площадях. В настоящее время прием, размещение и социализация мигрантов представляют важнейшую и серьезную проблему и задачу для всего шведского общества, для властей страны и различных государственных служб, отвечающих за соблюдение и поддержание общественного баланса.

Шведы, привыкшие к размеренной и спокойной жизни, проявляют определенную обеспокоенность сложившейся ситуацией. Это отражается и в данных социологических опросов последнего времени. По результатам опросов отмечается уменьшение ощущения чувства надежности у граждан и, как следствие, определенное сокращение степени доверия шведов к правовой системе в целом. Таковы результаты ежегодного опроса об вопросах безопасности, которое проводит Brå – шведский Совет по предотвращению преступности. По опросам конца 2016 года почти треть шведских женщин не чувствует себя в достаточной безопасности по вечерам, выходя из дома, а часть женщин предпочитает вообще оставаться дома. Это связано с участвовавшими случаями нападения, зачастую и мигрантов, на шведок. Тем не менее, большая часть населения Швеции продолжает стабильно доверять правоохранительным органам [См. подробнее: 6].

В связи с многочисленными сложностями, связанными с адаптацией мигрантов в Швеции, отмечается и то, что в некоторых регионах страны все более острой становится проблема распространения наркотиков среди молодежи. Зачастую новыми клиентами для торговцев наркотиками становятся несовершеннолетние подростки из числа тех мигрантов, которые ищут убежище в Швеции. Несовершеннолетними беженцами оказались и многие молодые люди, задержанные полицией за покупку наркотиков в некоторых районах Стокгольма, которые считаются преимущественно иммигрантскими. На протяжении ряда последних лет довольно значительное число нарушений закона, по данным прессы, совершили вновь прибывшие в Швецию подростки. И такая ситуация, по мнению шведских профессионалов, представляется достаточно серьезной угрозой для шведского общества. И решение этих задач представляется важной задачей.

Все более пристальное внимание общества на протяжении последнего времени привлекают и миграционные центры, в которых размещаются вновь прибывшие

в Швецию мигранты – соискатели убежища и вида на жительство. В этих центрах нередко отмечаются случаи нарушения законов. Большинство мигрантов, которые надеются найти убежище, прибыли из Сирии, а также из Ирака, Эритреи и Афганистана. Миграционное ведомство Швеции с трудом успевает рассматривать такого рода ходатайства о предоставлении убежища в стране. За последние два года Миграционное ведомство было вынуждено принять более многих десятков тысяч решений по мигрантам и членам их семей [См. подробнее: 6].

Взаимодействие общества и различных государственных органов в Швеции в наши дни направлено на поддержание общественного порядка и решение возникающих конкретных проблем, борьбу с преступлениями. Важной частью является профилактика различных нарушений и преступлений как «старыми», так «новыми» гражданами. Успешное решение задач социальной адаптации «новых» шведов будет в конечном итоге способствовать и укреплению стабильности общественной жизни страны.

Источники и литература

1. Плевако Н.С. Шведская модель: прошлое и настоящее // *Институт Европы РАН. Аналитическая записка*, 2015. № 11. С. 3.
2. Vad är Sverige? Röster om svensk nationell identitet. A.W. Johansson (ed.). Stockholm, 2001. Pp. 11
3. Dagens Nyheter. Доступ: www.dn.se/nyheter/politik/svenskarna-har-svangt-4-av-10-vill-ha-betydligt-farre-flyktinga, 2018-04-21.
4. Сорокина Е.А. Некоторые современные реалии повседневной жизни Швеции // *Частное и общественное в повседневной жизни населения России*. Сборник материалов международной научной конференции / Под общей ред. В.А. Веременико, отв. ред. С.В. Степанов. СПб, 2018. Т. 3. С. 549–554.
5. M: Studielånet för poliser ska skrivas av. Доступ: <https://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=6936741> (дата обращения: 21.12.2018).
6. Official site of Sweden. Discover the facts and stories of our country. Доступ: <http://sverige.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=6862910> (дата обращения: 21.12.2018).
7. Kriminalvården: Stort behov av fler anstaltsplatser. Доступ: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=6890143> (дата обращения: 21.12.2018).

References

1. Plevako N.S. SHvedskaja model': proshloe i nastojashhee. Institut Evropy RAN. Analiticheskaja zapiska, 2015. № 11. S. 3. (In Russ.). [Plevako N.S. Swedish model: past and present. *Institute of Europe RAS. Policy brief*, 2015. No. 11. Pp. 3].
2. *Vad är Sverige? Röster om svensk nationell identitet*. A.W. Johansson (ed.). Stockholm, 2001. Pp. 11
3. *Dagens Nyheter*. Access: www.dn.se/nyheter/politik/svenskarna-har-svangt-4-av-10-vill-ha-betydligt-farre-flyktinga, 2018-04-21 (accessed 21.12.2018).
4. Sorokina E.A. Nekotorye sovremennye realii povsednevnoj zhizni SHvecii. *Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. V.A. Veremenko, S.V. Stepanov (eds.). SPb, 2018. Vol. 3. Pp. 549–554. (In Russ.). [Sorokina E. some modern realities of everyday life in Sweden. *Private and public in everyday life of the population of Russia. Collection of materials of the international scientific conference*. V.A. Veremenko S.V. Stepanov (eds.). SPb, 2018. Vol. 3. P. 549–554].
5. *M: Studielånet för poliser ska skrivas av*. Access: <https://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=6936741> (accessed: 21.12.2018).
6. *Official site of Sweden. Discover the facts and stories of our country*. Access: <http://sverige.se/>

sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=6862910 (accessed: 21.12.2018).

7. *Kriminalvården: Stort behov av fler anstaltsplatser*. Access: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=6890143> (accessed: 21.12.2018).

E.A. Sorokina. Some realities of modern social and cultural life in Sweden.

The modern Swedish society lives and develops within the framework of traditions and norms laid down long ago, in the period of the formation and development of democratic freedoms and laws that have been existing for many decades. Especially in recent years, certain changes have taken place in Swedish society due to certain sociocultural changes in the country and the growing number of so-called "new swedes".

Key words: *modern society, sociocultural changes, migrants, Sweden.*

СТЫД И СМИ, ИЛИ ЕЩЕ ОДНО ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ДОБРА И ЗЛА

Статья посвящена стыду – одной из актуальных для всех сообществ морально-нравственных категорий. Объект исследования – бытование этого явления в современном российском обществе и отражение его в медийном пространстве. Основываясь на многочисленных примерах из современной российской реальности и на материалах отечественных медиа, автор впервые предлагает рассмотреть это поистине бессмертное явление в трех ипостасях – наличие или отсутствие стыда в индивидуальной, социально-профессиональной и общенациональной сферах.

Ключевые слова: общественная мораль, стыд, чувство вины, принуждение к стыду, медийные образы, модели поведения, ответственность

Введение

В конце августа 2018 г. в российском обществе был зафиксирован рост напряженности, связанный со многими социально-экономическими причинами. В числе важных был также назван и «кризис морали, культуры, нравственности» (21% россиян) [1].

В данной работе мы обратились к проблемам, связанным с такой актуальной для всех сообществ морально-нравственной категорией как *стыд*, его бытование в современном обществе и отражение этого феномена в СМИ. Несмотря на актуальность этого явления для всех времен и народов, современные исследователи отмечают все еще недостаточную его изученность и нечеткость формулировок [2]. Существуют разные научные определения стыда, что дает повод говорить о нем, скорее, как о множественном феномене или о множестве более-менее схожих феноменов [3: 1–19].

Что же такое стыд? Один из авторов работы о стыде А.В. Прокофьев напоминает о традиционном понимании этого явления, при котором у человека проявляется страдание от бесчестия или от мысли о возможном бесчестии. Такая трактовка берет начало еще в трудах Аристотеля и довольно широко распространена в современной культурной антропологии (концепция «культур вины» и «культур стыда»), в социологии (как интерпретация стыда и как ответ на угрозу социальным связям) и в психологии (концепция о неразрывной связи стыда с управлением социальной привлекательности) [4]. Некоторые авторы считают, что стыд – это сильное чувство с негативной окраской, которое может испытывать человек только в присутствии других людей [5]. Но с этим не всегда можно безоговорочно согласиться. Ведь можно испытывать чувство стыда

Малькова Вера Константиновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: veramalk@mail.ru.

* Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ грант 17-01- 00282 а.

и без свидетелей, наедине с самим собой. По этому поводу еще в 1946 г. Рут Бенедикт писала о японцах, что они «чувствуют себя виновными, даже когда другим ничего не известно об их оплошности» [6]. Известно и то, что человеку может быть стыдно не только за себя, но и за других людей – своих или чужих, что каждый из нас не раз наблюдал в своей жизни. Р. Бенедикт считала, что «стыд – это реакция на критику других людей. Человек стыдится или из-за того, что его откровенно осмеяли и отвергли, или из-за того, что он дал повод себя осмеять» [6]. Согласно другому определению, стыд – это негативная эмоция, активирующая самосознание у индивида, попавшего в ситуацию социального неодобрения¹. И в самом деле, стыд тесно связан с чувством вины, которое приписывают человеку, или он сам принимает на себя эту вину. Некоторые психологи рассматривают стыд и вину как психические явления, которые относятся к социальным эмоциям, связанным с нарушением социальных норм, и иногда могут выступать барьерами общения. Исследователи отмечают также, что стыд порождает особого рода чувство неполноценности, «самоедство», самоуничтожение, отчужденность, чувство одиночества и даже отчаяния.

Выражение и проявление стыда далеко не всегда одинаково в разных условиях, в разных культурах и в разные эпохи. По мнению ряда антропологов, изучающих стыд и его проявления, это явление имеет большее значение в коллективистских культурах. Но кроме того, его проявления в немалой степени зависят от индивидуального культурного опыта, от знаний и окружения человека. Например, та же Рут Бенедикт отмечала, что «стыд плена глубоко тревожил сознание японцев, а вот американцы не стыдились быть военнопленными» [6]. Можно добавить, что и в наших российских традициях плен всегда считался постыдным.

Многим людям знакомо чувство стыда, которое, как правило, сопровождается у человека чувством неловкости, дискомфорта, смущения, самобичевания, раскаяния. Часть исследователей упоминают и чувство унижения, сознание вины, агрессии. Известно и физическое выражение стыда – заметное смущение, конфуз, внутренние мучения, покраснение лица, опускание глаз. Состояние стыда подтверждается и крылатыми поговорками: *Сгореть со стыда*, *Стыд глаза ест* и другими. Наверняка нет ни одного взрослого человека, который в течение своей жизни ни разу не испытывал чувства стыда, желание спрятаться или *«провалиться сквозь землю»* из-за совершенного им промаха. Как замечают исследователи этого явления, стыд обладает разрушающей человеческую личность функцией. Но он одновременно выполняет в человеческом обществе и **регулирующую функцию**, являясь, наряду с другими нормами, необходимым механизмом общественной организации [5]. Многие исследователи согласны с тем, что стыд – это мощная санкционирующая сила, но при этом она требует присутствия публики или, по крайней мере, воображаемого ее присутствия. Современные исследователи утверждают, что «стыд – это эмоция, которая выполняет функции безличного управителя нашим поведением, встроенным в наш мозг воспитанием» [8].

Суммируя некоторые наблюдения, можно сказать, что стыд – это одна из морально-нравственных категорий, связанная с нормами человеческого общежития, которая формировалась тысячелетиями. И, хотя человечество постоянно меняется, оно давно определило для себя – **что** в поведении человека или группы может помогать, а **что** мешать его развитию, **что** считать нужным и полезным, а **что** вредным и негативным. Конечно, время, социально-политическое развитие человеческого общества, особенности этнонациональной психологии и культуры, разные условия

жизни, образования и воспитания вносят свои коррективы в понимание позиций «добро – зло», «хорошо – плохо», «стыд – бесстыдство». Но все же, многие моральные принципы или христианские заповеди, которые упомянуты еще в древних книгах (*не убий, не укради, не делай себе кумира, не лжесвидетельствуй, почитай отца твоего и мать твою, не пожелай жену ближнего своего* и т.д.), за тысячелетия человеческой жизни давно устоялись и остаются неизменными.

При рассмотрении литературы, исследующей проблему стыда, нам не удалось увидеть типологию форм этого явления, которая, наверняка, все же существует. Поэтому мы попытались условно выделить для данной работы несколько основных форм стыда – *стыд бытовой* (в основном – *индивидуальный*), *стыд общественный* (*групповой*) и *стыд общенациональный*, а иногда еще – и *этнический*. В качестве основной задачи данной работы мы видим рассмотрение этих форм стыда в современном российском обществе и отражение их в средствах массовой информации (СМИ), в первую очередь – в телевизионных передачах и частично – в Интернете. Эта область еще практически не исследована.

Известно, что СМИ, как традиционные (пресса, радио, телевидение, кинематограф), так и новые (интернет-издания и другие электронные формы коммуникации, производящие массовый контент), являются своеобразным «зеркалом» общественной жизни, хотя и довольно «кривым». В любом случае, выполняющие много общественных функций, они так или иначе отражают в своем контенте не просто текущие события и комментарии к ним, но и распространяют в общественном пространстве определенные морально-нравственные ценности, традиции, обычаи, нормы поведения, мифы и идеи и еще многое другое. При этом, как и само разнообразное человеческое общество, медийный контент содержит примеры разных поступков и явлений – добрых и недобрых, праведных и постыдных, предлагает с помощью разных комментариев их неоднозначную оценку. И все это в разной степени усваивается аудиторией и в разных вариантах повторяется затем в реальной жизни. Важно подчеркнуть, что СМИ представляют аудитории как бы две группы материалов на эту тему: **первая** – это примеры о добрых и о постыдных поступках людей из реальной или инсценированной жизни, а **вторая** – это действия самих коммуникаторов, которые далеко не всегда при передаче информации помнят об этических нормах. Об этом мы не раз писали в наших работах, посвященных журналистской этике [9: 77–90].

В постсоветской жизни средства массовой информации зависят уже не только от так называемого административного ресурса. Сегодня на первый план вышли рыночные условия и аппетиты частного бизнеса, продюсеров-спонсоров. Гражданское предназначение СМИ с установками на позитивные этические нормы и правила информационной деятельности, направленные на достоверность информации, оказались на периферии интересов рекламодателей. Именно поэтому для большего привлечения платежеспособной аудитории коммуникаторы позволяют себе использовать многие сомнительные в этическом отношении информационные приемы и сюжеты – массивную демонстрацию человеческих пороков и грехов как типичных проявлений современной жизни. При этом, в СМИ допускается девиантная лексика, демонстрируются криминальные или другие незаконные и постыдные действия с не всегда нужными подробностями. И, как следствие, медийная аудитория уже привыкла за три постсоветских десятилетия к подобным сомнительным и постыдным в нравственном отношении явлениям в частной, в общественной и даже в

государственной сфере. Теперь это воспринимается как еще одна особенность новой «свободной» капиталистической жизни и как проявление демократии и медийной «свободы слова». Испытывают ли при этом чувство смущения и стыда создатели разных медийных продуктов, а тем более – авторы сообщений в интернете? – Этот вопрос остается открытым.

Бытовой стыд или сугубо человеческая эмоция

Как вам не стыдно?! – раздается порой в транспорте, в магазинах или на улице. Окружающие, углубленные в свои мысли, сразу же оборачиваются и обращают внимание на участников конфликта. Некоторые очевидцы даже с возмущением присоединяются к обсуждению: «Совсем потеряли стыд!», «Ни стыда, ни совести!», «Ни стыда, ни мозгов!». В этих возгласах слышится недовольство, осуждение и упреки. При этом, поступок обвиняемого одних смущает, других раздражает, третьих смешит или оставляет равнодушными. В любом случае, это заметное на публике происшествие не остается без внимания окружающих и чаще всего не одобряется свидетелями.

Многим знакомы эти возгласы о стыде, связанные с нарушением общепринятых в нормальном обществе правил, привычек и норм поведения. Человеку стыдно за свой проступок, ему неудобно перед окружающими, на него смотрят с осуждением или с сочувствием, его требуют наказать или простить. Но в любом случае за его очевидную вину люди хотят услышать извинение или покаяние. И чаще всего, после извинения-покаяния инцидент как будто бы исчерпан. Для этого во всех языках и культурах придумали (выработали) словесные или другие знаки признания вины, которые сводятся к выражениям: *я виноват, извините, простите, сожалею, я не хотел, прошу прощения, виноват – исправлюсь...* Иногда человек, чувствуя себя виноватым, показывает раскаяние не только словами, но и голосом, интонациями, мимикой, приобнимает или поглаживает обиженного, пытается с помощью небольших подарков исправить и компенсировать свой промах. Для обиженных психологически важно признание вины обидчиком (лучше – публично) и его раскаяние в содеянном. При этом очень важна искренность, с которой человек сожалеет о своем поступке.

Однако, далеко не все люди четко представляют себе за что надо стыдиться, не все признают свою вину и не всегда пытаются извиниться. Одни и правда не понимают, что причинили другому неприятность, обидели его, а другие – принципиально не извиняются, считая свой проступок незначительным. Некоторые люди в процессе общения намеренно обижают окружающих словами, действиями или своим видом и далеко не всегда чувствуют при этом смущение. А порой даже настаивают на своем бесстыдстве, вступая в перепалку и показывая: «да, я такой!». И его не останавливает ни осуждающее мнение окружающих, ни собственная совесть. Таких людей называют «бессовестными», «хамами», «невоспитанными», «бесстыжими», «бесцеремонными», «беззастенчивыми», «наглыми», «нахальными», «нахрапистыми», «нескромными», «развязными», «циничными», о таких говорят: *«креста на них нет»*, считают их больными и стараются с ними не общаться. В бытовых отношениях – в семье, на улице, в транспорте, в других общественных местах это вызывает у окружающих возмущение, ссоры, обиды, отчуждение, а порой и долговременное противостояние.

Действительно, иногда скученность в транспорте, недопонимание в торговых заведениях или просто равнодушие к окружающим приводит к неблагоприятным поступкам, на которые окружающие реагируют с осуждением. В больших городах, по нашим наблюдениям, чувство стыда у провинившихся проходит быстро. Например, в метро или в автобусе виновник ссоры выйдет из транспорта, и очевидцы скоро забудут о случившемся. Здесь чувство стыда, если не встретил знакомых, надолго не фиксируется в общественной памяти. А в небольшом населенном пункте такое событие может оставить немалый след в местном сообществе, а главное – в образах участников конфликта. Народная мораль и нравственность, более хранимая в провинции, чем в большом городе, до сих пор остается здесь важным регулирующим фактором.

Рассматривая правила этикета у разных народов, М.Ю. Мартынова отмечает, что у каждого народа есть собственные представления об этих понятиях, какими бы универсальными они ни казались. Например, если сравнивать традиционные стили воспитания детей по степени их строгости, соотношению наказаний и поощрений, то на одном полюсе будет японский стиль, а на другом – английский [10: 73]. Подобное можно сказать и о других проявлениях, в том числе и о стыде, о неодинаковом его понимании в разных человеческих сообществах. Так, в традиционных обществах за проступки придумывались разные наказания. Это было в основном психологическое воздействие на человека – пристыдить, осмеять, опозорить, осрамить. А в крайнем случае виновника избивали и даже изгоняли из сообщества. Например, у гагаузов, по свидетельствам этнографов, общественное осмеяние признавалось законным и, хотя оно порой вызывало сочувствие, все же служило уроком для других [11: 443]. Некоторые наказания виновников можно назвать, по известной аналогии, «принуждением к стыду». Это действие обычно сопровождается уже упомянутыми явлениями – придать огласке, пристыдить провинившегося, осмеять, опозорить, осрамить перед обществом.

В последнее время к такой действенной в народе акции присоединились и интернет-пользователи, добавив в виртуальное пространство для огласки так называемые «доски позора». Интересно, что география этих «досок позора» в нашей стране довольно широка, и этнически разнообразна, как и проступки засветившихся на этих досках персонажей. В таких электронных изданиях, предназначенных для массовой аудитории, рассказывается о конкретных нерадивых чиновниках, о недобросовестных производителях товаров, об обманах и мошенничестве частных лиц, о коммунальных неурядицах и т.п. Это – своеобразные книги жалоб из российских регионов, где теперь любой интернет-пользователь может оставить запись о постыдных поступках виновников и публично, на всю страну пристыдить их и «ославить».

Рис. 1. Российские Интернет-пользователи против нарушителей общественного порядка

Нельзя не отметить, что число просмотров таких интернет-сайтов порой превышает тираж самых широко распространенных газет в стране. Однако «принуждение к стыду» бывает действительно не для всех. Мы склонны согласиться с замечанием Ю.М. Орлова, сказанного, правда, по поводу воспитания детей, что, благодаря появлению стыда, процесс управления поведением и воспитание ставится «на автомат». Но, подчеркивает он, – та добродетель, которая держится на стыде, несовершенна и слаба. Она должна держаться не на стыде, а на разумных привычках человека [8: 96]. Можно вспомнить и другие случаи, когда ребенка с детства приучают понимать – **что** правильно в человеческом общении, а **что** – нет. Вспомним всем известное с детства стихотворение К. Чуковского, рассказывающего ребенку о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Оно заканчивается прямым назиданием: «Надо, надо умываться по утрам и вечерам, а нечистым трубочистам – стыд и срам! Стыд и срам!» [12]. Хочется надеяться, что все бывшие дети не забывают это правило и в своем взрослом состоянии.

Но как стыд может проявляться в СМИ, где конфликтные случаи демонстрируются респондентам как обычные модели поведения? Конечно, авторы подобных медийных материалов как будто бы осуждают дурные поступки словами других героев. Но все же их показывают, тиражируя их допустимость в обществе. Например, во множестве фильмов–сериалов, которые в последние десятилетия бесконечно демонстрируют по центральным российским ТВ каналам, непременно присутствует образ жертвы и ее обидчиков. Чаще всего жертва – это молодая женщина без опыта, которая постоянно попадает в нехорошие ситуации. Ее обидчики – это бесстыдная соперница или знакомый беспринципный мужчина, просто коварные родственники или иные люди, явно обижающие и обирающие ее. Действующие лица и персонажи могут быть различными и ситуации – тоже. По законам жанра, в каждом ТВ произведении должен содержаться конфликт, лучше всего треугольник: жертва – обидчик – спаситель, который, как правило, приходит в конце истории. Зрители переживают, возмущаются коварством злодеев, желают скорее их наказать, и все это на протяжении немалого времени поддерживает в фильмах интригу, помогает развивать действие и держит телеаудиторию в напряжении. Одновременно сюжет постоянно прерывается рекламой, за что его создатели и спонсоры получают немалые деньги. На этом в настоящее время строятся многие медийные продукты с затянутыми интригами и поворотами сюжетов и с множественными рекламными перебивками.

Стоит подчеркнуть, что демонстрация подобных сериалов – это не только развлечение телезрителей, но и массированное распространение в общественном пространстве определенных ценностей и представлений, норм и моделей поведения. Например, в семейной жизни на нашем центральном телевидении наряду с позитивом, на котором ставился акцент в полузабытых советских фильмах, воспевавшим любовь, дружбу, теплоту и взаимоподдержку в человеческих отношениях, в нынешних телесериалах зритель видит очень много негатива. Это нередко очень явное и враждебное противостояние отцов и детей, забвение старых или больных родителей, это брошенные или полузабытые, а порой и перепутанные дети. В супружеских отношениях – это ложь, обман и измены, которые представляются в наше время в телепередачах почти как общепринятая норма. В жизни – это стяжательство и погоня за выгодой, несмотря на общеизвестные моральные нормы, подтасовки завещаний и других документов. В отношениях между коллегами в многочисленных фильмах демонстрируется ложная дружба, обман и предательство, цинизм, аферы и «подси-

живание», пьянство, воровство, коррупция. И, кроме придуманных фактов и событий, проводятся и незаметно внедряются в массовое сознание сомнительные для общества идеи: «Справедливость и добро не всегда побеждают», «Сильный и богатый почти всегда прав» ... Похоже, постсоветское телевидение (и некоторые другие медиа каналы) рождает новую мораль нашего изменившегося общества – отстраненность и равнодушие, отсутствие стыда и смущения при демонстрации многих пороков нынешнего российского существования. Конечно, во многих ТВ-передачах звучат и нотки общественного осуждения, показываются примеры истинной любви и привязанности к близким, порядочности и преданности в дружеских отношениях, верность долгу. Но на фоне многочисленных преступных действий героев, множества убийств, долговременной лжи и запутанности сериальных сюжетов, для многих зрителей теряются истинные человеческие ценности и утверждаются как возможные их противоположности.

Подобные конфликтные сюжеты в концентрированной форме повторяются не только в фильмах-сериалах, но и в других телевизионных жанрах, например, в ток-шоу на бытовые темы. Это такие, ставшие уже долговременными передачи центральных телеканалов как: «Мужское-женское»; «Давай поженимся»; «Пусть говорят», «На самом деле», «Андрей Малахов: Прямой эфир», «ДНК» и другие. Этот список можно дополнить и инсценировками судебных разбирательств на ТВ-каналах: «Домашний», «НТВ» и иных. Авторы и герои рассказывают о криминальных случаях из жизни, не стесняясь самых дурных своих наклонностей и своего неприятного внешнего вида. На публику выливаются ругань, девиантная лексика, нередко и рукоприкладство. Публика в телестудии, как правило, по знакам модераторов, дружно осуждает или приветствует персонажей шоу – и виновников, и их оппонентов. Передачи, нацеленные на выяснение обстоятельств и на поиск истины, далеко не всегда справляются с этой задачей. Преступление или событие нередко остается для телезрителей непонятым, а для обидчиков безнаказанным. И виновники конфликтных случаев порой уходят от аудитории без чувства вины, сожаления и даже с некоторым поощрением. Совершенное ими зло, обсужденное публично, оказывается, как бы, «прощенным». Было ли здесь реальное, искреннее покаяние и публичное «очищение» как один из видов общественного прощения за совершенный плохой поступок – остается неясным. А спонсоры и рекламодатели зарабатывают на всем этом огромные деньги.

Опасаясь скатиться к морализаторству, автор все же задает вопрос: являются ли СМИ в наше трудное время важным общественным рупором морали и нравственности, публичной площадкой для противостояния злу, каналом, несущим людям добро и созидание? Конечно, часть просветительских и образовательных телепередач это безусловно делает. Но большинство бытовых ток-шоу, как и фильмов-сериалов «для домохозяек», правда, представляемых и в праймтайм, все же захватывает своими интригами и жизненными ситуациями не только их, иначе рекламодатели не старались бы так бесстыдно эксплуатировать медийные возможности этого общественного канала. Представляется, что здесь именно та ситуация, когда о моральных нормах и гражданской ответственности, о пагубном влиянии криминальных практик и примеров создатели не задумываются. И это тот случай, когда «деньги не пахнут». А наше, во многом пока пассивное общество, постепенно привыкает к тому, что многие, осуждаемые общественные пороки – это норма сегодняшней многообраз-

ной жизни. Испытывают ли телекоммуникаторы хоть какое-то чувство дискомфорта, чувство вины, смущения и стыда за свои стандартные и схематичные медиа поделки, за тиражирование сомнительных поступков своих героев? Или, показывая людям «правду жизни», они воспитывают их? Этот вопрос также остается пока открытым.

Коллективно-профессиональный стыд

Еще один тип современного медийного контента – это информация о примерах «профессиональных пороков» в некоторых социальных группах. Эти проблемы и сюжеты, также заметно распространены в современной жизни, но они не так ярко отражаются на экранах телевизоров, в фильмах, в интернете. Чаще всего они представляются аудитории лишь как единичные случаи. Пожалуй, эти социально-профессиональные «пороки» более типичны для прессы, где они также появляются лишь как описание отдельных случаев. Но все знают об этих «грехах», которые стали еще одной распространенной формой постыдного общественного поведения. Речь идет о повсеместном бюрократизме, о некомпетентности и безответственности чиновников, об их взяточничестве и безнаказанности, о финансовых «поборах» в больницах и в школах, о воровстве, нечистоплотности и обмане в торговле, о нечестных коммунальщиках, строителях, риэлторах, таксистах, парикмахерах, о несправедливых порой судьях и полицейских, о «гаишниках», собирающих взятки на дорогах. И о многих других людях и их, ставших уже массовыми, несправедливых поступках и несправедливостях, которые каждый из нас неоднократно наблюдает в своей жизни. А жертвы – это и обманутые дольщики, и терроризируемые коллекторами должники, это родители школьников, которые вынуждены собирать деньги на нужды школ, на подарки учителям, это пациенты больниц, которые, несмотря на многие реформы в области бесплатной медицины, вынуждены платить за лечение, это покупатели большинства торговых заведений, в общем, это – россияне, практически все население страны. И об этом тоже время от времени в разных формах рассказывают

наши СМИ, особенно телевидение и интернет. На центральных телеканалах об этом идут информационные передачи: «Человек и закон» (1-й канал), «Петровка-38» (ТВЦ), «Чрезвычайное происшествие» (НТВ), нередко вопиющие факты представляются телезрителям и в новостных передачах.

Наиболее резонансные события находят быстрый отклик не только в телепередачах и в прессе, но и в интернет-пространстве. Так, задержание министра экономического раз-

Рис. 2. «Двенадцать стульев». Глава VIII. Голубой воришка (автор Макс ЧЕлай, интернет ресурс).

вития России Алексея Улюкаева вдохновило интернет-пользователей на создание мемов и фотожаб: Главу Минэкономразвития, взятого за получение взятки в два миллиона долларов, в шутку уже сравнили с персонажем Ильфа и Петрова «голубым воришкой»: «Все существо его протестовало против краж, но не красть он не мог. Он крал, и ему было стыдно. Крал он постоянно, постоянно стыдился, и поэтому его хорошо бритые щеки всегда горели румянцем смущения, стыдливости, застенчивости и конфуза»². С горечью пишут в интернете пользователи о своих наблюдениях за отсутствием стыда и корпоративной ответственности у многих наших современников: ... «Снова всплыл вопрос, который я часто задаю и себе, и окружающим: ну почему столько людей вокруг не стесняются и не боятся обманывать нас, наносят нам иногда большой вред без зазрения совести, и им не стыдно, они не боятся ни «официального» наказания, ни кары «там»? <...> Неужели жажда денег настолько сильна, что не жаль даже новорожденных детей?» [14].

«Он крал, и ему было стыдно» ... Но стыдно ли сегодняшним ворам, коррупционерам и многим другим людям, объединенным в профессиональные сообщества, за себя и за поступки своих провинившихся коллег? Или чувство стыда, коллективной ответственности за свои профессиональные прегрешения испытывают только сами виновники? А их руководство, ступеньками выше, об этом ничего не знает? Очевидно, что нет. И их оправдание известно: «Ведь все так делают». Стыд и совесть здесь спят. А иногда речь идет о «круговой поруке», этически сомнительной «корпоративной» и финансовой поддержке. Но о профессиональном и корпоративном стыде, о профессиональной этике в этих случаях не всегда помнят. Более того, «удачные поборы» коллег-соперников приводят к зависти и доносам в коллективах.

Конечно, далеко не все поголовно участники профессиональных сообществ используют свое служебное положение в целях собственного обогащения. Более того, в отдельных организациях иногда делаются попытки создать и внедрить «профессиональные этические кодексы», искореняющие общественные пороки, но они в большинстве случаев (как например в журналистском сообществе) не работают. Посторонние люди с возмущением рассказывают друг другу о несправедливостях, с которыми они столкнулись в больнице, в магазине, на транспорте, часть случаев становится известной и с помощью медиа. И все это тоже как будто бы осуждается общественным мнением, но, тем не менее, остается, продолжается и развивается.

Несмотря на общественное осуждение и отдельные случаи «принуждения виновников к стыду», актуальным остается вопрос: должна ли быть у всей профессиональной общности коллективная ответственность за эти «массовые» на сегодня явления профессиональных поборов, обманов и некомпетентности? Или чувство ответственности в коллективе расплывается между его членами и ощущается гораздо слабее? А может, профессиональная общность, и тем более – профессиональная идентичность теперь отсутствуют, и сообщество (чиновников, учителей, врачей и прочих) уже не трогает внешняя оценка его деятельности? Или чувство вины, а тем более стыда, переживаний от бесчестия остается только индивидуальным?

Что же может понять телезритель и читатель газеты из озвучиваемых в СМИ сообщений и сюжетов о многочисленных, хотя и не всегда доказанных, поборах и обманах, с которыми он и сам сталкивается повсеместно? Бюрократизм, безответственность, ложь, обман, воровство далеко не всегда очевидны. В журналистских сообщениях об этих проступках нет четкости, мнения очевидцев не всегда совпа-

дают. И коллективная ответственность опять двоятся: с одной стороны, СМИ действительно сообщают о неблагоприятных поступках нарушителей законов и этических норм. С другой стороны, журналисты, сообщая об этом, и сами далеко не всегда могут дать четкую и справедливую оценку событию. Некоторые из них прямо заявляют, что для них важна не столько достоверность информации, сколько скорость, с которой они, опередив конкурентов, представят материал редактору и своей аудитории. Об этом с некоторым смущением говорили недавно автору данной работы аспиранты факультета журналистики одного из крупнейших вузов страны.

Поэтому, спустя некоторое время, отведенное на расследование инцидента, даже громкие общественные нарушения рассматриваются в нашем обществе не как чрезвычайное событие, как еще одно доказательство серьезной общественной болезни, а только как частный случай, который быстро уходит от медийного и общественного внимания, заслоняется другими новостями. И если, спустя продолжительное время, о нем не напомнят по телевидению или в прессе, оно забывается и уже практически публично не осуждается. Если в коллективе отсутствует общая профессиональная идентичность, то и общая ответственность его членов отсутствует. В большинстве случаев о наказании и раскаянии, а тем более — о коллективной ответственности или о профессиональном стыде речь уже не идет. И вся страна, состоящая из многих коллективов и групп, не соблюдающих многие морально-этические нормы, становится рыхлой и слабой, теряя очень много в своем развитии.

Рис. 3. Интернет-сообщество против: коррупции, обмана покупателей, поборов в школе, странной «бесплатной» медицины» ...

Как же в этой связи ведут себя сами медиа-деятели? В интернете, который охватывает своим вниманием многие сферы общественной жизни, граждански настроенные пользователи в очередной раз обратили внимание на редакционную политику нашего телевидения. Один из авторов, не без оснований углядевший на экранах центрального телевидения такое явление как «эстрадную русофобию», замечает, что это все же не частные ТВ-каналы, на которые государство не вправе влиять. Но редакционная политика ряда каналов предоставляет некоторым из них «поддерживать актеров и некоторых других людей, открыто и нагло пропагандирующих ненависть к России и любовь к киевскому режиму, обстреливающему Донбасс». В интернете, по свидетельству автора данного утверждения, содержится информация с частными высказываниями представителей «русофобской богемы», о которых простые телезрители (домохозяйки, пенсионеры, сельчане) практически не знают, так как не пользуются интернетом. Телеканалам проще сохранять на экранах узнаваемые, давно раскрученные персоны, которые приносят им деньги, а государственные интересы остаются при этом в стороне. В качестве примера автор называет ряд известных

фамилий и приводит их нелестные интернет-высказывания о нашей стране³. И это еще один яркий пример корпоративной и профессиональной безответственности, когда побеждает не мораль, а деньги.

Рассуждая о социально-профессиональном стыде, некоторые интернет-авторы повторяют, что «обществу нужны коллективные психологические изменения в головах». Так, упоминая повсеместную коррупцию, в которой они видят одну из главных опасностей целостности государства, они предлагают вызвать у людей социальный стыд, который поможет преобразовать общество. В дискуссии, которая разразилась на одном из интернет-сайтов по поводу социального стыда, было справедливо замечено, что «В советское время СОВЕСТЬ была коллективным понятием, ценностью. Помните, как было: «не стыдно ли вам», «совесть у вас есть», постоянно звучало: «стыдно-не стыдно», «где твое достоинство», «поступайте по совести» и прочее. Это была норма поведения советских людей, строивших светлое будущее! Фильмы с подобными эпизодами отображали как раз ценности советского общества»⁴.

Рассматривая множество фактов, связанных с выполнением профессиональных обязанностей представителями разных групп населения, хочется предложить некоторые меры для совершенствования сферы профессионально-корпоративной этики в нашей стране. Можно вспомнить опыт профессиональных ассоциаций или корпораций, профессиональных союзов, гильдий, в том числе и зарубежных, которые могли бы иметь ряд заметных общественных льгот. Но при этом, стать членом определенного профессионального сообщества не так-то просто. Их члены должны очень дорожить своей профессиональной честью, своим опытом, а коллектив должен не только следить за соблюдением этических и профессиональных норм своего сообщества, но и отвечать за поведение каждого члена. Наказание провинившихся – публичное осуждение и позор в глазах своих коллег, пятно, падающее на все сообщество. Пожалуй, это один из способов освободиться от полускрытых, постыдных массовых поборов и вымогательства, от обманов и других несправедливостей. И СМИ могли бы показывать и обсуждать не только негативные поступки отдельных людей, но и позитивные примеры профессионально-корпоративного регулирования.

Однако и сегодня нельзя не видеть, что, наряду с негативными общественными явлениями, за которые должно быть стыдно конкретным виновникам и их коллективам, многие российские медиаканалы представляют обществу и позитивные примеры, хотя их нельзя назвать массовыми. Например, по некоторым программам центрального телевидения, в отдельных печатных изданиях россиянам стали рассказывать о больных детях, которым необходимы сочувствие и финансовая помощь. Это – одна из гуманных общественных акций, вызывающих сострадание к маленьким больным соотечественникам. Многие сердобольные люди не просто сочувствуют им и их страдающим родителям, но и довольно быстро собирают на их лечение немалые денежные суммы. Эти коллективные акции доброты, милосердия и бескорыстия поощряются обществом, вызывают чувство гордости у медийной аудитории и показывают, что не все так плохо в нашем российском обществе. А доброта, милосердие и порядочность делают жизнь всего общества чище, позитивнее и привлекательнее.

Общегосударственный или общенациональный стыд

Около трех последних десятилетий мы наблюдаем заметное совпадение двух, казалось бы, далеких друг от друга явлений: **с одной стороны** – усилившуюся борьбу и соперничество стран и национальных элит за очередной передел мира, за региональное или мировое влияние, за новое распределение ресурсов и, как результат – усилившуюся международную напряженность и конфликты. **А с другой стороны** – явление большого информационного взрыва или скачка, вызванного техническим прогрессом, появлением и развитием интернета и других «высоких технологий». Одним из результатов этого процесса стало появление еще большей возможности давить на конкурентов и противников с помощью специально подготовленной информации. В итоге, мировые и региональные общественные процессы, как позитивные, так и негативные, почти повсеместно и многократно ускорились. Определенная открытость информации, участие простых людей в ее создании, скорость, с которой теперь уже не только журналисты, а и любой интернет-пользователь может отправить сообщение массовой аудитории, появление «человека медийного» – все это породило и усилило жесткую конкуренцию в информационно-коммуникационной сфере и в международных отношениях. До всеобщей информационной открытости, конечно же, еще очень и очень далеко, но многие факты национальным элитам уже не удастся полностью спрятать. Поэтому некоторая, даже малая информационная открытость заставляет людей более критично воспринимать и, в определенной мере, самостоятельно оценивать происходящие вокруг них события, а иногда – даже влиять на них. Теперь и в прессе, и на телеканалах, и особенно в интернете, можно увидеть далеко не всегда однозначные высказывания, мнения и оценки как прошлых и даже далеких исторических событий, так и современных.

Конечно, название данного раздела «Общенациональный стыд» – очень условное. Но, тем не менее, мы решили так назвать пока не очень понятное и быстро разрастающееся явление, ставшее в последние десятилетия особенно широко распространенным в общественном пространстве. Общегосударственный или общенациональный стыд – это чувство признания «нацией» своей коллективной вины. При этом государство (нация) берет на себя ответственность, устами своих лидеров признавая несправедливым совершенный ее гражданами проступок. Но случаев общенационального признания вины и публичного извинения известно в истории немного. Граждане, не принимавшие участие в сомнительных и ошибочных деяниях своих правительств, не понимавшие смысла части государственных действий и не получившие от этого никакой выгоды, далеко не всегда соглашались с навязываемым им чувством «коллективной» вины и не принимают ее на себя. Речь идет как о внутригосударственной жизни, так и о международных отношениях.

Отметим, что признание коллективной общенациональной вины и чувство стыда за нее, а тем более – публичное общегосударственное покаяние, и в самом деле было редкостью в человеческой истории. Но все же оно случается. Одним из ярких проявлений государственного покаяния является послевоенное поведение Германии. Эта страна, принеся миру столько горя, захватившая вместе со своими сателлитами и разрушившая много европейских стран, жестоко лишившая жизни миллионы людей, теперь, в течение уже многих десятилетий, несет ответственность, искупая «коллективную вину» немецких фашистов за их преступления. Другой пример – многие страны Запада, захватывавшие в свое время чужие земли и превращавшие

их в колонии, освободившие их после мощных национальных движений в XX веке, теперь, нередко без публичного покаяния стараются искупить свою общенациональную вину (хотя и по другим причинам), принимая и привечая массы населения из своих бывших азиатских и африканских колоний. Таким образом, в международных отношениях обсуждается вина, которую некоторые страны сами берут на себя (признают за собой) или другие страны возлагают на них за реальные или вовсе мифические действия, далеко не всегда понятные большинству населения. Признанная вина предполагает чувство сожаления, стыда, раскаяния, публичного извинения... А средства массовой информации в разных формах распространяют эту информацию, поддерживая, отрицая ее или еще больше запутывая свою аудиторию.

Действительно, если считать стыд добродетелью, одним из регуляторов коммуникативных процессов, то нельзя не согласиться с мнением М.Н. Губогло, что эта нравственная категория, как и многие другие, «состоит в запутанных связях с политическими институтами, этическими категориями и нравственными принципами, с политическим и экономическим развитием сообществ» [15: 396]. В нашей стране, в отличие от упомянутых выше других видов предполагаемого «стыда», центральные СМИ стараются более-менее выдерживать информационные позиции с точки зрения: *наши* поступки или *чужие*, виновны *мы* или *они*, должны ли мы стыдиться за действия нашей страны или нет. Хотя при этом часть медиа каналов показывают видимость иной, на их взгляд «более справедливой» оценки, не всегда обоснованно и доказательно побуждая российские власти к покаянию. Во всех случаях, с целью убеждения аудитории и для доказательства своей «правоты» и наши, и все мировые медиа особенно активно используют не всегда этически и профессионально дозволенные информационные и манипулятивные приемы (нечеткость информации, умолчание, полуправду, фейки (фальшивки), тенденциозность, завышенную эмоциональность и т.д.). И большинство СМИ, включая и наши российские, особенно телевидение и некоторые центральные газеты, в ходе международных информационных противостояний, называемых теперь «информационными войнами», чаще всего стараются отвергать идеи «нашей» вины, убирать или смягчать обвинения в адрес своей страны. Интересен вопрос о мотивах: щадят ли они общенациональное самосознание? Стараются ли отвести обвинения от управляющих элит? Или искренне верят в «нашу правоту» и стараются убедить в этом аудиторию?

Как показывает анализ медийного контента, неоднократно проделанный нами, в ситуации явного противостояния и противоборства стран оппоненты далеко не всегда задумываются о журналистской этике и о человеческой нравственности – «на войне, как на войне», все методы хороши. И это вызывает у аудитории протесты, которые иногда стихийно, а чаще намеренно подхватываются и развиваются в прессе, на телевидении, в интернете. Порой на информационных площадках разгораются бурные дискуссии о поступках не только обычных представителей разных стран (например: *подрались немецкие и английские болельщики*), но и о поступках или высказываниях государственных лидеров. Таким образом, от возлагаемой на страну (и на народ) вины, далеко не всегда доказанной, меняется и ухудшается репутация страны, возникают и утверждаются в общественном пространстве новые несправедливые и обидные образы народов, растет международная напряженность, ломаются прежние межгосударственные договоренности и судьбы многих людей. Это хорошо видно, например, в ухудшившихся за последние годы отношениях между жителями Украины и нашей страны.

Желание всенародно пристыдить целые страны и их лидеров очень соблазнительно для некоторых обвинителей. Принимают ли спокойно высказываемые обвинения страны? Согласны ли они с претензиями, когда оппоненты требуют от их лидеров и от народов громких публичных извинений и покаяний, а иногда – и материальных компенсаций? За многие столетия такие акции с предъявлением вины своим противникам были связаны в основном с войнами, с захватом чужих земель, людей и скота, с разорением селений, с насильственной гибелью населения. Многие конфликты, как известно, со временем затихали и разрешались не только потерями, горем и бедами их простых участников, но и неизбежным заключением мирных договоров между бывшими противниками, иногда – брачными союзами представителей элитарных кругов, выплатами компенсаций и восстановлением экономических и торговых отношений.

И в наше время примеров взаимных международных обвинений, часть которых быстро «уходит в песок», другие остаются в публичной сфере на годы, известно немало. Один из таких примеров – обвинения, высказывавшиеся в адрес нашей страны. Так, политики, журналисты и другие эксперты экс-советских республик в конце 80-х годов прошлого века стали публично в СМИ обвинять Россию (Москву) в том, что она на протяжении десятилетий была исторически и экономически несправедлива к своим «младшим братьям», забирая, например, у Украины большую часть угля и зерна, у стран Прибалтики – их апатиты и энергию с Игналинской АЭС, у узбеков и таджиков – их хлопок и т.д. Насколько это было правдой, аналитики до сих пор не могут разобраться, хотя очевидно, что наши экс-советские братья получали от России ничуть не меньше. Обвиняя Россию в разных «грехах», эти политологи «забывали», например, о том, что с помощью россиян, в первую очередь – русских и многих других народов, все «окраины» бывшей Российской империи за советские годы были превращены в современные республики с развитой для своего времени инфраструктурой, с грамотным населением, с выросшей собственной интеллигенцией. Все это делалось, в том числе, и за счет русского народа (как самого многочисленного в стране), за счет наиболее продвинутых русских специалистов, работавших на эти регионы. И россияне никак не могут испытывать чувство стыда за то, что помогли многим народам создать свою письменность, открыть новые месторождения, построить города и заводы, поднять целину во многих, непригодных для этого ранее местах. Справедливости ради отметим, что «вина» России и русских за эти события постепенно растаяла в медийных дискуссиях политологов и историков, экономистов и других экспертов. И сегодняшнее состояние бывших советских республик в определенном смысле показывает кто был прав. Об этом мы не раз писали в наших работах, основанных на анализе прессы [16].

После распада Союза в начале 90-х годов и некоторые российские республики попытались продолжить тему вины России (Москвы) в их исторической судьбе. Это также выливалось довольно бурно через республиканские СМИ в массовое сознание жителей республик, которые выходили в региональных столицах на митинги протеста, требуя суверенитета и льгот их республикам и «коренному» населению. Все это вызывало огромное беспокойство и заметный отток русских жителей, в том числе и ценных специалистов из уже давно обжитых ими мест. И в этом случае сомнительная историческая «вина» России никак не была обоснована и доказана. Постепенно информация об этом также практически ушла из официального медийного пространства, хотя отголоски таких претензий, по результатам наших анализов

прессе, до сих пор еще встречаются в некоторых республиканских газетных изданиях и особенно в интернет-блогах [17].

На протяжении столетий Россию (как и другие страны) неоднократно обвиняли и в иных, не всегда понятных давних и современных событиях. Кроме военных конфликтов, которые и в наше просвещенное время все еще продолжают, к поводам для обвинений стран-соперников и противников добавилась и масса других. Современные обвинения в адрес России связаны со многими международными событиями, в частности – с непонятной и самим россиянам войной в Афганистане (80-е годы XX века), за участие в которой наша страна до сих пор чувствует некоторую вину, за возвращение Крыма (2014), который для большинства россиян был всегда родным и очень значимым, и возвращение его в Россию вместе с Севастополем стало большой общегражданской радостью, хотя до сих пор в экспертном сообществе оценка этого события неоднозначна [18]. Например, поляки до сих пор обвиняют Россию в организации катастрофы самолета с правительственными чиновниками Польши (под Смоленском – 2010 г.), страны Запада обвиняют нашу страну в крупномасштабном и полускрытом участии в войне в Донбассе, в нападении на Грузию (2008 г.), во вмешательстве в избирательную кампанию в США (2017 г.), в отравлении беглых разведчиков в Великобритании и т.д. Важно отметить, что СМИ, в том числе и российские, много материалов посвящают этим сюжетам, решительно или не очень твердо отвергая обвинения в адрес нашей страны. А результатом большинства сомнительных обвинений и требований признания вины (и наказания) становятся ощутимые для всего российского населения меры давления – принуждение россиян к «стыду» и к ответственности, а также – экономические санкции.

Наши наблюдения показывают определенную разницу в реакции российских центральных медиа каналов и Интернет-пользователей популярных соцсетей на обвинения нашей стране. И те, и другие стараются не принимать вину на себя, приводят много доводов и объяснений. Но, если в ТВ дискуссиях (в ток-шоу), как правило, представляют разные точки зрения на события (хотя с криками и ссорами), то в интернете аудитория довольно решительно отвергает обвинения в адрес нашей страны. Так, в августе 2018 г. США объявили об очередной санкционной акции против России, что сразу же вызвало отклик в нашем интернет-пространстве: «Америка требует от России публичного самоунижения и покорности». В числе многих других наказаний, сенаторы США предложили «рассмотреть возможность присвоения России статуса «страны – спонсора терроризма». Это сообщение сразу же вызвало бурную реакцию в соцсетях: «У меня обратный вопрос... А почему наш МИД не требует на всех международных площадках покаяния и покорности США??? С перечислением стран и народов, коим они принесли геноцид и страдания? Как немцы за Холокост, ... за другие преступления.... Как там у них: Платить и каяться, платить и каяться?» [19].

Разделяют ли чувство общенациональной вины, приписываемой им, все россияне? – Уверенности в этом, конечно, нет. И российские СМИ далеко не всегда могут ориентировать в этом свою аудиторию. Да и могут ли обычные люди – потребители не всегда ясной и достоверной медийной информации понять цели и мотивы государственных поступков? В этой связи очень актуальным становятся вопросы: что такое общенациональная ответственность и общенациональная совесть, что такое чувство общенациональной вины? Должны ли граждане огромной страны всегда разделять вину за проступки и ошибки своих властей? Должны ли потомки брать на

себя вину, нести ответственность за несправедливые действия своих предков? Встает вопрос и о том, насколько эти действия были несправедливыми в тех условиях, часто экстремальных, сумбурных и непонятных для простых людей, запутанных пропагандой идеями о счастливом и светлом будущем? Должна ли быть коллективная общенациональная ответственность людей за прошлое? Многие думают, что такой ответственности в этом быть не может. Однако непонятно, ведь успехами своих предков мы все привыкли гордиться, а за неудачи отвечать не хотим? И какой временной период можно считать достаточным, чтобы чувство вины со страны-нации было снято, а чувство «всеобщего стыда» было забыто?

Тема вины и предполагаемого общенационального стыда стран и народов продолжает так или иначе обсуждаться не только в телевизионных ток-шоу, но и пользователями интернета. В одной из публикаций интернет-автор как бы продолжает и развивает упомянутую выше идею о вине самих обвинителей: «...Почему европейцам не стыдно за то, что они наделали? Этот вопрос соотечественники задают регулярно, но пик его приходится на 22 июня, когда “нашим западным партнерам” вспоминаются их “шалости”, приведшие к гибели десятков миллионов абсолютно невиновных мирных советских граждан. Почему немцы вот уже 70 лет выплачивают компенсации за Холокост, не забывая круглосуточно каяться, но при этом, как бы это сказать помягче, спокойно относятся к своим преступлениям против остального, нееврейского населения СССР? ... Еще более спокойно, чем немцы, воспринимают 1941-й год граждане стран “наших западных партнеров”, вместе с немцами пришедшие к нам в 1941-м с огнем и мечом – испанцы, итальянцы, французы, хорваты, финны, норвежцы, голландцы? Спросите их, испытывают ли они чувство вины за свое участие в плане “Барбаросса”, они даже не поймут, о чем вы» [20].

Но не только за пределами, а и внутри страны некоторые группы граждан и политические партии требуют от нынешних властей повиниться уже за внутренние прегрешения. Так, чувство вины и некоторого общенационального стыда, смятения и коллективного смущения (?) сохраняется, например, для России в народной памяти, в литературе, в песнях и в государственных, надолго засекреченных документах при напоминании о Русско-японской войне 1904–1905 гг., о непонятной для многих войне в Афганистане (1980-е годы), о некоторых других военных кампаниях, об ошибочном и необоснованном решении убить императора Николая II и членов его семьи⁵. Кроме упомянутых выше, вину России (Москве) также предъявляют за распад Советского Союза, до сих пор многим гражданам непонятный, за заметное и не всегда правдиво объясняемое сокращение населения страны и замену его чужими мигрантами, за оставленных в бывших советских республиках наших соотечественников, за жертвы в межнациональных конфликтах, за несправедливую приватизацию национальных богатств, за бедность и прочие социально-экономические неурядицы. И – за падение нравов, которое ежедневно демонстрируют россиянам «продажные» СМИ, а современное общество теперь уже почти спокойно это принимает. Обвинения звучат в СМИ в адрес властей, которые, несмотря на постоянство, все же частично сменяемы. Чувство покаяния и стыда за ошибки, за некомпетентность, за прямые проступки и преступления довольно редко показывается публично.

В многочисленных общественных дискуссиях по поводу неурядиц, прегрешений и общей вины россиян заметную роль на различных информационных площадках, как известно, играет российская интеллигенция. К этой группе теперь условно отно-

ся многочисленные политологи и эксперты, среди которых – ученые, дипломаты, российские писатели, кинематографисты, многие другие деятели российской культуры и искусства. Практически все медиа каналы предоставляют им возможность убедить или переубедить аудиторию. В последние годы на телевизионных ток-шоу, которых в настоящее время можно увидеть немало на центральных каналах («Время покажет», «60 минут», «Вечер с Владимиром Соловьевым», «Право голоса», «Место встречи» и т.д.), общественное внимание очень направленно сосредоточивается в основном на взаимоотношениях России с Украиной и со странами Запада. Задачи этих политических ток-шоу – пропаганда, манипуляция и коммерция. Как об этом мы также неоднократно писали [21], коммуникаторы и их спонсоры не только хотят убедить население и оппонентов в «нашей» правоте, но якобы хотят разобраться в причинах наших поступков и действий, отвести от нас всякие претензии и обвинить самих наших оппонентов. И, как ни странно, определенная часть политизированного российского населения принимает активное участие в обсуждении горячих общественно-политических проблем, частично (с помощью медиа) забывая об их экономической и пропагандистской составляющей. Вместе с тем, нынешняя аудитория далеко не всегда однозначно относится к таким псевдодискуссиям, о чем свидетельствуют высказывания в Интернете:

- *Эти передачи поначалу привлекли мое внимание. Ну как же – собираются люди, известные действующие политики, политологи, иногда деятели культуры, приглашаются гости из-за рубежа и обсуждаются животрепещущие проблемы. Но во что все это вылилось? ... От слова Украина по радио или телевидению меня уже просто тошнит. Пережевываются все те же вещи, которыми забиты другие СМИ, что там себе думает Трамп и как полезны оказались для России санкции, а за граница от них страдает... Потoki гадостей, вранья и ненависти бурлят на этих эфирах. Мне кажется, что эти шоу давно используются ведущими как кормушка, и все средства хороши, чтобы привлечь рекламодателей [22].*
- В последовавших за этим «заводным» текстом комментариях интернет-сообщество горячо соглашалось с мнением автора:
- *Согласен с автором статьи на все 100%!!! Правда, нужно еще добавить, что эти ток-шоу, а вернее БАЗАР-ШОУ, не так уж и безобидны!!! К сожалению, они еще отвлекают внимание зрителей от действительно важных и насущных проблем общества!!!*
- *Украина с ее проблемами у всех уже в печенках сидит. Не пора ли весь этот БАЛАГАН прекратить!?*⁶.

Но, справедливости ради отметим, что не только в адрес нашей страны летят обвинения. И сама Россия также неоднократно высказывала в СМИ свои претензии в адрес других стран: Украина, Белоруссия, страны Прибалтики, Молдова, Грузия, Турция, страны Запада... В большинстве случаев обвинения были связаны с экономическими и с политическими проблемами, но нередко вспоминались и исторические события. Обвинения, звучавшие публично, затем и здесь потихоньку уходили из эфира, отношения партнеров возобновлялись, а СМИ обращались к другим сюжетам⁷.

Таким образом, в данной работе мы попытались кратко рассмотреть одну из важных морально-нравственных категорий, участвующих в регулировании человеческих отношений, – стыд и его проявления в современном российском обще-

Рис. 4. Агитационные плакаты «Пьянству бой!» советского периода.

стве. Бурное развитие информационных технологий на рубеже XX и XXI веков позволило несколько расширить информационное пространство и показать некоторое разнообразие постыдных человеческих промахов и поступков, а также процессы покаяния и оправданий. В определенной степени теперь стыд и чувство вины стали публично акцентироваться не только в сфере индивидуального и группового поведения, но и в международных отношениях. Но, несмотря на многие общественные проступки и прегрешения, за которые должно быть неудобно целым профессиональным

группам и даже странам, чувство стыда и вины, в том числе и освещаемое в СМИ, не стало реально коллективным, а значит, и серьезно регулирующим общественные отношения. В большинстве случаев оно осталось в целом лишь индивидуальным явлением, когда вину чувствует только сам конкретный виновник. А иногда и он отрицает свою вину без всякого стыда. И как подтверждение наших выводов, судя по телепередачам центральных российских каналов, по публикациям прессы, основное медийное внимание, несмотря на массу поводов, направлено в основном на факты индивидуальных проступков и стыда и очень мало касается стыда группового и стыда общенационального. Наивно было бы думать, что разработанные на всех уровнях морально-этические кодексы и сценарии в СМИ помогли бы создать идеальное человеческое общество. Но вопросы нравственного поведения достаточно злободневны, и они заметно беспокоят наше общество, чем особенно отличаются не только отечественная пресса и все традиционные СМИ, но и Интернет.

Примечания

¹ См. подробнее об этом: <http://tolkslovar.ru/s13524>.

² См. подробнее об этом: <http://mtdata.ru/u2/photo1CD4/>.

³ См. подробнее об этом: <http://politrussia.com/society/patriotismo-li-nashe-418/>.

⁴ См. подробнее об этом: <http://ra2.in/uploads/posts/2010-11/>.

⁵ См. подробнее об этом: <http://www.ntv.ru/video/141391/>.

⁶ См. подробнее об этом: <http://vashmnenie.ru/Zachem>.

⁷ См. подробнее об этом: Войцеховский А. valet.ru; <https://pp.userapi.com/c616118/>.

Источники и литература

1. Тревожающие проблемы. Доступ: <https://www.levada.ru/2018/09/06/> (дата обращения: 16.12.2018).
2. Борисов Д.Г. *Стыд и его проявления*. Пер. с английского. Доступ: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1443.html> (дата обращения: 16.12.2018).
3. Гергилов Р.Е. Стыд как множественный феномен: теоретико-методологический анализ // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 2016. № 4. С. 1–19.
4. Прокофьев А.В. *Моральная ответственность, вина и стыд в контексте коллективной деятельности*. Доступ: <https://socionet.ru/publication.xml> (дата обращения: 16.12.2018).
5. Пашута О. *Что такое стыд? Значение слова*. Доступ: <http://www.syl.ru/article/299009>

(дата публикации: 27.03.2017).

6. Бенедикт Рут. *Хризантема и меч. Модели японской культуры*. Доступ: <https://libking.ru/books/sci/sci-culture> (дата обращения: 16.12.2018)
7. Белинская Е.В. *Вина и стыд: социально-психологический подход*. Доступ: <http://gasstanovki-rostov.ru/> (дата обращения: 16.12.2018).
8. Орлов Ю.М. *Стыд и зависть*. М.: Слайдинг, 2005;
9. Малькова В.К. Этика и СМИ // *Вестник антропологии*, 2017. № 3.
10. Мартынова М.Ю. *Путешествуем по этикету. Занимательная этнография*. М.: Наука, 2017.
11. Квилинкова Е.Н. Доверие к народным способам выявления и наказания виновного как гарант бесконфликтного разрешения вопросов // *Этносоциология вчера и сегодня* / Отв. ред и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 442–449.
12. Чуковский К. Мойдодыр. Доступ: <http://rupoem.ru/chukovskij/> (дата обращения: 16.12.2018).
13. Почему им не стыдно и не страшно? Об обманщиках, жуликах и просто бессовестных людях. Доступ: <http://planetatain.ru/blog/pochemu> (дата обращения: 16.12.2018).
14. lutik_12. *Социальный стыд - первый шаг к преобразованиям в обществе*. Доступ: <https://lutik-12.livejournal.com/11594.html> (дата обращения: 16.12.2018).
15. Губогло М.Н. Бинарные оппозиции в народной культуре. Взгляд этносоциолога // *Этносоциология вчера и сегодня* / Отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016
16. Малькова В. *Образы этносов в российских газетах. Опыт этносоциологического изучения*. М.: ИЭА АН СССР, 1991
17. Малькова В. Республиканская пре сса России: новая этнонациональная идеология / *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. М.: ИЭА РАН, 1997. № 103.
18. Малькова В. Трехлетняя годовщина присоединения Крыма и ее медийная актуализация в России: за и против / *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. М.: ИЭА РАН, 2017. № 255.
19. Джерелиевский Б. *Америка требует покорности*. Доступ: <http://vashmnenie.ru/blog/43171670561/> (дата обращения: 16.12.2018).
20. Сильный всегда прав. Доступ: <http://vashmnenie.ru/blog/43530135804/> (дата обращения: 16.12.2018).
21. Малькова В.К. Индоктринация и некоторые ее проблемы // *Медийная индоктринация: антропологические исследования* / Отв. ред. и сост. В.К. Малькова, В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2018
22. Зачем люди смотрят политические шоу. Доступ: <http://vashmnenie.ru/blog/43000086246/Zachem>, 04.07.18 (дата обращения: 16.12.2018).

References:

1. *Trevozhashhie problem*. Dostup: <https://www.levada.ru/2018/09/06/> (data obrashcheniya: 16.12.2018). (In Russ.). [*Disturbing problems*. Available at: <https://www.levada.ru/2018/09/06/> (accessed 16.12.2018)].
2. Borisov D.G. *Styd i yego proyavleniya. Per. s angliyskogo*. Dostup: [Http://www.psychology-online.net/articles/doc-1443.html](http://www.psychology-online.net/articles/doc-1443.html) (data obrashcheniya: 16.12.2018). (In Russ.). [Borisov D.G. *Shame and its manifestations. Translation: English*. Access: [Http://www.psychology-online.net/articles/doc-1443.html](http://www.psychology-online.net/articles/doc-1443.html) (accessed 16.12.2018)].
3. Gergilov R.E. *Styd kak mnozhestvennyy fenomen: teoretiko-metodologicheskij analiz. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskije i sotsial'nyye peremeny*, 2016. No. 4. P. 1–19. (In Russ.). [Gergilov R.E. Shame as a multiple phenomenon: theoretical and methodological analysis. *Public opinion Monitoring: Economic and social changes*, 2016. No. 4. Pp. 1–19].

4. Prokofiev A.V. *Moral'naya otvetstvennost', vina i styd v kontekste kollektivnoy deyatel'nosti*. Dostup: <https://socionet.ru/publication.xml> (data obrashcheniya: 16.12.2018). (In Russ.). [Prokofiev A.V. *Moral responsibility, guilt and shame in the context of collective activity*. Access: <https://socionet.ru/publication.xml>. (accessed 16.12.2018)].
5. Benedikt Rut. *Khrizantema i mech. Modeli yaponskoy kul'tury*. Dostup: <https://libking.ru/books/sci/sci-culture/> (data obrashcheniya: 16.12.2018). [Benedikt Rut. *Chrysanthemum and the sword. Models of Japanese culture*. Access: <https://libking.ru/books/sci/sci-culture/> (accessed 16.12.2018)]
6. Belinskaya Ye.V. *Vina i styd: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod*. Dostup: <http://rasstanovki-rostov.ru/> (data obrashcheniya: 16.12.2018). (In Russ.). [Belinskaya E.V. *Guilt and shame: socio-psychological approach*. Access: <http://rasstanovki-rostov.ru/> (accessed 16.12.2018)]
7. Orlov Yu.M. *Styd i zavist'*. Moscow: Slayding, 2005 [Orlov Yu. M. *Shame and envy*. Moscow: Sliding, 2005].
8. Malkova V.K. *Etika i SMI. Vestnik antropologii*, 2017. No. 3. (In Russ.) [Malkova V. K. *Ethics and mass media // Bulletin of anthropology*, 2017. No. 3].
9. Martynova M.Yu. *Puteshestviyem po etiketu. Zanimatel'naya etnografiya*. Moscow: Science, 2017. [Martynova M. *Travel etiquette. Interesting Ethnography*. Moscow: Science, 2017.]
10. Kvilinkova Ye.N. *Doveriye k narodnym sposobam istrebitel'nogo razresheniya voprosov. Etnosotsiologiya vchera i segodnya*. L.V. Ostapenko, I.A. Subbotina (eds.). Moscow: IEA RAN, 2016. Pp. 442–449. [Kvelenkov E.N. The credibility of the popular ways of identifying and punishing the guilty as the guarantor of conflict-free resolution of issues. *Sociology yesterday and today*. L.V. Ostapenko, A. I. Subbotin (eds.). Moscow: IEA RAS, 2016. Pp. 442–449].
11. Chukovskiy K. *Moydodyr*. Dostup: <http://rupoem.ru/chukovskij/> (data obrashcheniya: 16.12.2018). (in Russ). Chukovsky K. *Moidodyr*. Access: <http://rupoem.ru/chukovskij/> (accessed 16.12.2018).
12. *Pochemu im ne stydno i ne strashno? Ob obmanshchikakh, zhulikakh i prosto bessovestnykh lyudyakh*. Dostup: <http://planetatain.ru/blog/pochemu> (data obrashcheniya: 16.12.2018). (In Russ.). [Why are they not ashamed or afraid? About the cheaters, crooks and simply unscrupulous people. Access: <http://planetatain.ru/blog/pochemu> (accessed 16.12.2018)].
13. Guboglo M.N. *Binarnyye oppozitsii v narodnoy kul'ture. Vzgl'yad etnosotsiologa. Etnosotsiologiya vchera i segodnya*. L.V. Ostapenko, I.A. Subbotin (eds.). Moscow: IEA RAN, 2016. (In Russ.). [Guboglo M.N. Binary oppositions in popular culture. Glance sociology. *Sociology: yesterday and today*. L.V. Ostapenko, A. I. Subbotin (eds.). Moscow: IEA RAS, 2016].
14. Malkova V. *Obrazy etnosov v rossiyskikh gazetakh. Opyt etnosotsiologicheskogo izucheniya*. Moscow: IE AN USSR, 1991. (In Russ.). [Malkova V. *Images of ethnic groups in Russian Newspapers. Experience of ethnosociological study*. Moscow: IE of the USSR, 1991].
15. Malkova V. *Respublikanskaya pressa Rossii: novaya etnonatsional'naya ideologiya*. Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii. Moscow: IEA RAN, 1997. No. 103. (In Russ.). [Malkova V. *Republican press of Russia: new ethno-national ideology*. Research on applied and urgent Ethnology. Moscow: IEA RAS, 1997. No. 103].
16. Malkova V. *Trekhletnyaya godovshchina prisoyedineniya Kryma i yeye mediynaya aktualizatsiya v Rossii: za i protiv*. Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii. M.: IEA RAN, 2017. No. 255. (In Russ.). [Malkova V. *the three-Year anniversary of the annexation of Crimea and its media actualization in Russia: pros and cons*. Research on applied and urgent Ethnology. Moscow: IEA RAS, 2017. No. 255].
17. *Dzherelievskiy B. Amerika trebuetsya pokornosti*. Dostup: <http://vashmnenie.ru/blog/43171670561/> (data obrashcheniya: 16.12.2018). (In Russ.). [Dzherelievskoe B. *America requires humility*. Access: <http://vashmnenie.ru/blog/43171670561/> (accessed 16.12.2018)].
18. *Sil'nyy vseгда prav*. Dostup: <http://vashmnenie.ru/blog/43530135804/> (data obrashcheniya: 16.12.2018). [The strong are always right. Access: <http://vashmnenie.ru/blog/43530135804/> (accessed 16.12.2018)].

19. Malkova V.K. Indoktrinacija i nekotorye ee problemy. *Medijnaja indoktrinacija: antropologicheskie issledovanija*. V.K. Malkova, V.A. Tishkov (eds.). Moscow: IEA RAN, 2018. (In Russ.). [Malkova V. K. Indoctrination and some of its problems. *Media indoctrination: anthropological studies*. V.K. Malkova, V.A. Tishkov (eds.). Moscow: IEA RAS, 2018].
20. *Zachem ljudi smotrjat politicheskie shou*. Dostup: <http://vashmnenie.ru/blog/43000086246/Zachem> (data obrashcheniya: 16.12.2018). (In Russ.). [*Why do people watch political shows?* Access: <http://vashmnenie.ru/blog/43000086246/Zachem> (accessed 16.12.2018)].

V. K. Malkova. The concept of Shame in contemporary Russian society and in the Media.

The article is devoted to Shame – one of the most important of moral categories for all communities. The object of the research is the existence of this phenomenon in modern Russian society and its coverage in Media space. Based on numerous examples from the modern Russian reality and on the materials of Russian media, the author proposes for the first time to consider this truly immortal phenomenon in three ways: the presence or absence of shame in the individual, socio-professional and in international spheres.

Key words: *public morality, shame, guilt, coercion to shame, Media images, behaviors, responsibility.*

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВЕТСКОГО УЧИТЕЛЯ (ЧАСТЬ I)

В статье рассматривается профессиональная идентичность советского человека, на примере учителей, как социально-профессиональной группы. Какую роль играла профессиональная идентичность в СССР и какое место занимал учитель в одной из мощнейших сверхдержав прошлого века. Анализ и изучение трансформации категории «идентичности» в сознании простых граждан. Динамика образа от самой престижной профессии к самой непопулярной. Особенности политического давления на эту социальную группу, влияние партии на методы преподавания и образ жизни учителей и как этот диктат менялся в течение всего периода, а самое главное, как изменилось отношение учителей к этому явлению.

Ключевые слова: идентичность, советский учитель, трансформация, СССР, повседневная жизнь.

За последние годы вышло немало работ, посвященных идентичности. Это понятие весьма многогранно и имеет множество сторонников и противников. В целом, большинство исследователей по этой проблеме придерживаются мнения, что идентичность – это принадлежность к той или иной социальной категории. Идентичность делится на несколько видов: естественную – те, которые даны человеку от рождения и искусственную, формирующиеся под влиянием общества. Но, как известно, сейчас даже ряд естественных идентичностей, под влиянием человеческого вмешательства могут быть изменены, и женщина может стать мужчиной, если она так себя ощущает. В связи с этим у «идентичности» существует множество сторонников и противников. Критики считают, что эта тема «раздута», поскольку изучать то, что и так неизменно существует не актуально и что данное понятие является надуманным [см.: 1; 2; 3; 4, 5 и др.]. Сторонники же наоборот считают важными и актуальными подобные исследования, апеллируя к тому, что идентичность так или иначе контролирует поведение человека в обществе, а современное общество слишком сложно и многогранно, постоянно меняется и бросает множество вызовов человеку [6, 7, 8 др.]. Вместе с тем, исторический опыт и его уроки остаются малоизученными. В истории нашей страны существует множество примеров изменения идентичности и ее влияния на личность; этот опыт остается неисследованным и не задействованным.

Белова Наталья Андреевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: natale4ka@inbox.ru.

РНФ № 15-18-00099П «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтничных государствах: российский и зарубежный опыт», руководитель Е.И. Филиппова

Советский союз – это страна, с которой связана целая эпоха, и у части современных россиян она ассоциируется с определенным жизненным этапом. Последние опросы по идентичности показывают [9], что старшее поколение с ностальгией вспоминает это время и связывает свою жизнь именно с этим государством. У этого поколения россиян причастность к советскому периоду вызывает гордость. В связи с этим нам показалось интересным проанализировать идентичность советских граждан, а вернее такой важной социальной группы, как учителя, на примере одного региона – Костромского края. Оговоримся сразу, что понятие край мы используем намеренно, поскольку в начале советского государства существовала Костромская губерния, которая в 1929 году была расформирована и вошла в состав Ярославской, Ивановской, Нижегородской областей, а как самостоятельный субъект она была воссоздана лишь в 1944 г. Указом Президиума Верховного совета СССР [10: 43–44].

Изучение советской идентичности в данный период тема новая и практически не исследованная, поскольку изменения, происходившие за этот большой, с точки зрения времени, отрезок огромные: Революция, Гражданская война, НЭП, индустриализация, коллективизации, внедрение Всеобуча, годы Великой Отечественной войны, освоение космического пространства и многое другое, все это оказывало влияние на сознание советских граждан, их образ и внутренний мир, нравственные нормы и ценности; общественные изменения сказывались и на самих жителях СССР.

Учителя – это социально-профессиональная группа, занимающаяся в основном интеллектуальным трудом, направленным на подготовку и воспитание подрастающего поколения. Перед молодой властью Советской России после Революции 1917 г. и Гражданской войны остро встал, в первую очередь, кадровый вопрос в отношении учителей. За эти годы в результате Гражданской войны, интервенции, эмиграции за пределы бывшей Российской империи, погибло или покинуло страну немалое количество учителей, боявшихся преследований и гонений со стороны большевистской власти. По статистическим данным в Советской России в 1922 году насчитывалось 500 тысяч учителей. По данным Всесоюзной школьной переписи на 15 декабря 1927 года основная масса просвещенцев проживала в сельской местности (65,9%) и имело среднее образование (82,1%) [11: IX–X]. В Костромской губернии в 1917 году по данным отдела народного образования насчитывалось всего 1891 учителей. Из них в школах I ступени преподавало 1196, школах семилетках – 368, девятилетках – 327 преподавателей [12: 2]. В то время существовала двухуровневая система образования: школы I ступени по сути были школами начального обучения, а вот во II ступени уже преподавательский состав был более квалифицированным [13]. Главной характеристикой того времени было то, что квалификация учителей была достаточно низкой. Нам попадались такие заметки в газетах того времени как: «Учительница русского языка написала диктант и даже в слове “диктант” была допущена ошибка», «они (учителя – Н.Б.) являлись выпускниками различных педкурсов, также на учительскую работу брали и выпускников школ, не имевших педагогического образования и других лиц, никогда прежде в школах не преподававших [14].

В начале советского периода большинство учителей проживало в сельской местности. По архивным материалам и данным различных отчетов того времени доля сельских учителей достигала 65%. К концу советской власти кадровый состав учителей насчитывал уже почти 9 тыс. чел., причем практически все учителя имели высшее или среднее профессиональное образование, а 70% из них проживало в го-

родах и городских поселениях. Таким образом, как мы видим, учителя превратились из сельских жителей с низким уровнем образования в горожан с хорошей квалификацией, а отсюда трансформировался и стиль в одежде, и мышление, да и в целом их образ жизни. Теперь же хотелось бы более подробно остановиться на том, как происходила эта трансформация. Педагоги в СССР были не только носителями наний, но и проводниками коммунистической идеологии, на которых возлагалась ответственность за воспитание нового общества. Именно поэтому создание политически благонадежного учителя, опоры советской власти в школе, была одной из приоритетных задач правительства.

Вся идеологическая политика СССР с самого начала его существования была направлена на создание коммунистического учительства, с четким атеистическим и материалистическим мировоззрением. Православное христианство имело прочные корни, подавляющее большинство русских, белорусов и украинцев придерживались этой веры. В Костроме также прочные устои имела и другая ветвь православного христианства – старообрядческая община, этой веры придерживалось около 9% от общего числа местного населения. В 1925 году вышла директивная установка об активизации работы учителей по «безрелигиозному воспитанию». Учителя должны были более активно распространять материалистические взгляды среди населения путем организации уголков безбожников и массовых чтений докладов на антирелигиозные темы [15]. В виду вышеперечисленных фактов, характеризовать учительскую группу по конфессиональному признаку практически невозможно, так как материалы архивов и других источников не классифицируют учителей по принадлежности к определенным конфессиям.

Прямых свидетельств о приверженности учителей к той или иной религии крайне мало. Однако, в постановлениях местных РОНО или приговорах народного суда встречаются случаи посещения отдельными учителями церкви, особенно в годы Великой Отечественной войны, когда наблюдается заметный рост религиозного самосознания среди населения. Отдельные исследователи отмечают, что некоторые учителя даже водили детей в церковь на службу [16]. Местные РОНО продолжали активно бороться с подобными настроениями у учителей: сначала им делался строгий выговор, а при повторном нарушении учителя могли уволить [17].

Однако из проведенного нами эмпирического исследования и личных бесед с учителями можно сказать, что большинство учителей по своему мировоззрению были атеистами. Тем не менее, на вопрос о совершении религиозных обрядов («крещение» детей и др.) все респонденты ответили утвердительно. Причем крестили своих детей всегда тайно, часто в соседних областях или на дому, чтобы местные органы власти не смогли проследить. Так, например, одна учительница русского языка и литературы: «Боясь гонений со стороны администрации школы, я сыновей и внуку крестила дома» [18]. Напряженность в религиозном вопросе сохранялась до 1988 года, когда в СССР произошла политическая и идеологическая либерализация.

Не избежали чистки и учителя в самые сложные годы советской жизни. Учитель Островского района Костромской области в 1930-е годы П.С. Варенцов вспоминает: «На преподавание истории в 1933 году к нам был прислан Дмитрий Николаевич Воробей, которых был в ссылке, как “троцкист”. Работал он добросовестно, обладая глубокими знаниями, но был репрессирован второй раз за “антисоветские высказывания”. Выступая на одной из учительских конференций, сказал, что не все дети у

нас могут хорошо учиться, тем более деревенские, которые многого не видят и не знают того, что знают городские дети. В этих словах кто-то увидел намек на классовое превосходство одних над другими и Д.Н. Воробей был репрессирован повторно. От профсоюза он получил очень хорошую характеристику и за это едва не “погорел” председатель профсоюза. Его вызвали в НКВД города Иваново, однако все обошлось на тот раз» [19: 34]. Большое внимание уделялось тому, чтобы среди учителей росло число членов партии, ведь именно на них должно было опираться советское правительство. Материалы обследования показали, что среди учителей был страх перед партией и ее политикой. Обвинения в антисоветской направленности были не всегда беспочвенными. Учителяство находилось в крайне затруднительном материальном положении, а заработная плата в районах по-прежнему была в натуральных продуктах. С одной стороны, следовали директивные указания партии об общественной работе и проведении коллективизации. С другой – борьба и искоренение «кулаческих элементов» означало для учителей голод. Об этом свидетельствуют и воспоминания учителей: «Вследствие задержки заработной платы учителяство вынуждено обращаться к зажиточной части деревни за покупкой продуктов в кредит» [20]. Активная поддержка и агитация за вступление в колхоз оборачивалось для учителей враждебностью со стороны зажиточных крестьян. «Учителям-общественникам бросают камни в окна, жгут учительский корм для скота, сараи, травят, преследуют, добиваются перевода, увольнений, расклеивают анонимки с призывом к убийству, покушаются, а иногда и убивают учителей» [20].

Акты Межевского отдела РОНО свидетельствуют о том, что проверки инспекторов выявляли иногда грубые нарушения со стороны учителей. Например, в Палкинской НСШ было выявлено применение физической силы по отношению к ученикам со стороны учительницы, инспектор сделал строгий выговор, объяснил права и обязанности учительнице, а соответствующий пример «зачитали» во всех школах района. Кроме того, учителям рекомендовали делать письменные конспекты уроков, при помощи которых инспектором разбирались и анализировались ошибки. Учителям рекомендовалось завести свой «дневник учителя», в который бы они заносили свои личные замечания, а ошибки учитывали в дальнейшей деятельности [21]. Причем подобная картина была характерна до конца советского периода и «за не здоровый уклон» в своих предложениях учителям, в лучшем случае, грозило увольнение.

Подтверждением отрицательного образа инспектора стал учительский фольклор. Вот наиболее яркие частушки 1920–1930-х годов.

Кому не лень, все нас ругают, Мечут молнии на нас...

Чтоб вас судорогой свело,
ВИК, инспектор, УОНО... [22].

Как мы видим, контроль за учителями был очень сильный и жесткий. Любая провинность могла стать поводом для лишения премии, наград, а иногда и увольнения или в еще более плохих случаях учителя могли просто репрессировать. Все это сильно сказывалось на моральном самочувствии педагогов.

В советские годы учителя должны были обязательно участвовать в общественной работе, многие из них были лекторами, агитаторами, участвовали в избирательных кампаниях. Особенно тяжело было в начале формирования советской власти. Местное население было неграмотным, большинство не умело писать и читать, особен-

но низкий уровень грамотности был среди крестьянок и убедить родителей отдать девочку в школу, было зачастую невозможно: «Нам бы парней воспитать, а девке грамота во вред!» [18]. В деревнях тогда не то, чтобы радиоточек, но и газет было мало, да и пользы от последних было немного. Многим учителям приходилось после работы в две смены, ехать на лыжах в соседние деревни (3-4 км) и выступать с докладами на различные «просветительные» темы: «Революция и быт», «Суть религии и революции», «Почему нет Бога» и пр. [18]. Причем крестьян зачастую сгоняли на такие доклады, им также приходилось тратить личное время, которое было необходимо для ведения подсобного хозяйства, ведь до 1966 года крестьяне вынуждены были работать за трудодни в колхозах. Чтобы выручить хоть какие-то наличные деньги многие из них торговали в городе молоком, мясом и другими продуктами. На них покупали мыло, спички, керосин и ткань для пошива одежды [18]. Крестьяне от нужды приходили к учителям и брали в долг. Одна респондентка вспоминала, что у нее была специальная тетрадоочка, где были записаны должники.

«Многие брали даже на лекарства в аптеке, а потом не могли отдать, потому что денег наличных было взять просто негде, но мы с мужем и не спрашивали» [18]. Таким образом, учитель в советское время – это ответственный и надежный работник партии, атеист, с четким коммунистическим мировоззрением. Вместе с тем, более подробный анализ и личные беседы с учителями, особенно старшего поколения, молодость которых проходила 1940-е годы, подтверждают иное. Никто из них особо не уделял внимание антирелигиозной пропаганде, с пониманием относился к отсутствию желания у крестьян слушать их доклады, да и в целом приходилось «быть лояльными». «А как иначе, если ты идешь к старообрядцам! Они все пережили... И уж если не причесывают детей в среду и пятницу, тут хоть что хочешь делай, но не будут... Приходилось только упрашивать, говорить, что накажут... А многих учителей уважали, не обижали, поскольку знали каково это, быть властью обиженным незаслуженно» [18]. В целом по воспоминаниям учителя не жаловались на свою дополнительную нагрузку, все это воспринималось как само собой разумеющееся. «Мы работали и не задумывались, что можно как-то иначе работать, без дополнительной общественной нагрузки. Тогда идеология была такая: все работали, все уставали, и никто не жаловался, потому что мы строили новое общество, лучшее для наших детей и внуков! А самое лучшее, что мы свято верили не в Бога, а в этот постулат!» [18]. Одним из примечательных профессиональных характеристик того времени – воспоминания, которые хранятся в Архиве Костромской области: «учителям часто приходилось выезжать в районы на перевыборы низовых профорганов во всякую погоду, по бездорожью, да еще в поисках транспорта (вьюжная дорога до Сусанино: 6 км бежали за санями, ехали еще 6 км, а потом снова бежали, ночевали в прокуренной чайной, где было ужасно холодно, чуть свет снова в путь), “да путь в 60 км был мучительным, но жаловаться нельзя нам, надо работать!”». Нагрузка была очень большой!» [15: 27].

Объем и уровень должностных обязанностей сохранялся до распада СССР, каждый учитель выполнял общественные поручения, которые были обязательными: ходили агитаторами по домам, общественное дежурство, организовывали предвыборную кампанию, «бегали по домам», зазывая на участки голосовать, организовывали лекции, доклады, сбор макулатуры, избы-читальни, показы кино. Снижение общественной нагрузки на учителей к 1980-м годам было вызвано ростом и разви-

тием комсомола и пионерии, партии и других общественных организаций, которые смогли взять на себя нагрузку учителей. В 1980-е годы по мере нарастания дефицитов, эти идеологические кампании все более приобретали декларативный характер и мало кого убеждали, да и сами учителя стали воспринимать их как обузу. Вместе с тем отношение к этим обязанностям было уже скорее скептическое, нежели, как в 1920-е годы воодушевленное. По комментариям учителей «нам просто деваться было некуда, иногда делали по инерции».

Педагогическая нагрузка тоже постепенно снижалась. Количество учеников в классах не превышало 45 чел., тогда как в 1920-е годы в одном классе могли уместиться 90 чел. Оснащение материалами и пособиями учителей в конце советского периода было хорошее. Каждый учитель получал все необходимые методические материалы, имел возможность выписывать дополнительную литературу и проходить курсы повышения квалификации, чего нельзя сказать о периоде до середины 1950-х годов. Учителя ютились в избах, писали на земле или снеге, самостоятельно изготавливали чернила, а о чистой бумаге и тетрадках приходилось лишь мечтать, писали на газетах между строчек.

Источники и литература

1. Брубейкер Р. *Этничность без групп*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
2. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008.
3. Федотова Н. Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики // *Знание. Понимание. Умение*, 2013. № 2. С. 52–62.
4. Коньков Д.С. Нужна ли идентичность истории: к критике концепции идентичности // *Вестник Томского государственного университета*, 2016. № 409. С. 79–84. DOI: 10.17223/15617793/409/12. С. 79–84.
5. Давыдов Д. Социальная идентичность: теория рационального выбора как альтернативный подход к концептуализации // *Социологическое обозрение*, 2012. Т. 11. № 2. С. 131–142.
6. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // *Социологический журнал*, 2008. № 3. С. 46.
7. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 61.
8. Филиппова Е.И. *Территории и идентичности современной Франции*. М.: ФГНУ «Росинформатех», 2010. 300 с.
9. *Полевые материалы автора. Опросы на тему «Идентичность» во Владимирской и Костромской областях 2018 года*. Кострома, Владимир, 2018.
10. *Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. июль 1956 г.* / под ред. к.ю.н. Мандельштам Ю. И. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956.
11. *Народное просвещение в РСФСР*. М.; Л., 1927. С. 25;
12. *Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 года*. Т.1. Часть III. М., 1930.
13. *Просвещение в Костромской губернии. Краткий отчет Губернского отдела народного образования к X-й годовщине Октябрьской революции*. Кострома. 1927.
14. *Отчет губернского исполнительного комитета за 1923 год*. Кострома. 1924.
15. *Народное образование по основному обследованию 1920 г. (1920–1921 учебный год)*. М., 1922.
16. ГАКО. Ф. Р-550. Оп.1. Д. 23. Л. 25.
17. Малхасян Н.В. Кадровая политика советского правительства в области народного образования в годы Великой Отечественной войны // *Ярославский педагогический вестник*.

Ярославль, 2010. № 3. С. 295–297.

18. ГАНИКО. Ф. 1006. Оп. 2. Д. 4. Лл. 17–19.
19. Личный архив автора. Кострома, 2011.
20. Варенцов П.С. *Летопись островской средней школы*. Островское, Костромская область. 2009. Л. 34.
21. *Народное просвещение*, 1929. № 8–9. С. 106.
22. ГАНИКО. Ф. Р- 403. Оп. 2л. Д. 1. Л. 3.
23. Лысяков П. Из груди учительских стихов // *Народный учитель*, 1927. №7–8.

References

1. Brubeiker R. *Etnichnost' bez grupp*. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. (In Russ.). [Brubaker R. *Ethnicity without groups*. Moscow: publishing house of Higher school of Economics, 2012].
2. Bauman Z. *Tekuchaia sovremennost'*. SPb.: Piter, 2008. (In Russ.). [Bauman Z. *liquid modernity*. Saint-Petersburg: Peter, 2008].
3. Fedotova N.N. Kontseptsii identichnosti v usloviakh nelineinoi sotsiokul'turnoi dinamiki. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2013. No. 2. Pp. 52–62. Fedotova N.N. Concepts of identity in the conditions of nonlinear socio-cultural dynamics. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2013. No. 2. Pp. 52–62.
4. Konkov D.S. Nuzhna li identichnost' istorii: k kritike kontseptsii identichnosti. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016. No. 409. Pp. 79–84. DOI: 10.17223/15617793/409/12. (In Russ.). [Konkov D.S. Do you Need the identity of history: the criticism of the concept of identity. *Bulletin of the Tomsk state University*, 2016. No. 409. Pp. 79–84. DOI: 10.17223/15617793/409/12.].
5. Davydov D. Sotsial'naia identichnost': teoriia ratsional'nogo vybora kak al'ternativnyi podkhod k kontseptualizatsii. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2012. Vol. 11. No. 2. Pp. 131–142. (In Russ.). [Davydov D. Social identity: rational choice theory as an alternative approach to conceptualization. *Sociological review*, 2012. Vol. 11. No. 2. P. 131–142].
6. Simonova O.A. K formirovaniu sotsiologii identichnosti. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2008. No. 3. Pp. 46. (in Russ.). [Simonova O. to the formation of the sociology of identity. *Sociological journal*, 2008. No. 3. P. 46].
7. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* / Otв. red. I.S. Semenenko / IMEMO RAN. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2017. Pp. 61. (In Russ.). [Identity: Personality, society, politics. *Encyclopedia*. I.S. Semenenko (ed.). Moscow: Publishing House «The Whole World», 2017].
8. Filippova E.I. *Territorii i identichnosti sovremennoi France*. Moscow: FGNU «Rosinformagrotekh», 2010. 300 p. [Filippova, E. I., *Territory and identity of modern France*. M: FGNU «Rosinformagrotekh», 2010. 300 p.].
9. *Polevye materialy avtora. Oprosy na temu "Identichnost" vo Vladimirskoi i Kostromskoi oblastiakh 2018 goda*. Kostroma, Vladimir, 2018. (In Russ.). [Field materials of the author. Polls on «Identity» in the Vladimir and Kostroma regions in 2018. Kostroma, Vladimir, 2018].
10. *Sbornik zakonov USSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. iul' 1956 g.* Yu. I. Mandel'shtam (ed.). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo iuridicheskoi literatury, 1956. (In Russ.). [Collection of laws of the USSR and decrees of Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 July 1956. Y.I. Mandelstam (ed.). Moscow: State publishing house of legal literature, 1956].
11. *Narodnoe prosveshchenie v RSFSR*. Moscow; Leningrad, 1927. Pp. 25. (in Russ.). *Public education in the RSFSR*. Moscow; Leningrad, 1927. P. 25;
12. *Vsesoiuznaia shkol'naia perepis' 15 dekabria 1927 goda*. Moscow, 1930. Vol.1. Part III. (in Russ.). [All-Union school census December 15, 1927. Vol.1. Part III. Moscow, 1930].

13. *Prosveshchenie v Kostromskoi gubernii. Kratkii otchet Gubernskogo otдела narodnogo obrazovaniia k Kh-i godovshchine Oktiabr'skoi revoliutsii*. Kostroma, 1927. (In Russ.). [Education in the Kostroma province. A brief report of the Provincial Department of public education to the X-th anniversary of the October revolution. Kostroma, 1927].
14. *Otchet gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta za 1923 god*. Kostroma, 1924. (In Russ.). [Report of the provincial Executive Committee for 1923. Kostroma, 1924].
15. *Narodnoe obrazovanie po osnovnomu obsledovaniuu 1920 god (1920–1921 uchebnyi god)*. Moscow, 1922. (In Russ.). [National education on the basic inspection of 1920 (1920–1921 academic year). Moscow, 1922].
16. GAKO. P-550. Opis 1. Delo 23. List 25.
17. Malkhasian N.V. Kadrovaia politika sovetskogo pravitel'stva v oblasti narodnogo obrazovaniia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. Yaroslavl, 2010. No. 3. Pp. 295–297. (In Russ.). [Malkhasyan N. In. Personnel policy of the Soviet government in the field of public education during the great Patriotic war. *Yaroslavl pedagogical Bulletin*. Yaroslavl, 2010. No. 3. Pp. 295–297].
18. GANIKO. 1006. Opis. 2. Delo 4. List. 17-19.
19. *Lichnyi arkhiv avtora*. Kostroma, 2011. (In Russ.). *Personal archive of the author*. Kostroma, 2011.
20. Varentsov P.S. Letopis' ostrovskoi srednei shkoly. Ostrovskoe, Kostromskaia oblast'. 2009. L. 34. (Varentsov P.S. *Chronicle of Ostrovsky high school*. Ostrovsky, Kostroma region. 2009. L. 34.)
21. *Narodnoe prosveshchenie*, 1929. No. 8–9. Pp. 106. (In Russ.). [Public education, 1929. No. 8–9. P. 106].
22. GANIKO. P - 403. Opis 2n. Delo 1. List 3.
23. Lysiakov P. Iz grudy uchitel'skikh. *Narodnyi uchitel'*, 1927. No. 7–8. (In Russ.). Lysyakov P. From a pile of teacher's poems. *People's teacher*, 1927. No. 7–8.

N.A. Belova. Professional identity of the Soviet teacher (part I)

The article deals with the professional identity of the Soviet man, on the example of teachers, as a socio-professional group. What is the role of professional identity in the Soviet Union and what has taken place the teacher in one of the most powerful superpowers of the last century. Analysis and study of category transformation "identity" in the minds of ordinary citizens. The dynamics of the image from the most prestigious profession to the most unpopular. Features of political pressure on this social group, the influence of the party on teaching methods and the way of life of teachers and how this dictate has changed throughout the period, and most importantly, how has the attitude of teachers to this phenomenon.

Key words: *identity, the Soviet teacher, the transformation of the Soviet Union, everyday life.*

© Ю.Н. Феденко, Д.А. Дронова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНВАЛИДНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ г. КАЗАНИ)

Статья основана на результатах эмпирического исследования, посвященного восприятию инвалидности современной молодежью. Среди студентов г. Казань было проведено анкетирование, которое показало, что на отношение к инвалидности как к биолого-социальному феномену влияют такие факторы как пол и возраст респондентов, личностный и социальный опыт, полученные в раннем возрасте, а также ряд психологических черт личности. Результаты исследования показали, что необходимо проводить целенаправленную социальную политику, включающую контакты с инвалидами (например, в культурных и досуговых учреждениях) в раннем возрасте. В дальнейшем это может служить, помимо воспитания толерантного отношения к «инаковости».

Ключевые слова: инвалидность, стереотипы о причинах инвалидности, помощь инвалидам, социально-психологическая дистанция, российские студенты.

Введение

Известно, что внешние параметры человеческого тела оказывают существенное влияние на наше восприятие окружающих, а склонность судить о людях по их внешнему виду глубоко укоренена в природе человека. Одного взгляда бывает достаточно, чтобы сложилось впечатление о человеке, о его характере, а формирование этого мнения настолько быстро и сильно, что человек не может повлиять на него [1]. При этом человек старается избегать контактов с посторонними и ощущает дискомфорт от общения с сильно отличающимися от него по своим внешним данным или поведению людьми [2].

Всемирная программа действий в отношении инвалидов, принятая резолюцией 37/52 03 декабря 1982 г. Всемирной организацией здравоохранения, определяет инвалидность как любое ограничение или отсутствие способности осуществлять ту или иную деятельность, таким образом, или в таких рамках, которые считаются нормальными для человека [3].

Словом «стигма» в древние и средние века обозначали клеймо раба или преступника, подчеркивающее их позор. В последние десятилетия понятие стигмы стало использоваться в медицине в тех случаях, когда хотят подчеркнуть последствия определенного диагноза, а также характерные особенности, связанные с этими последствиями, которые способствуют порождению в обществе предубеждения

Феденко Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: fedenok@list.ru;

Дронова Дарья Алексеевна – младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: dariadronova@yandex.ru

против этих пациентов [4]. И. Гоффман – один из первых исследователей стигмы в области психиатрии, писал, что стигма – это обращение к признаку с намерением выставить напоказ что-то плохое о моральном состоянии лица, имеющего этот знак, и таким образом оправдать враждебность, базирующуюся на этом отличии [5].

Когда говорят о стигматизации инвалидов, имеют в виду следующие три основные понятия: стигма, предубеждение и дискриминация [4]. Предубеждение является позицией, отражающей готовность людей действовать позитивным или негативным путем в отношении объекта предвзятости без исследования того, имеются ли какие-либо основания для подобного поведения. Дискриминация является особо негативным последствием стигмы и предубеждения. Стигматизация проявляется со стороны общества по отношению к лицам, страдающим каким-либо расстройством, со стороны врачей к своим пациентам, а также со стороны пациентов по отношению к самим себе (так называемая самостигматизация). Исследователи проблемы отмечают и существование «стигматизации вежливости», которая исходит от посторонних людей, испытывающих чувство жалости к индивиду [6].

Рост числа случаев отстранения инвалидов от участия в жизни общества вызван, в том числе, навязыванием клейма ущербности, дискриминации и неправильным представлением об инвалидности [7]. Известно, что во многих культурах представление о физических дефектах понималось как наказание за грехи или как знак овладения злыми духами, что выражалось в соответствующем отношении окружающих, вплоть до изгнания из общества и гомицида [8]. От стигматизации страдают не только сами больные, но и их родственники, что проявляется в социальной изоляции семьи больного, в различных видах дискриминации, а в некоторых случаях и желании скрыть сам факт наличия в семье инвалида [9].

Известно, что люди, общаясь с инвалидами (калеками, эпилептиками, людьми, имеющими шрамы или родимые пятна на лице), изначально придерживаются большей дистанции общения [10]. При этом часто люди с физическими недостатками ожидают, что другие люди будут вести себя с ними отстраненно, и готовятся к таким реакциям, тем самым увеличивая вероятность подобного поведения собеседника. Группа исследователей, применив эволюционный анализ, показала, что боязнь заразиться каким-либо инфекционным заболеванием провоцирует уклонение от общения, а чаще избегание лиц с физическими дефектами [11].

Люди, имеющие инвалидность нередко лишены возможности полного участия в общественной и культурной деятельности из-за физических и социальных барьеров, которые возникают в результате незнания, безразличия или страха окружающих [12]. Под такой дискриминацией подразумевается, что отдельные люди либо группы людей в сообществе лишают других прав или помощи в связи со стигмой и предвзятым отношением [4]. К примеру, социально-психологическая дистанция между здоровыми людьми и людьми, имеющими инвалидность, приводит к тому, что последние зачастую лишены возможности вступать в брак и иметь детей.

При этом социальная политика, проводимая государством, имеет решающее значение в формировании отношения граждан к людям с ограниченными возможностями и стигматизации последних. Исследования показывают, что существует множество моделей общественного отношения к людям с особым физическим статусом, причем как в истории культуры и социальной политики различных стран, так и в одном отдельно взятом государстве [13]. Вопреки российской законодательной парадигме и в отличие

от ряда стран Запада, в которых воспринимают инвалидов как равноправных, но имеющих особые нужды, членов общества, в России до сих пор государственная политика в отношении инвалидов построена на приоритете сегрегации [14], а между здоровыми людьми и инвалидами сохраняется довольно большая социальная дистанция.

Объект и методы исследования

Целью данного исследования являлось выявление у российской молодежи социальных стереотипов и измерение социально-психологической дистанции по отношению к людям, имеющим инвалидность. В 2015 году нами был проведен опрос студентов г. Казани – в Казанском (Приволжский) федеральном университете и в Казанском национальном исследовательском технологическом университете. Всего в опросе приняло 159 студентов в возрасте от 17 до 22 лет. Из них 42 юношей и 115 девушек, 2 человека не указали в анкете свой пол. Этническая принадлежность респондентов по самоопределению распределилась следующим образом: 114 татар, 30 русских, 3 башкира, 3 потомка от смешанных браков татар с русскими, 2 чуваша, 1 армянин, 1 узбек, 1 мариец, 1 еврей и 3 человека не указали свою национальность. 112 респондентов отметили, что исповедуют ислам, 26 респондентов – православие, 2 человека – буддизм, а 1 – иудаизм. У 19% респондентов имеются хронические заболевания, у 2% – инвалидность. Среди знакомых респондентов инвалиды есть у 24% юношей и 30% девушек, а среди их друзей – у 9% и 11% соответственно. Среди коллег таких людей отметили только 3% девушек, а среди сокурсников 5% юношей и 4% девушек.

При проведении исследования мы использовали разработанную нами анкету с вопросами закрытого и полужакрытого типа, сгруппированными по нескольким темам. Первый блок включал вопросы, нацеленные на выявление представлений о причинах инвалидности. Второй блок нацелен на выявление аспектов, связанных с помощью людям с ограниченными возможностями. Третий блок вопросов служил измерению социально-психологической дистанции студентов по отношению к инвалидам. Также все респонденты заполнили международный психологический опросник А. Басса и М. Перри по самооценке агрессивного поведения, состоящий из четырех шкал: шкалы физической и вербальной агрессии (инструментальный компонент агрессивного поведения человека), гнев (эмоциональный компонент) и враждебность (когнитивный компонент) [15].

Полученные данные были обработаны статистическими методами с помощью программы SPSS-22.

Представление о причинах инвалидности

Для выявления представлений о факторах, приводящих к инвалидизации, респондентам был задан вопрос «В чем причина инвалидности?». Ответы на него распределились следующим образом – одинаковое количество юношей и девушек (83% и 82% соответственно) считают, что инвалидность детерминирована генами человека. Почти все респонденты отметили, что инвалидность обусловлена врожденными заболеваниями (93% юношей и 91% девушек). Также девушки, имеющие высокие баллы по физической ($F=2,048$; $N=108$, $p=,018$) и вербальной агрессии ($F=2,434$; $N=108$, $p=,005$), чаще считают причиной инвалидности врожденные заболевания. А из юношей чаще причину инвалидизации из-за врожденных заболеваний видят те, у кого высокие баллы по гневу ($F=5,826$; $N=40$, $p=,000$) и вербальной агрессии ($F=3,850$; $N=40$, $p=,002$). Несколько

меньше студентов указали причиной наступления инвалидности хронические заболевания – 83% юношей и только 66% девушек. То, что несчастные случаи могут быть причиной инвалидности, было отмечено 95% юношей и 89% девушек. Интересно и то, что девушки с высокой самооценкой по шкале физической агрессии также отмечают этот фактор чаще ($F=1,844$, $df=106$, $p=,034$). Последнее может быть объяснено большей драчливостью именно таких девушек (в детстве и юности), что могло приводить как к травмам среди них, так и среди их сверстников. А полученный ими жизненный опыт может говорить об опасности причинения серьезного вреда здоровью по неосторожности. Большая часть респондентов отметили, что инвалидность является тем, с чем может столкнуться каждый человек – 76% юношей и 80% девушек. Гораздо меньше респондентов верят в сверхъестественную природу ограниченных возможностей человека (грехи, кара Божья, карма, судьба и т.п.). При этом юноши верят несколько чаще, чем девушки (31% и 23% соответственно). Почти четверть респондентов отметили, что инвалидность – это необходимые трудности, посланные человеку свыше (19% юношей и 24% девушек). Только один юноша указал, что инвалидность можно получить по глупости, одна девушка указала причиной инвалидизации войну, две – экологию, а три – вредные привычки (алкоголь, наркоманию, курение).

Представление о помощи инвалидам

Второй блок вопросов был нацелен на выявление представлений студенчества о том, кто должен оказывать помощь людям с ограниченными возможностями. 90% юношей и 88% девушек согласны, что им должна помогать семья. Интересно, что имеющие высокие баллы по гневу и юноши ($F=2,738$; $N=39$, $p=,014$), и девушки ($F=2,991$; $N=102$, $p=,000$), чаще считают, что именно семья должна оказывать поддержку инвалидам. Также подавляющее большинство респондентов считают, что инвалидам должны помогать родственники (88% юношей и 81% девушек), их знакомые (64% юношей и 61% девушек), общество (69% юношей и 68% девушек) и государство (95% юношей и 96% девушек). Мнение о том, что инвалидам никто не должен помогать выразили только двое юношей и две девушки.

Кроме того мы задавали ряд вопросов о реальной помощи, которые молодые люди оказывают людям с ограниченными возможностями. Так, было выявлено, что абсолютное большинство респондентов уступают в транспорте место инвалидам (100% юношей и 99% девушек). На вопрос «Пропускаете ли Вы инвалидов в очереди» положительно ответили 95% юношей и 96% девушек. У юношей этот ответ зависит от самооценок по шкале гнев ($F=2,480$; $N=41$, $p=,021$): чем выше баллы по гневу, тем реже они пропускают инвалидов в очереди. У девушек же положительный ответ на это вопрос зависит от самооценок по шкале физической агрессии ($F=2,587$; $N=110$, $p=,002$): чем выше баллы по физической агрессии, тем реже положительный ответ.

Положительно ответили на вопрос «Помогаете ли Вы при переходе улицы» 81% юношей и 76% девушек. У юношей ответ зависит от самооценок по шкале враждебность: чем выше баллы по этой шкале, тем реже юноши готовы помогать инвалидам при переходе улицы ($F=2,115$; $N=41$, $p=,045$).

На вопрос «Помогаете ли Вы инвалиду при спуске с лестницы» положительно ответили 95% юношей и 83% девушек.

Социально-психологическая дистанция по отношению к инвалидам

Третий блок вопросов нацелен на измерение социально-психологической дистанции студентов по отношению к инвалидам. Ответы распределились следующим образом. Работать в организации, где часть сотрудников имеют инвалидность, согласны 88% юношей и 74% девушек. При этом юноши, имеющие большие самооценки по шкале враждебности, реже отмечают, что могли бы работать в таких организациях ($F=2,151$; $N=40$, $p=,044$).

А на вопрос «Должны ли люди с ограниченными возможностями работать в коллективах со здоровыми людьми» ответило утвердительно большее число респондентов, чем на предыдущий вопрос, – 93% юношей и 86% девушек. Таким образом, мы видим, что хотя студенты не уменьшают право инвалидов на труд и самореализацию, все же далеко не все согласны работать с ними в одном коллективе. При этом юноши тем охотнее согласятся с данным утверждением, чем они старше ($F=4,067$; $N=41$, $p=,005$). Также чаще считают, что в плане работы у инвалидов не должно быть дискриминации, юноши, имеющие высокие баллы по шкале вербальной агрессии ($F=2,081$; $N=41$, $p=,051$).

Всего 76% юношей и 68% девушек согласны с тем, что дети-инвалиды должны учиться в общем классе. У юношей согласие с этим, зависит от высоких баллов по шкале вербальная агрессия ($F=3,473$; $N=41$, $p=,003$).

Водить своих будущих детей в детский сад, где часть воспитанников инвалиды, согласны еще меньшее количество студентов – только 60% юношей и 59% девушек. У юношей, чем выше самооценки по шкале гнев, тем меньше они готовы отдавать своих детей в подобные дошкольные учреждения ($F=3,424$; $N=40$, $p=,003$).

Отдыхать в санатории или на курорте, где часть отдыхающих будут инвалиды, согласны 79% юношей и 68% девушек. При этом ходить на концерты, где часть артистов инвалиды, готовы 76% юношей и 81% девушек.

По мнению почти всех респондентов (97% обоего пола) инвалиды могут заниматься спортом. При этом у девушек положительный ответ связан с высокими баллами по самооценке враждебности ($F=5,431$; $N=111$, $p=,000$).

Работать сотрудником в организациях, оказывающих помощь инвалидам, например, в благотворительной организации, социальных службах или образовательных учреждениях, готовы 63% юношей и 83% девушек. У девушек это согласие связано с таким параметром как физическая агрессия – чем выше самооценки по этому психологическому параметру, тем меньше студентки готовы работать в подобных организациях ($F=1,726$; $N=109$, $p=,052$).

На вопрос «Будут ли инвалиды в обществе ущемлять права других людей» подавляющая часть респондентов ответили, что нет, не будут (88% юношей и 90% девушек). У девушек положительный ответ на этот вопрос связан с высокими баллами по самооценке вербальной агрессии ($F=4,375$; $N=106$, $p=,000$). Только 17% юношей и 10% девушек считают, что инвалиды будут мешать окружающим.

На вопрос «Будут ли инвалиды вызывать дискомфорт у окружающих» положительно ответили 43% юношей и 36% девушек.

То, что инвалиды будут привлекать внимание окружающих положительно ответили 86% юношей и 72% девушек. У девушек этот ответ зависит от их возраста ($F=3,098$; $N=109$, $p=,019$). Известно, что у женщин с возрастом увеличивается уровень эмпатии. По всей видимости, с этим и связано то, что старшие девушки больше обращают внимание на окружающих, в том числе на слабых людей, которым нужна помощь.

На вопрос «Будут ли инвалиды вызывать неприязнь» положительно ответили примерно четверть респондентов (29% юношей и 19% девушек). У девушек утвердительный ответ связан с высокими баллами по самооценке вербальной агрессии ($F=1,951$; $N=109$, $p=,027$). 88% юношей и 82% девушек отметили, что инвалиды в общественном месте будут вызывать сочувствие и желание помочь.

С тем, что люди с ограниченными возможностями могут заводить семью согласны почти все респонденты – 93% юношей и 97% девушек. При этом положительный ответ у юношей скоррелирован с наличием высоких баллов по самооценке гнев ($F=2,101$; $N=41$, $p=,048$) и физической агрессии ($F=3,832$; $N=41$, $p=,001$).

Большая часть студентов согласилась с тем, что инвалиды могут рожать детей (86% юношей и 83% девушек). При этом девушки тем охотнее согласятся с данным утверждением, чем они старше ($F=2,846$; $N=109$, $p=,028$) и чем выше баллы по самооценке гнев ($F=1,934$; $N=108$, $p=,022$).

С тем, что инвалиды могут посещать общественные места согласны почти абсолютное большинство студентов 98% юношей и 98% девушек.

На вопрос «Могут ли инвалиды голосовать» только один юноша и две девушки отметили, что инвалиды не должны этого делать. Положительный ответ у девушек связан с высокими баллами по самооценке враждебности ($F=6,884$; $N=111$, $p=,000$). А вот с тем, что они могут занимать руководящие должности согласны 57% юношей и 72% девушек. На вопрос могут ли инвалиды выдвигать свою кандидатуру в депутаты или президенты страны положительно ответила половина респондентов: 55% юношей и 56% девушек. У девушек положительный ответ связан с высокими баллы по самооценке физической агрессии ($F=2,136$; $N=101$, $p=,012$).

На вопрос «Пригласили бы Вы инвалида на свой день рождения» ответы сильно зависели от близости отношений респондентов с приглашаемым. Так друга, имеющего инвалидность, готовы пригласить 98% юношей и 96% девушек. При этом у девушек положительный ответ зависит от высоких баллов по самооценки по физической агрессии ($F=1,733$; $N=111$, $p=,050$) и враждебности ($F=7,924$; $N=111$, $p=,000$). Знакомого инвалида пригласили бы 71% юношей и 62% девушек. Девушки чаще дают положительный ответ на этот вопрос в том случае, если у них есть знакомый с инвалидностью ($F=13,389$; $N=101$, $p=,000$). Коллегу с инвалидностью также готовы пригласить 74% юношей и 70% девушек. Сокурсника, имеющего инвалидность, готовы позвать на свой день рождения 69% респондентов обоего пола.

Последний вопрос, который мы задали нашим инвалидом звучал так – «Считаете ли Вы, что инвалид может быть счастливым». Половина юношей (50%) считает, что да, инвалиды могут быть счастливыми, чуть меньше (40%) выбрали вариант ответа «скорее да», а оставшиеся (10%) отметили – «скорее нет». Три четверти девушек (70%) уверенно считает, что да, инвалиды могут быть счастливы, четверть девушек (26%) отметили вариант «скорее да», и только 4% выбрали вариант «скорее нет».

Заключение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в современном российском обществе необходим сдвиг в общественном сознании в сторону восприятия инвалидов не как «особых», «других», уязвимых и обездоленных, а как равных, но нуждающихся для полного развития и реализации в особых условиях, которые обя-

зано обеспечить общество. Для того чтобы проводить социальную политику, направленную на улучшение понимания нужд и потребностей людей с инвалидностью, а также на снижение негативного отношения и увеличения уровня толерантности, необходимо знать социально-психологические установки россиян по отношению к людям с ограниченными возможностями. При этом на наш взгляд, необходимо учитывать возрастные, этнические, религиозные, а также психологические особенности групп населения, и адаптировать под них социальную рекламу.

Наше исследование показало, что в целом казанские студенты имеют достаточно правильное представление о причинах инвалидизации человека (генетические заболевания, врожденные и хронические болезни, несчастные случаи). Подавляющая часть респондентов справедливо отмечает, что инвалидность – это «то, с чем может столкнуться каждый», а вот в сверхъестественные объяснения ищут около четверти респондентов.

Наше исследование подтвердило более ранние данные о том, что наиболее распространенный образ человека с ограниченными возможностями – это человек в инвалидной коляске [16]. На наш взгляд, этот образ имеет эволюционные корни и связан как с возможными увечьями вследствие травм (падения с высоты, нападения хищника и т.п.), так и с инфекционными заболеваниями (полиомиелит и т.п.).

Практически все респонденты отметили, что помощь инвалидам должно оказывать как государство, так и общество в целом. Особую роль в поддержке людям с инвалидностью студенты отводят семье и родственникам. Больше половины респондентов, отметили, что и знакомые не должны оставлять инвалидов без своего внимания. Интересно, что представления о том, кто же должен оказывать помощь людям с ограниченными возможностями, зависят от социального или личного опыта респондентов – студенты имеющие инвалидность или близко знакомые с инвалидами, хорошо понимают те трудности, с которыми сталкиваются инвалиды, и чаще отмечают, что ни государство, ни общество, ни родные и близкие не должны оставлять человека без помощи.

Реальная физическая помощь, которую студенты оказывают людям с ограниченными возможностями на улице, зависит от их психологических особенностей – юноши с высокими баллами по шкалам гнев и враждебность и девушки с высокими баллами по шкале физическая агрессия реже готовы помогать инвалидам. Интересно то, что практически все респонденты говорят, что будут уступать инвалиду место в транспорте, помогать переходить улицу или оказывать помощь при спуске по лестнице. Вероятно это является наглядным результатом проводимой государством социальной политики, направленной на физическую помощь людям с ограниченными возможностями со стороны граждан в общественных учреждениях, транспорте и на улице. Наше исследование показывает, что данная государственная позиция усвоена практически всеми молодыми людьми. Соответственно, можно предположить, что при расширении государственной пропаганды в сфере помощи инвалидам и проведении грамотной социальной рекламы, можно добиться положительного эффекта и повышения уровня толерантности в сфере помощи людям с ограниченными возможностями.

Это тем более необходимо, в связи с тем, что только три четверти респондентов согласны с тем, что дети-инвалиды должны учиться в общем классе, и еще меньшее количество опрошенных отдала бы своих детей в инклюзивный детский сад. А ведь

многие исследователи отмечают, что именно совместное (инклюзивное) образование является базой для социальной интеграции инвалидов в общество [17].

Социально-психологическая дистанция респондентов по отношению к людям с ограниченными возможностями зависит пола и возраста респондентов, полученного личностного (наличие хронических болезней) и социального (знакомство с инвалидами) опыта в раннем возрасте, а также от ряда психологических особенностей. Так студенты не уменьшают право инвалидов на труд и самореализацию, однако далеко не все согласны работать с ними в одном коллективе. Интересно отметить, что по данным сходного по тематике исследования больше половины студентов готовы работать в организациях, оказывающих помощь инвалидам [18].

Результаты данного исследования демонстрируют, что три четверти респондентов готовы проводить отдых совместно с людьми, имеющими инвалидность, в том числе отдыхать в санатории или на курорте, а также посещать концерты, где часть артистов являются инвалидами. Мы предполагаем, что высоким потенциалом для интеграции лиц с ограниченными возможностями обладают культурно-досуговые учреждения и необходимо использовать данные возможности для проведения направленной социальной политики в формировании благоприятного отношения к лицам с ограниченными возможностями. То же касается и спорта, в котором никто из респондентов не умаляет ни возможностей, ни достижений инвалидов благодаря активной пропаганде Паралимпийских игр и расширению спортивных возможностей для инвалидов. Спортивные достижения людей с ограниченными возможностями широко известны, в том числе благодаря Паралимпийским играм.

Люди, имеющие инвалидность, считают, что «отношение к инвалидам в России имеет две крайности – либо жалость к убогому: «помогите, чем можете», либо убогое восхищение: «может, несмотря на...». А все, что нужно инвалидам – самореализация. Но и в этом их сдерживают» [19]. А ведь понимание того, насколько здоровые люди готовы проводить формы досуга совместно с людьми, имеющими инвалидность, особо актуально в связи с тем, что занятия творчеством обладают огромным потенциалом для самореализации и социализации последних, в том числе для преодоления социо-культурных барьеров через творческие процессы [20]. Интересно и то, что все наши респонденты согласны с тем, что люди с ограниченными возможностями могут посещать выставки, музеи, кинотеатры, театры, что подтверждает необходимость расширения культурной и творческой сферы для инвалидов.

Отрадно, что только малая часть студентов не верит, что люди, имеющие инвалидность, могут быть счастливы. В этом, на наш взгляд, есть глубокий потенциал для развития толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями со стороны общества. Следует заметить, что хотя в последние годы происходит переход от жесткого противопоставления общества и инвалида к интеграции [21], все же степень стигматизации инвалидности, в том числе собственной, выше у людей, получивших ее во взрослом возрасте. Наше исследование показало, что на отношение к инвалидности как к биолого-социальному феномену влияют такие факторы как пол, возраст, личностный и социальный опыт, полученные в раннем возрасте, а также ряд психологических черт личности. Таким образом, мы считаем, что необходимо проводить целенаправленную социальную политику, включающую контакты с инвалидами (например, в культурных и досуговых учреждениях) в достаточно раннем возрасте. В дальнейшем это может служить, помимо воспитания толерантного

отношения к «инаковости», еще и профилактикой чувства неполноценности и отчужденности при возможной инвалидизации во взрослом возрасте.

Источники и литература

1. Asch S.E. *On Expressive Language*. Worcester, 1955.
2. Бутовская М.Л. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования // *Этология человека на пороге XXI века: новые данные и старые проблемы*. М., 1999. С. 12–71.
3. Всемирная программа действий в отношении инвалидов Всемирной организации здравоохранения. *Резолюция 37/52 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1982 года*. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog2.shtml (дата обращения: 23.11.2016).
4. Гурович И.Я., Кирьянова Е.М. О программе борьбы со стигмой, связанной с шизофренией // *Социальная и клиническая психиатрия*, 1999. № 3. С. 5–8.
5. Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. N.Y., 1963.
6. Byrne P. Stigma of mental illness and ways of diminishing it // *Advances in Psychiatric Treatment*, 2000. Vol. 6. P. 65–72.
7. Носенко-Штейн Е.Э. Отношение к инвалидности среди людей с ограниченными возможностями в современной России (предварительные наблюдения) // *Человек и социум: от конкуренции к толерантности (проблемы социальной интеграции)*. Москва, 2017. С. 190–203.
8. Циткилов П.Я. *История социальной работы: учебное пособие*. Ростов на Дону: Феникс. 2008.
9. Новиков М. Присекакая Н, Котов В. *Пособие для работодателей: трудоустройство инвалидов*. М, 2004.
10. Rumsey N., Bull R., Gahagan D. 1982. The Effect of Facial Disfigurement on the Proxemic Behavior of the General Public // *Journal of Applied Social Psychology*. Vol 12, iss. 2. Pp. 137–150.
11. Park J.H., Faulkner J., Schaller M. Evolved Disease-Avoidance Processes and Contemporary Anti-Social Behavior: Prejudicial Attitudes and Avoidance of People with Physical Disabilities // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2003. Vol. 27 (2). Pp. 65–87.
12. Носенко-Штейн Е.Э. Некоторые проблемы изучения инвалидности и социокультурная антропология // *Современная антропология: новые данные, перспективы развития и методологические принципы*. Минск, 2015. С. 523–530.
13. Романов П.В., Яворская-Смирнова Е.Р. *Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России*. Саратов, 2006. 260 с.
14. Баглай В.С. Отношение общества к инвалидам: история и современность // *Общественные науки и современность*, 2007. № 3. С. 32–43.
15. Buss A. H., Perry M. P. The aggression questionnaire // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1992. Vol. 63. Pp. 452–459.
16. Olkin, R., Howson, L.J. Attitudes toward and images of physical disability // *Journal of Social Behavior and Personality*, 1994. Vol. 9. Pp. 81–96.
17. Банч Г., Валео Э. Влияние специального и инклюзивного образования на установки сверстников: практическое и теоретическое исследование // *Журнал исследований социальной политики*, 2008. № 6 (1). С. 23–52.
18. Феденок Ю.Н., Дронова Д.А. Психологические особенности студентов и их готовность к работе с инвалидами (на примере г. Казань) // *Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии* / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. С. 399–402.
19. *Инвалиды не верят, что интересуют кого-то*. Доступ: <http://www20.brinkster.com/autism/read.asp?id=6&vol=0> (дата обращения: 12.08.2018).

20. Курленкова А.С. Роль творчества в интеграции людей с ограниченными возможностями // *XI Конгресс антропологов и этнологов России. Контакты и взаимодействие культур. Сборник материалов*. Екатеринбург, 2015. С. 444.
21. Фролова А.В. Социопсихологическая адаптация людей с ограниченными возможностями в городской среде: опыт изучения молодежи Москвы // *XI Конгресс антропологов и этнологов России. Контакты и взаимодействие культур. Сборник материалов* / под ред. В.А. Тишкова, А.В. Головнёва. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 443.

References

1. Asch S. E. *On Expressive Language*. Worcester, 1955.
2. Butovskaia M.L. Etologiya cheloveka: istoriya vozniknoveniya i sovremennye problemy issledovaniya. *Etologiya cheloveka na poroge XXI veka: novye dannye i starye problemy*. Moscow, 1999. Pp. 12–71. (In Russ.). [Butovskaya M. L. human Ethology: history and modern problems of research. *Human Ethology at the threshold of the XXI century: new data and old problems*. Moscow, 1999. Pp. 12–71].
3. Vsemirnaia programma deistvii v otnoshenii invalidov Vsemirnoi organizatsii zdavookhraneniia, priniataia rezoliutsiei 37/52 General'noi Assamblei ot 3 dekabria 1982 goda. Dostup: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog2.shtml (date accessed: 23.11.2016) (In Russ.). [World programme of action concerning disabled persons of the world health organization. General Assembly resolution 37/52 of 3 December 1982. Access: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog2.shtml (date accessed: 23.11.2016)].
4. Gurovich I.Ya., Kiryanova E.M. O programme bor'by so stigmoi, svyazannoi s shizofreniei. *Sotsial'naia i klinicheskaia psikhiatriia*. 1999. No. 3. Pp. 5–8. (In Russ.). [Gurovich I.Ya., Kiryanova E.M. About the program to combat stigma associated with schizophrenia. *Social and clinical psychiatry*, 1999. No. 3. Pp. 5–8].
5. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N. Y., 1963.
6. Byrne P. Stigma of mental illness and ways of diminishing it. *Advances in Psychiatric Treatment*, 2000. Vol. 6. P. 65–72
7. Nosenko-Shtein E.E. Otnoshenie k invalidnosti sredi liudei s ogranichennymi vozmozhnostiami v sovremennoi Rossii (predvaritel'nye nabludeniia). *Chelovek i sotsium: ot konkurentsii k tolerantnosti (problemy sotsial'noi integratsii)*. Moskva, 2017. Pp. 190–203. (In Russ.). [Nosenko-Stein E. E. Attitude to disability among people with disabilities in modern Russia (preliminary observations). *Man and society: from competition to tolerance (problems of social integration)*. Moscow, 2017. Pp. 190–203].
8. Tsitkilov P.Ia. *Istoriia sotsial'noi raboty: uchebnoe posobie*. Rostov-on-don: Feniks. 2008. (In Russ.). [Tsitkilov P.Ia.. *History of social work: textbook*. Rostov-on-don: Feniks. 2008].
9. Novikov M. Prisetskaya N, Kotov V. *Posobie dlia rabotodatelei: trudoustroistvo invalidov*. Moscow, 2004. (In Russ.). [Prisetskaya Novikov M.N., Kotov V. *The Handbook for employers: the employment of disabled persons*. Moscow, 2004].
10. Rumsey N., Bull R., Gahagan D. 1982. The Effect of Facial Disfigurement on the Proxemic Behavior of the General Public // *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 12, iss. 2. Pp. 137–150.
11. Park J. H., Faulkner, J., Schaller M. Evolved Disease-Avoidance Processes and Contemporary Anti-Social Behavior: Prejudicial Attitudes and Avoidance of People with Physical Disabilities. *Journal of Nonverbal Behavior*. 2003. Vol. 27 (2). Pp. 65–87
12. Nosenko-Shtein E.E. Nekotorye problemy izucheniia invalidnosti i sotsiokul'turnaia antropologiya. *Sovremennaya antropologiya: novye dannye, perspektivy razvitiia i metodologicheskie printsipy*. Minsk, 2015. Pp. 523–530. (In Russ.). [Nosenko-Stein E.E. Some problems of studying disability and socio-cultural anthropology. *Modern anthropology: new data, prospects of development and methodological principles*. Minsk, 2015. Pp. 523–530].
13. Romanov P.V., Iavorskaia-Smirnova E.R. *Politika invalidnosti: Sotsial'noe grazhdanstvo*

- invalidov v sovremennoi Rossii*. Saratov, 2006. 260 p. (In Russ.). [Romanov P. V., Iavorskaya-Smirnova E.R. *Disability Policy: social citizenship of disabled people in modern Russia*. Saratov, 2006. 260 p.].
14. Baglai V.S. Otnoshenie obshchestva k invalidam: istoriia i sovremennost'. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2007. No. 3. Pp. 32–43. (In Russ.). [Baglai V. S. Attitude of society to disabled people: history and modernity. *Social Sciences and modernity*, 2007. No. 3. Pp. 32–43].
 15. Buss A. H., Perry, P. M. The aggression questionnaire. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1992. Vol. 63. Pp. 452–459.
 16. Olkin, R., Howson, L.J. Attitudes toward and images of physical disability. *Journal of Social Behavior and Personality*, 1994. Vol. 9. Pp. 81–96.
 17. Banch G., Valeo E. Vliianie spetsial'nogo i inkluzivnogo obrazovaniia na ustanovki sverstnikov: prakticheskoe i teoreticheskoe issledovanie. *Zhurnal issledovanií sotsial'noi politiki*, 2008. No. 6 (1). Pp. 23–52. [Bunch G., Valeo E. the Impact of special and inclusive education on peer attitudes: practical and theoretical research. *Journal of social policy studies*, 2008. No. 6 (1). Pp. 23–52].
 18. Fedenok Yu.N., Dronova D.A. Psikhologicheskie osobennosti studentov i ikh gotovnost' k rabote s invalidami (na primere g. Kazan'). *Pomogaiushchie professii: nauchnoe obosnovanie i innovatsionnye tekhnologii*. Z.Kh. Saralievoy (ed). N. Novgorod: Izd-vo NISOTs, 2016. Pp. 399–402. (In Russ.). [Fedunok Yu.N., Dronova D.A. Psychological peculiarities of students and their willingness to work with people with disabilities (for example, Kazan). *Profession: scientific basis and innovative technologies*. Z.H. Saralieva (ed). N. Novgorod: publishing house of NISOC, 2016. Pp. 399–402].
 19. Invalidy ne veriat, chto interesuiut kogo-to. Dostup: <http://www20.brinkster.com/autism/read.asp?id=6&vol=0> (Data obrashcheniia: 12.08.2018). (In Russ.). People with disabilities don't believe they're interested. Access: <http://www20.brinkster.com/autism/read.asp?id=6&vol=0> (date accessed: 12.08.2018).
 20. Kurlenkova A.S. Rol' tvorchestva v integratsii liudei s ogranichenymi vozmozhnostiami. *XI Kongress antropologov i etnologov Rossii. Kontakty i vzaimodeistvie kul'tur. Sbornik materialov*. Ekaterinburg, 2015. Pp. 444. [Kurlenkova A.S. The Role of creativity in the integration of people with disabilities. *XI Congress of anthropologists and ethnologists of Russia. Contacts and interaction of cultures. Collection of materials*. Ekaterinburg, 2015. Pp. 444].
 21. Frolova A.V. Sotsiopsikhologicheskaja adaptatsiia liudei s ogranichenymi vozmozhnostiami v gorodskoi srede: opyt izucheniia molodezhi Moskv. *XI Kongress antropologov i etnologov Rossii. Kontakty i vzaimodeistvie kul'tur. Sbornik materialov*. V.A. Tishkova, A.V. Golovneva (eds.). Moscow: IEA RAN, 2015. Pp. 443. [Frolova A.V. Sociopsychological adaptation of people with disabilities in the urban environment: the experience of studying young people in Moscow. *XI Congress of anthropologists and ethnologists of Russia. Contacts and interaction of cultures. The collection of materials*. V. A. Tishkov, A. V. Golovnev (eds.). Moscow: IEA RAS, 2015. Pp. 443].

Ju.N. Fedenok, D.A. Dronova. Socio-cultural aspects of disability in the modern Russian city (Kazan)

The article is based on the results of an empirical study on the perception of disability of modern youth. A survey was conducted among the students of Kazan, which showed that the attitude to disability as a biological and social phenomenon is influenced by such factors as gender and age of the respondents, personal and social experience gained at an early age, and also a number of psychological traits. The results showed that it is necessary to carry out targeted social policies, including contacts with persons with disabilities (for example at cultural and leisure venues) at an early age. In the future this may serve, in addition to raising a tolerant attitude towards «otherness».

Key words: *disability, stereotypes about the causes of disability, assistance for the disabled, social and psychological distance, the Russian students.*

НАУКА – ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

УДК 39

© С.В. Чешко

ПРОЕКТ УЧЕБНИКА «ЭТНИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ»

Автор обращается к актуальной для отечественной науки задаче создания качественного учебного пособия по этнологии. В контексте этой задачи он рассматривает некоторые важные проблемы развития этнолого-антропологических дисциплин, которые он предлагает объединить понятием «этническая антропология».

В статье излагаются принципы построения (четырёхтомного) учебника, учитывающие отечественные традиции высшей школы и академической науки, современные мировые тенденции, приводится примерная структура издания. Статья рассчитана на обсуждение коллег.

Ключевые слова: этническая антропология, обучение студентов, учебные пособия.

Помнится, мы как-то обсуждали с безвременно ушедшим из жизни Алексеем Алексеевичем Никишенковым, в бытность его заведующим кафедрой этнологии Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (а я тогда работал заместителем директора ИЭА РАН), идею создания совместно Институтом и кафедрой учебника по этнологии. Имелось в виду написание трех компактных томов по этнографическому страноведению, общим и теоретическим вопросам и истории этнологии.

Мы исходили из того, что хорошо бы навести некоторый порядок в том «плюрализме», который установился с начала 1990-х годов в преподавании этнологии в ВУЗах страны, особенно в трактовке сложных и дискуссионных вопросов теории и методологии, этнополитических проблем. Разумеется, речь могла идти не о претензии на утверждение некоего монизма в этой области, что было бы и невозможно в условиях исчезновения идеологической монополии исторического материализма, а о том, что два авторитетных этнологических центра страны предложили бы свой стандарт. А вышедшие к тому времени учебники, подготовленные на кафедре – «Этнология» (1994) [1] и «Основы этнологии» (2007) [2], – оставляли немало вопросов у специалистов. Что касается ИЭА РАН, то его сотрудники, преподававшие в различных учебных заведениях, издали несколько учебных пособий на базе своих спецкурсов [см., напр., 3; 4; 5; 6]: вполне добротных, выполненных на высоком профессиональном уровне, но, на мой взгляд, не очень пригодных для обучения студентов пособий по причине их узкой специализации, часто неразумно объемных, написанных сложным языком, трудно воспринимаемых для еще не подготовленных учеников. Скорее, они больше походят на обычные монографии. И, может быть,

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: ieamoscow@mail.ru.

главное, все это творчество не было встроено в какую-то логичную систему преподавания этнологии, что дополнительно усугублялось валом учебников по новоиспеченной «культурологии», социальной антропологии и другим модным дисциплинам, за названиями которых чаще всего скрывалось что-то, не очень похожее на их зарубежных тезок. Позже (в 2014 г.) и я выпустил свой учебник [7], который в целом получил положительные отзывы, но, конечно, тоже оставил вопросы (не говоря уж о досадных недосмотрах в тексте), в том числе, и у меня самого. А критиковали его, главным образом, за то, что он был выдержан во многом в духе знаменитых токаревских учебников, которые наиболее «продвинутыми» учеными воспринимались как безнадежно устаревшие – не столько по материалу, сколько по его преподнесению и трактовке (с чем и я отчасти согласен).

Наше с Никишенковым обсуждение закончилось ничем, хотя, казалось бы, при наличии специалистов высшего уровня и огромного опыта в научной и научно-педагогической деятельности, реализация этой идеи не была неразрешимой проблемой. Все эти факторы, о которых говорилось выше, сыграли решающую роль: в общем, не было желания что-то и как-то иначе сделать. И что скрывать, на серьезные образовательные проекты не имелось стимулов в виде надбавок к зарплате, грантов, которые тогда не давали на создание учебников. Научные сотрудники в массе своей были озабочены, в первую очередь, проблемой выживания, а отчасти, в силу этого же, видимо, и потому, что за 1990-е годы они отвыкли от коллективного творчества, постановки важных для науки задач.

А проблема осталась. И она становится все более актуальной по мере изменения исследовательского поля, острых дискуссий по поводу объектно-предметной области нашей дисциплины, ее методологии и методики, концептуальных ориентиров, даже самой возможности что-то исследовать и праве интерпретировать полученные данные со стороны, извне – учеными, не являющимися членами изучаемых сообществ: тут уж даже «включенное наблюдение» не поможет, все равно ничего не поймешь. Да и сама наука этнология имеет тенденцию растворяться в новых идеях, эпистемологических парадигмах, дисциплинах и субдисциплинах. Кстати говоря, нечто подобное происходило и в американской антропологии в 60–70-е годы прошлого столетия [8: 205 и др.].

С наличием отмеченных проблем согласны, кажется все, пишущие об этих проблемах, а вот с высказанными мною озабоченностями – далеко не все, а возможно, и не большинство коллег, особенно представляющих молодое поколение исследователей, воспитанных на критике советского этнографического наследия.

Ко всему этому неожиданно добавился еще один фактор, не столь, может быть, угрожающий, но все же вызывающий некоторые опасения, поскольку он исходит от чиновников, назначенных на руководство наукой, и, как водится, способных довести любую идею, если она исходит от вышестоящих начальников, до абсурда. Это – требование стремиться к междисциплинарным исследованиям, которым теперь отдается приоритет при составлении планов и отчетов о научной работе, распределении грантов.

Стремление-то здоровое, и современная наука без кооперации, видимо, невозможна. Но вот вопросы – в каких формах она должна осуществляться, насколько она реальна и целесообразна в гуманитарных науках, как междисциплинарность может соотноситься с другой несомненной тенденцией – углублением научных знаний, которое до некоторой степени способствует усилению специализации соответствующих научных дисциплин? Сегодня же, похоже, никто на эти вопросы не готов от-

ветить; соответственно, неясно, как и где следует готовить специалистов, способных проводить действительно междисциплинарные изыскания [подробнее см.: 9]. Понятно, что время энциклопедистов давно прошло, а механически соединять узко ориентированных в своих дисциплинах специалистов в творческих коллективах для решения каких-то важных задач бесполезно – начиная с того, что все будут по-разному понимать эти задачи, да и сам предмет исследования.

Это наглядно демонстрируют, например, многочисленные и чаще всего неудачные попытки экспансии в традиционные этнологические проблемы, понимание которых невозможно без профессиональной подготовки. Обычно этим увлекаются философы, культурологи, специалисты в области социально-политических наук, истковеды, психологи и др.

Кажется, у Валентина Катаева есть такой рассказ. В каком-то ведомственном санатории собрался научный и писательский бомонд. Во время дружеского застолья крупный специалист в области артиллерийского вооружения, лауреат всяческих премий, обратился к сидевшему рядом крупному писателю, тоже лауреату, – мол давайте напишем в соавторстве какую-нибудь книгу (неважно какую). На это литератор ответил: хорошая мысль, но есть встречное предложение – давайте совместно придумаем какой-нибудь новый пушечный снаряд. Артиллерист был, к тому же, умным человеком и понял свою ошибку.

У нас нередко происходит иначе. Не помню, чтобы кто-то из этнологов пытался вторгнуться в область компетенции перечисленных выше или других наук, а вот коллеги имеют обыкновение рассказывать этнологам, что такое этнос, этничность и тому подобные вещи. Впрочем, возможно, и не стоит очень сильно упрекать их за самонадеянность и дилетантский снобизм. Этничность оказывается настолько синтетическим явлением, само способное вторгаться в самые разные сферы жизни человека, которые изучают представители соответствующих научных дисциплин, что они могут найти в нем каждый что-то «свое». И уж, конечно, нельзя принять шовинистический пафос С.М. Широкогорова, который писал: «Этнология является венцом знания человека» [10: 13]. Но ведь сегодня это его утверждение выглядит даже не лишенным некоторой актуальности (по принципу «от противного») в свете тенденции парцелляризации этнологии и низведения ее до уровня, по сути, вспомогательной дисциплины для уже другой супернауки – антропологии.

Даже столь краткий и, разумеется, субъективный анализ некоторых важных проблем современной этнологии наводит на мысль о том, что разобраться с ними невозможно без построения основы – вузовского профессионального образования. Наблюдая в течение многих лет абитуриентов, поступающих в аспирантуру ИЭА РАН, невольно приходишь к заключению, что в этой области многое делается бессистемно и, к сожалению, непрофессионально. Есть абитуриенты, блестяще подготовленные, способные думать даже на вступительном экзамене и – что сегодня почти невероятно – отвечать по билету без шпаргалки. Кстати, шпаргалки у нас в Институте давно легализованы, поскольку они обычно не спасают – всегда можно понять, что реально знает и на какие мыслительные действия способен молодой человек. А вот значительная часть поступающих демонстрирует отсутствие систематизированных знаний, склонность к начетничеству под влиянием тех учебников, по которым им читались какие-то курсы, более или менее связанные с этнологией (зачастую, весьма отдаленно связанные), или которые им удалось раздобыть при подготовке к экзамену.

Повторю, я не клоню к необходимости установления какого-то обязательного образовательного стандарта по этнологии. Речь может идти, скорее, лишь о некотором упорядочивании этнологического образования посредством выработки хотя бы весьма общих методологических ориентиров. А начинать надо, видимо, с достижения некоего консенсуса в вопросе о нашем дисциплинарном поле и наименовании самой дисциплины, определении ее места в системе общественных наук.

Вероятно, это пожелание может восприниматься как призыв вернуться в 1990-е – начало 2000-х годов, когда мы с энтузиазмом дискутировали о теоретико-методологических проблемах этнологии, о советском научном наследии и концептуальных вехах их-за рубежа. Ни к чему особенно конструктивному эти дискуссии не привели, за исключением разве что утверждения в отечественном понятийном аппарате расширенной трактовки *антропологии*, замене *этнографии* на *этнологию* и переименовании Института этнографии в Институт этнологии и антропологии. А выходящие сегодня на эту тему редкие статьи могут выглядеть, наверное, как бесполезное перемалывание старых и уже не очень актуальных сюжетов. Я бы тоже, наверное, так реагировал на подобные публикации лет этак 15–20 назад. Но прошедшие годы постсоветского развития отечественной этнологии, часто походившее на броуновское движение, показывает, что интеллектуальный анархизм не может быть долговременной и прочной основой для развития и, прежде всего, для подготовки научных кадров.

Так вот, возвращаясь к теме о создании программ и учебных пособий по этнологии, сразу же возникает проблема, а как назвать такой учебник. Мой собственный учебник называется «Этнология и социальная антропология» [7]. Но это название было заранее определено техническим заданием – учебник заказывало издательство – и вызывает вопросы по части науковедения и методологии, которых я касался выше. Вариантов названий подобных изданий немало, но все они сводятся к различным комбинациям терминов «этнология», «антропология», «социальная антропология», «культурная антропология», «социальная/культурная антропология» и т.п. Не беру учебники по культурологии, поскольку это понятие в нашей сегодняшней интерпретации и репрезентации чаще всего не несет в себе ничего, кроме абстрактной софистики.

Главная коллизия в современной отечественной науке состоит в соотношении понятий «этнология» и «антропология» и их дисциплинарных особенностей. Различия действительно есть, хотя в «обыденном» сознании многих научных сотрудников эти понятия откладываются почти как синонимы – хотя бы для простоты дела, чтобы каждый раз, говоря о науке и научных исследованиях, не обременять себя и не перегружать текст комбинированными конструкциями. Но для целей высшего профессионального образования требуется определенность, потому что за терминологическим «номинализмом» стоит содержание научной дисциплины.

Если приходится выбирать, то я предпочитаю употреблять понятие «этнология», но любой однозначный выбор в этом вопросе чреват неточностью. «Этнология», по сути, предписывает во всем, что она изучает, искать этнические сюжеты, даже если они не имеют явной этнической специфики (специфика может быть, например, культурной, социокультурной, религиозной и пр.). Собственно, в советское время – во всяком случае, в те уже довольно далекие времена, когда я пришел в Институт этнографии АН СССР – так оно зачастую и было. Помню, при обсуждении, например, тем диссертационных исследований часто звучал строгий вопрос «а где тут этнография?». Такой подход сужает исследовательское поле. При ориентации на понятие «антропология» есть вероятность

оттеснения на второй план, а то и исключения из исследования этнической проблематики и превращения антропологии в ту самую супернауку, изучающую все на свете.

Я рискну предложить коллегам понятие *этническая антропология* (*этноантропология*), как некий, более или менее приемлемый компромиссный вариант, до некоторой степени смягчающий «конфликт интересов» между этнологией и антропологией.

Одно из возражений, помимо тех, которые касаются самой сути проблемы, может заключаться в том, что *этноантропология* означает понижение статуса науки до уровня субдисциплины (или исследовательского направления) этнологии и антропологии, наподобие этнической социологии, этнической психологии, этнической сексологии, политической антропологии, юридической антропологии, медицинской антропологии и множества прочих аналогичных «логий», которые появились в последние десятилетия.

В таком возражении есть логика, но можно посмотреть на этот вопрос иначе. Есть *физическая* (биологическая) *антропология*, *социальная* (социокультурная) *антропология*. А если еще будет *этническая антропология*, то сама *антропология* получит законченную структуру, включающую три ее разновидности, каждая с собственной спецификой.

Позволю себе еще одно попутное, но немаловажное, на мой взгляд, замечание, касающееся давних споров о соотношении этнологии и истории в номенклатуре наук. Мне кажется не очень уж существенным, оставлять ли этнологию, неважно, как ее называть, в системе исторических наук или предоставлять особый и самостоятельный статус. Но вот преподавать этнологию целесообразно на исторических факультетах университетов – при условии, что сам уровень преподавания исторических дисциплин там достаточно высок. Фундаментальное историческое образование для будущих этнологов сегодня заменить нечем.

* * *

Получилось, наверное, довольно пространное вступление в тему, ради которой и затеяна настоящая статья. В действительности я только прошелся по некоторым проблемам, чтобы пояснить мое видение возможного учебника по *этноантропологии*.

Прежде всего – о некоторых принципах, на которых должно, по моему мнению, основываться учебное пособие.

1. **Краткость и доступность** материала для восприятия студентами. Многие из попадавшихся мне учебников оставляют впечатление, что авторы писали их для себя, для собственного самовыражения, мало заботясь о тех, для которых их сочинения предназначены, и для каких целей. А предназначены они для того, чтобы сформировать в головах студентов минимально необходимую базу данных о предмете, дать представление об основной проблематике, помочь в выработке умения (пока только умения – навыки приходят с опытом) мыслить категориями данной научной дисциплины, наконец, чтобы подготовиться к экзамену. Поэтому учебник не должен быть очень раздутым, чтобы его можно было хотя бы успеть прочитать, и очень «заумным» по части терминологии и манеры изложения методологических и теоретических сюжетов. Говорить о сложном доходчиво, «нормальным» языком, а желательно, и интересно, – это, конечно, особое и ценное качество, связанное с умением вылавливать суть вещей и облекать ее в четкие формулировки.

2. Необходимо ограничивать свою **авторскую позицию**, полет творческой мысли. Это не значит обезличивать, выхолащивать текст, превращая его в сводку фактических данных. Напротив, студентов надо учить мыслить, разъясняя сложные темы, но представляя свое их видение, следует давать и другие точки зрения, разъясняя, в чем их особенности, достоинства и недостатки. Разумеется, тексты не должны противоречить друг другу, если учебник написан несколькими авторами и их разделы в чем-то пересекаются тематически.
3. **Учебник не должен быть учебником** – в том смысле, что он не должен внедрять в головы студентов представления о том, что «правильно», а что «неправильно» в науке, в различных интерпретациях рассматриваемых проблем. За одним-единственным исключением: при изложении этих проблем следует показывать, что в науке есть только императив аккуратного обращения с эмпирикой, выстраивание логичных причинно-следственных связей, аргументированность в критике. Одна из задач авторов состоит, наверное, в том, чтобы отучать студентов от школярства.

Содержание учебника может выглядеть примерно так.

**«Этническая антропология. Введение в специальность. В 4-х томах»
(каждый том – до 15 а. л. + илл.)**

Этническая антропология. Том 1. Основы этнолого-антропологических наук.

Введение к изданию.

Предисловие к тому.

Гл. 1. *Объектно-предметная область. Понятийный аппарат.*

Гл. 2. *Место этноантропологии в системе общественных наук.*

Связь этноантропологии со смежными науками. Использование данных физической (биологической) антропологии, археологии, географии, языкознания, социологии, психологии. Анучинская триада в контексте современного развития науки. Междисциплинарность.

Гл. 3. *Географическая база этноантропологии.*

3.1. Краткие сведения по физической географии земного шара, политической и экономической географии.

3.2. Культурная география.

Распространение культурных черт и комплексов по регионам мира. Роль культурной конвергенции, дивергенции, культурных заимствований, миграций.

Гл. 4. *Основы физической антропологии.*

Принципы классификации. Антропологическая классификация.

Гл. 5. *Значение археологии для этнологических исследований.*

Гл. 6. *Основы языкознания.*

Языковые классификации. Социолингвистика.

Гл. 7. *Соотношение этноантропологии с общей и прикладной социологией.*

Гл. 8. *Этнопсихологические методики.*

Гл. 9. *Комплексность методики этноантропологических исследований.*

Глоссарий.

В данном томе сосредоточены общие сведения об этноантропологии, ее методологии, а также о тех «подкладочных» областях научных знаний, на которых базируется наша дисциплина, а отчасти и выросла из них.

Название параграфа «Культурная география» – это моя придумка. А сам он предназначен для того, чтобы показать культурную дихотомию человеческого мира – с одной стороны, его разнообразие, с другой стороны, сходные способы культурной адаптации в сходных условиях окружающей среды, а с третьей стороны, роль межкультурных взаимодействий посредством миграций, обмена, войн и пр. Приставку «этно-» я специально здесь не использовал, поскольку речь идет именно о культуре, безотносительно от этнических характеристик ее носителей, создателей и обладателей. Но если подобных разделов, насколько я знаю (но не гарантирую, что это так), в других учебных пособиях по этнологии нет, то включенные в него темы не так уж и новы: можно вспомнить, например, «культурные ареалы» и «пищевые ареалы» А. Крёбера и К. Уисслера, «хозяйственно-культурные типы» Н.Н. Чебоксарова и М.Г. Левина.

Этническая антропология. Том 2. Этнографическое страноведение доиндустриальной эпохи.

Глава 1.

Народы Африки

Глава 2.

Народы Австралии и Океании

Глава 3.

Народы Юго-Восточной Азии

Глава 4.

Народы Южной Азии

Глава 5.

Народы Восточной и Центральной Азии

Глава 6.

Народы Юго-Западной Азии

Глава 7.

Народы Средней Азии и Казахстана

Глава 8.

Народы Кавказа

Глава 9.

Народы Сибири и Дальнего Востока

Глава 10.

Народы Америки: общие сведения

Глава 11.

Народы Америки: традиционная культура

Глава 12.

Народы Зарубежной Европы

Глава 13.

Восточнославянские народы

Глава 14.

Народы Европейской части России

Здесь воспроизведена географическая группировка народов, к которой я прибегнул в своем учебнике; поэтому просто привожу и аргументацию.

«Принятый много десятилетий назад порядок следования тем – народы Австралии и Океании, затем народы Юго-Западной (Передней Азии) и т.д. – как раз и страдает недостаточной логичностью с точки зрения географии и этнографической последовательности. В настоящей работе на первое место поставлена Африка как континент, где происходили начальные процессы антропосоциогенеза, а за ним следуют темы, приблизительно соответствующие векторам расселения человека по миру. Правда, Австралия и Океания не были регионами, заселенными непосредственно из Африки. Но они поставлены на второе место с тем, чтобы не разбивать азиатский материал.

При апробации работы высказывалось мнение о том, что открывать блок по регионам должен раздел по русским – структурообразующему народу России. Однако этот подход представляется нецелесообразным: этногенез и развитие культуры русских тесно связаны с Европой (азиатское влияние – это отдельный вопрос), а начинать этнографические описания с европейского континента было бы неверно с учетом хронологии возникновения и развития мировых цивилизаций и культур.

Американская тематика разделена на две части, поскольку охватить весь материал по обеим Америкам в одном разделе не представляется возможным. В то же время, сведения обо всех народах ныне Зарубежной Европы, включая южных и западных славян, составляющих отдельный, специфический этнокультурный мир, объединены в один раздел. Мы отказались от традиционного группирования по принципу «народы России» – «сопредельные страны». Современные реалии побуждают перейти от политико-географических к историко-культурно-географическим ориентирам. Поэтому, в частности, в данной работе отдельный раздел объединяет народы как Северного, так и Южного Кавказа. Раздел «Народы Сибири и Дальнего Востока» помещен среди других «азиатских» тем» [7: 4–5].

Вообще-то, противники включения в учебники по этнологии этно-страноведческих разделов, о чем я писал выше, отчасти правы: этнокультурный облик многих народов мира изменяется настолько быстро и существенно, что такие разделы неизбежно устаревают. Однако оставить студентов без базовых знаний об этнографической истории, длившейся столетиями, а еще чаще и продолжающейся сегодня в каких-то своих пластах, тоже, наверное, было бы неправильно. Поэтому в данном томе речь может идти именно о доиндустриальной эпохе, но не о пресловутой «традиционной культуре» и о некоем мифическом «золотом веке» этнографии: «нетрадиционных» культур не бывает.

Этническая антропология. Том 3. Эволюция социальной организации и культуры народов Мира.

Предисловие.

Гл. 1. *Происхождение человека. Процессы антропогенеза и расогенеза.*

Гл. 2. *Расселение человека по территории ойкумены. Способы адаптации к окружающей среде.*

Гл. 3. *Развитие систем жизнеобеспечения и материальной культуры.*

Гл. 4. *Развитие форм социальной организации и соционормативной культуры.*

Период – от первобытной общины до ранних государств.

Гл. 5. *Ранние формы религии.*

Гл. 6. *Религиозная ситуация в современном мире.*

Гл. 7. *Возникновение и развитие духовных форм культуры.*

Фольклор, изобразительное искусство, музыка.

Гл. 8. *Этнические процессы.*

Глоссарий.

Этническая антропология. Том. 4. Основные вехи этнолого-антропологической науки. От зарождения до современности.

Предисловие.

Главы 1 – ?

Глоссарий.

Общая логика четырехтомника выглядит так. Даются общие представления о дисциплине, затем краткое описание материала, с которым она имеет дело, затем речь идет о векторах и динамике развития различных сфер культуры и, наконец, об истории науки и ее основных коллизиях и методолого-теоретических тенденциях. Без первых трех томов внедрять в сознание студентов эти сюжеты и требовать их понимания, видимо, невозможно. И хотелось бы увидеть толковую *хрестоматию* к четвертому тому.

Литература

1. *Этнология: учебник* / под ред. Г.Е. Маркова, В.В. Пименова. М.: МГУ, 1994.
2. *Основы этнологии: учеб. пособие* / под ред. проф. В.В. Пименова. М.: МГУ, 2007.
3. *Антропологическая наука в высшей школе. Методические материалы к оригинальным авторским спецкурсам* / отв. ред. О.Ю. Артемова. М.: ИЭА РАН, 2006.
4. Белик А.А. *Культурология. Антропологические теории культур*. М.: РГГУ, 1998.
5. Жуковская Н.Л. *Монголия: мир кочевой культуры: Учеб. пособие*. 2-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2014.
6. Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. *Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов*. М.: Издательство Московского университета, 2011.
7. Чешко С.В. *Этнология и социальная антропология: учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования*. М.: Издательский центр «Академия», 2014.
8. Lewis, Herbert S. *In Defense of Anthropology: An Investigation of the Critique of Anthropology*. Transaction Publishers. New Brunswick, New Jersey, 2014.
9. Чешко С.В. Перспективы и ретроспективы дисциплинарности в этнологии: новое или почти забытое старое? / *Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии* / Отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 388–396.
10. Широкогоров С.М. *Место этнографии среди наук и классификация этносов*. Владивосток, 1922.

References

1. *Etnologiya: uchebnik*. G.E. Markova, V.V. Pimenova (eds.). Moscow: MGU, 1994. (In Russ.) [*Ethnology: a textbook* . G.E. Markova, V.V. Pimenov (eds.). Moscow: MGU, 1994].
2. *Osnovy etnologii: ucheb. posobie*. V.V. Pimenova (ed.). Moscow: MGU, 2007. (In Russ.) [*Fundamentals of ethnology: studies. manual*. V.V. Pimenova (ed.). Moscow: Moscow State University, 2007].

3. *Antropologicheskaya nauka v vyssheĭ shkole. Metodicheskie materialy k original'nyĭ avtorskim spetskursam.* O.Yu. Artemova (ed.). Moscow: IEA RAN, 2006. (In Russ.) [*Anthropological science in higher education. Methodical materials for the original author's special courses.* O.Yu. Artemova (ed.). Moscow: IEA RAS, 2006].
4. Belik A.A. *Kul'turologiya. Antropologicheskie teorii kul'tur.* Moscow: RGGU, 1998. (In Russ.) [Belik A.A. *Culturology. Anthropological theories of cultures.* Moscow: RGGU, 1998].
5. Zhukovskaya N.L. *Mongoliia: mir kochevoi kul'tury: Ucheb. posobie.* 2-e izd. Moscow: RIOR: INFRA-M, 2014. (In Russ.) [Zhukovskaya N.L. *Mongolia: the world of nomadic culture: Textbook.* 2nd ed. Moscow: RIOR: INFRA-M, 2014].
6. Tishkov V.A., Shabaev Iu.P. *Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti: Uchebnik dlia vuzov.* Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. (In Russ.) [Tishkov V.A., Shabaev Iu.P. *Ethnopolitology: political functions of ethnicity: A textbook for universities.* Moscow: Moscow University Press, 2011].
7. Cheshko S.V. *Etnologiya i sotsial'naya antropologiya: ucheb. posobie dlia stud. uchrezhdenii vyssh. obrazovaniia.* Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiia», 2014. (In Russ.) [Cheshko S.V. *Ethnology and social anthropology: studies. allowance for stud. institutions higher. education.* Moscow: Publishing Center «Academy», 2014].
8. Lewis, Herbert S. *In Defense of Anthropology: An Investigation of the Critique of Anthropology.* Transaction Publishers. New Brunswick, New Jersey, 2014.
9. Cheshko S.V. *Perspektivy i retrospektivy distsiplinarnosti v etnologii: novoe ili pochti zabytie staroe? Fenomen mezhdistsiplinarnosti v otechestvennoi etnologii.* G.A. Komarov (ed.). Moscow: IEA RAN, 2016. (In Russ.) [Cheshko S.V. *Perspectives and retrospectives of disciplinary ethnology: new or almost forgotten old? The phenomenon of interdisciplinarity in the national ethnology.* G.A. Komarov (ed.). Moscow: IEA RAS, 2016. Pp. 388–396].
10. Shirokogorov S.M. *Mesto etnografii sredi nauk i klassifikatsiia etnosov.* Vladivostok, 1922. (In Russ.) [Shirokogorov S.M. *The place of ethnography among the sciences and the classification of ethnic groups.* Vladivostok, 1922].

S.V. Cheshko. A Project of a textbook «Ethnic Anthropology»

The author turns to the task of creating a high-quality textbook on ethnology that is relevant for domestic science. In the context of this task, he considers some important problems in the development of ethnological and anthropological disciplines, which he proposes to unite with the concept of «ethnic anthropology».

The article outlines the principles for constructing a (four-volume) textbook, taking into account the national traditions of higher education and academic science, modern world trends, provides an approximate structure of the publication. The article is intended for discussion by colleagues.

Key words: *ethnic anthropology, student learning, teaching aids.*

© М.М. Герасимова, Н.А. Лейбова, А.В. Южакова

МОЛОДЕЖНАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (25–27 АПРЕЛЯ 2018 Г., МОСКВА): ИТОГИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Настоящее сообщение посвящено анализу докладов, которые прозвучали на ставшей ежегодной IV Молодежной антропологической конференции «Актуальные проблемы физической антропологии: преемственность и новые подходы», и содержит некоторые соображения о путях развития антропологической науки, поскольку именно от них, молодых исследователей, зависит ее будущее.

Ключевые слова: *физическая антропология, генетика, конференция*

Введение

25–27 апреля 2018 г. состоялась очередная IV Молодежная антропологическая конференция «Актуальные проблемы физической антропологии: преемственность и новые подходы». Инициатором проведения конференции является Центр физической антропологии ИЭА РАН, в этот раз – в содружестве с Институтом общей генетики РАН. Казалось бы, что в этом необычного? Сейчас проходит много молодежных (аспирантских) конференций, в том числе и в нашем Институте этнологии и антропологии РАН. Но Молодежная антропологическая конференция имеет ряд особенностей. Прежде всего – в организационном плане, что нашло отражение в постоянном Координационном совете конференции, куда вошли представители главным образом молодого поколения исследователей почти всех научных центров, занимающихся биологическими аспектами изучения человека, где существенной составляющей является антропология – это Институт этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН), Московский государственный университет (МГУ), Институт общей генетики РАН (ИОГен РАН), Центр палеоэтнологических исследований в Москве (ЦПИ), Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) в С.-Петербурге (МАЭ РАН), Казанский федеральный университет (КФУ) в Казани. Именно Координационный совет должен проводить работу по привлечению новых молодых исследователей к участию в работе конференции.

Герасимова Маргарита Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая кабинетом-музеем антропологии им. акад. В.П. Алексеева Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: gerasimova.margarita@gmail.com.

Лейбова Наталья Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: nsuvogova@mail.ru.

Южакова Алёна Владимировна – младший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири НУ Томского государственного университета. Эл. почта: ejara.ru@mail.ru.

Так сложилось в отечественной физической антропологии – не взирая на то, что антропология – это наука о биологических свойствах человеческого организма, об изменчивости и ее законах, некий «промежуточный» характер нашей науки отразился в ее организационном положении: она представлена как в учреждениях биологического и медицинского, так и исторического профиля. Эта раздробленность не способствует сохранению Школы отечественной антропологии, которая когда-то, во времена В.В. Бунака и Г.Ф. Дебеца, Н.Н. Чебоксарова и М.Г. Левина, была признана мировой наукой. К сожалению, в наше время и личностные предвзятости имеют место среди старших коллег, поэтому цель конференции – познакомить молодежь друг с другом, возродить профессиональную цеховую общность, старые традиции обмена идеями, обсуждения материалов без глупой боязни, что кто-то тебя не так поймет, кто-то обидится на критику, а кто-то «позаимствует» твои данные.

Второе существенное отличие – в формате конференции. Собственно заслушиванию докладов предшествовали лекции ведущих специалистов в различных областях физической антропологии и популяционной генетики. Молодым же докладчикам отводилось на доклад 20 минут, затем следовали сразу вопросы и обсуждение. Возможность получить конкретную конструктивную доброжелательную критику и развернутые дискуссии по докладам являются особенностями проводимой нами конференции. И для старших коллег конференция может представлять интерес, поскольку среди молодых специалистов есть неординарные исследователи, высказываются смелые идеи, и в целом выявляется тенденция развития нашей науки. Поэтому задумывалась конференция как площадка, на которой происходит активный обмен мнениями старшего и молодого поколений исследователей. К сожалению, несмотря на личные приглашения, число коллег старших поколений было не столь значительно, как хотелось бы. Мы надеемся, что на то были серьезные причины, и это не проявление равнодушия к будущему нашей науки. И Оргкомитет конференции выражает свою благодарность тем, кто пришел на конференцию, прослушал все доклады и принял активное участие и в их обсуждении, и в работе Круглого стола.

Общая характеристика программы конференции

Программа включала кроме докладов 5 лекций, посещение мемориального кабинета-музея им. Н.И. Вавилова и круглый стол «Генетика и антропология: как мы слышим друг друга». Были прочитаны следующие лекции: д-р биол. наук, проф. О.П. Балановским (ИОГен РАН) «Нехорошо забытое старое: генетическая реконструкция истории человечества»; д-р биол. наук И.В. Перевозчиковым (НИИ и МА МГУ) «Эволюция представлений о расах человека», канд. ист. наук. И.Г. Широбоковым (МАЭ, Кунсткамера) «Проверка гипотез в антропологии: что мы знаем о значимости статистической значимости?»; канд. биол. наук Н.В. Маркиной (ИОГен РАН) «Что может рассказать древняя ДНК об истории человечества», и две лекции были прочитаны молодыми сотрудниками – М.В. Ольковой (МГНЦ) «Древняя ДНК, ее особенности. Молекулярно-генетические аспекты изучения современного и палеоматериала» и Р.М. Галеевым (ИЭА РАН) «Методы получения и обработки 3D моделей в антропологии: программное обеспечение, возможности и перспективы». Лекции вызвали вопросы и оживленное обсуждение.

Итак, на IV Молодежную конференцию был заявлен 21 доклад, прочитано – 20. География участников была достаточно широкой: Волгоград, Кемерово, Самара, С.-Петербург, большинство – из Москвы (15 докладов), что естественно. Тематика выступлений была самая широкая. Хорошо были представлены доклады по молекулярной генетике: по результатам исследований полиморфизма Y-хромосомы у различных этнических групп (тверских карел, азербайджанцев и убыхов), по ее связям с фамилиями и о методах широкогеномного анализа на примере данных по Северной Евразии. Два доклада были посвящены вопросам этнической антропологии (расовой соматологии населения Чили и дерматоглифики чувашей). К сожалению, эта интересная и традиционная существенная составляющая физической антропологии, весьма трудоемкая и требующая умения контактировать с изучаемым населением, среди молодых исследователей почти не находит последователей. К счастью, современные возможности фотофиксации в какой-то мере восполняют эту брешь, чему и был посвящен методический доклад по материалам Амурской экспедиции.

На основе изучения конкретного краниологического и остеологического материала (4 доклада) ставились и решались (во всяком случае, обсуждались) вопросы поиска новых группоразграничительных признаков на черепе и посткраниальном скелете и о разрешительных возможностях палеодемографических методов. Палеоантропологии населения бронзового века, средневековья и близкого к современности времени были посвящены 3 доклада. В двух докладах рассматривались особенности питания и их связи с соматотипом.

Почти все доклады отличались профессионализмом, за исключением 3-4-х: жаль, что научные руководители этих докладчиков не присутствовали в зале. По сравнению с прошлогодней конференцией, нынешняя более многочисленна. Кроме того, из 20 участников 9 человек принимали участие в ее работе и в прошлом году, показав значительный спектр своих интересов и возможностей.

Очень интересно и насыщено прошел Круглый стол. Проф. Е.В. Балановская сделала красочную презентацию о проблемах взаимопонимания антропологов и популяционных генетиков, после которой развернулась очень активная дискуссия с участием и молодежи. В итоге, невзирая на обоюдное желание сотрудничать, конкретных предложений и способов этого взаимодействия не поступало. Мы говорим на разных языках, и дело не только в терминологии, как полагает О.П. Балановский, а в концептуальных различиях, организационных возможностях и различной временной затратности сбора материала. Однако, эта тема требует серьезного отдельного рассмотрения. Далее сосредоточим свое внимание на докладах молодых исследователей.

Анализ докладов и их кратких резюме

Первой из молодых исследователей свою работу «Антропологическое изучение населения Чили: этнологические и прикладные моменты» представила *Кастро Степанова Александра Андреа* (МГУ, Москва). Автором была изучена довольно представительная выборка чилийских студентов (175 мужчин и 55 женщин) по трем программам. По расовой соматологии головы и лица было взято 10 измерительных признаков, которые показали мезокефалию, лептопрозопию и лепторинию изученных мужской и женской выборок. Проведенный факторный анализ главных

компонент выявил, что большая часть изменчивости определяется биологическими факторами (I и II факторы), и только III и IV факторы могут быть объяснены историческими причинами. К сожалению, на этом этапе работы обсуждение исторического контекста не входило в планы докладчика. Две других программы были связаны с вопросами реконструкции внешности человека по его черепу. Был использован пальпаторно-маркировочный метод, применяемый в своих исследованиях сотрудниками Лаборатории пластической реконструкции ЦФА ИЭА РАН для определения границ костной орбиты и ее контуров, и отметки альвеолярных возвышений клыков. Для обработки цветных фотографий всех исследованных индивидов на фасных фотографиях в программе ImageJ получены координаты 55 точек, по которым рассчитаны размеры между точками (в пикселях), приведенные затем к реальным цифрам. Эталонном для перевода послужило расстояние между альвеолярными возвышениями клыков, измеренными как на живых, так и на фотографиях. В результате были выявлены высокие показатели связи костных и лицевых размеров глазной области. Получены уравнения регрессии, позволяющие на основе высоты и ширины орбиты рассчитать высоту и ширину глазной щели, высоту и ширину бровей, и оценить флуктуирующую асимметрию по горизонтальной и вертикальной осям.

Хочется отметить, что автор прекрасно отдает себе отчет в том, что полученные ею результаты исследования и высчитанные ею уравнения регрессии способствуют созданию обобщенного, а не индивидуального портрета. Доклад вызвал большой интерес, он был прекрасно проиллюстрирован, мы увидели хорошие цветные фотографии. Но сам пальпаторно-маркировочный метод, предложенный когда-то Г.В. Лебединской в то время, когда было запрещено использование рентгеноскопии не в лечебных целях, сейчас выглядит анахроничным, на что указали некоторые молодые участники конференции. Это не «вина» молодого исследователя, который работал в рамках предложенной программы, но хотелось задать некоторые вопросы научным руководителям докладчика, которых, к сожалению, не было в зале.

Агджоян Анастасия Торосовна (ИОГен, МГНЦ, Москва) сделала блестящий доклад «Генофонд тверских карел по данным Y-хромосомы: путь от северных истоков». Нам остается только поместить в нашем сообщении ее краткое, но емкое резюме: «Проблема сохранения генофонда в диаспоре была рассмотрена на примере тверских карел. По данным о 49 маркерах Y-хромосомы было рассмотрено положение генофонда тверских карел среди окружающих популяций Восточной Европы. Наибольшая степень генетического сходства прослеживается с популяциями северо-востока Европы, в частности, с южными карелами и вепсам – населением тех областей, откуда мигрировали предки тверских карел в XVII–XVIII вв. Полученные результаты, таким образом, указывают на сохранение генетического сходства тверских и карел Карелии».

Второй генетический доклад «Генетический портрет азербайджанцев в контексте окружающих популяций (по данным о полиморфизме Y-хромосомы)» был сделан *Схалыхо Розой Арамбиевной* (МГНЦ, Москва). Автором были проанализированы генофонды азербайджанцев Дагестана и Азербайджана, полученные на выборках в 100 и 50 человек (соответственно) по указанным маркерам. В результате исследования было показано, что почти половина генофонда азербайджанцев представлена условно «кавказскими» гаплогруппами (J2a-M172, J1-M267 и G2a-P15), что подтверждает гипотезу о значительной роли кавказского субстрата в этногенезе этого

народа. Гаплогруппа R1b, которая почти повсеместно встречается в Евразии, в том числе и на Южном Кавказе у азербайджанцев занимает четверть генофонда. Анализ многомерного шкалирования азербайджанцев в сравнении с рядом популяций Евразии показывает наибольшую генетическую близость к туркам ($d=0.07$), к разным группам армян (от $d=0.07$) и кумыкам ($d=0.16$). Доклад вызвал большой интерес, поскольку с антропологической точки зрения этот народ плохо изучен, краниологический материал по близкому к современности населению отсутствует, палеоантропологические исследования ограничены изучением материалов из Мингечаура, поэтому этногенез и этническая история азербайджанцев прослежены пунктирно, предполагалось генетическое родство тюркоязычных азербайджанцев с древним населением Закавказья, имеющим переднеазиатское происхождение. Прodelанное Р.А. Схалыхо исследование подтверждает эту гипотезу.

Последний доклад дневного заседания принадлежал двум авторам *Григорьеву Артему Петровичу и Капинус Юлии Олеговне* (СГСПУ, Самара). В докладе «Опыт комплексного изучения антропологических материалов позднего бронзового века Западного Оренбуржья из курганного могильника срубной культуры Плешаново II» авторы подробно описали немногочисленную краниологическую серию из этого могильника, зафиксировали присутствие южно-европеоидного комплекса, выявили «среднюю степень развития скелетов», некоторые костные патологии. К сожалению, не были сформулированы ни цели, ни задачи изучения представленного палеоантропологического материала, не был показан ни археологический, ни антропологический контекст, не было понятно ни авторам, ни слушателям, о чем говорит изученный материал в контексте уже сложившейся картины антропологического состава населения эпохи бронзы. Сами авторы поняли свои ошибки и недоработки в процессе обсуждения материала. Но это был их первый опыт, и все неприятные моменты для докладчиков организаторы конференции возлагают на научного руководителя. Хочется надеяться, что довольно резкая, но конструктивная критика пойдет на пользу молодым исследователям. И мы ждем их на следующей конференции в 2019 году.

Докладом *Макеевой Анны Игоревны* (ИЭА РАН, Москва) началось вечернее заседание. Это был, к сожалению, единственный доклад по дерматоглифике. В докладе «Дерматоглифика закамских чувашей республики Татарстан» анализировались данные по 143 мужчинам своеобразной группы чувашей, проживающих в Нурлатском районе Татарстана. Эта группа отличается от других обследованных групп чувашей усилением дерматоглифических европеоидных особенностей, выражающемся в понижении значений европеоидно-монголоидного комплекса. Однако некоторые особенности, которые демонстрируют нурлатские чуваше, а именно пониженные значения дельтового индекса и средние значения частоты дополнительных межпальцевых трирадиусов, позволяют говорить не о южной европеоидной примеси, как у низовых чувашей, а о северном происхождении этого европеоидного компонента. Наибольшую близость нурлатские чуваше обнаруживают с верховыми чувашами, однако отличаются меньшим содержанием монголоидного комплекса. Поскольку по данным многомерного анализа нурлатские чуваше обнаруживают наибольшие связи с мордвой-эрзей, мордвой мокшей, коми-зырянами, северными удмуртами, докладчик сделал вывод о местной древней основе европеоидного компонента, нежели привнесенного извне. К сожалению, этот очень интересный доклад остался без обсуждения, поскольку среди молодых исследователей не было занимающихся

дерматоглификой, или антропологией чувашей по другим системам признаков, или палеоантропологией Волго-Камья. Хотелось бы услышать комментарий старших коллег, но он не последовал. А жаль!

Следующим был доклад *Гильмитдиновой Алины Харисовны* (ИА РАН) «Опыт регистрации описательных признаков по цифровым фотографиям (по материалам Амурской антропологической экспедиции)». Материалом для этой работы методического плана послужили 393 фотографии исследуемых, среди которых 143 принадлежали амурским эвенкам. Целью работы было описание (регистрировалось 24 описательных признака) и типологизация популяции амурских эвенков, причем автор полагал, что по фотографиям можно получить не только суммарную характеристику, но и определить отдельные варианты кефалометрических признаков. Применение цифровых цветных фотографий для оценки описательных признаков должно снизить межисследовательские расхождения, которые возникают даже при наличии большого опыта. Недаром, в оные времена, при проведении больших расоведческих экспедиций, всегда дополнительно исследовалась группа, изученная ранее, другим автором, для сопоставимости полученных данных.

Интересному и животрепещущему вопросу был посвящен доклад *Штаненко Анастасии Валерьевны* (ИЭА РАН, Москва) «Человеческие останки как объект культурного наследия». Тема эта актуальная, достаточно болезненная, активно обсуждалась на VIII Бунаковских чтениях в 2016 г. Автором доклада были проанализированы акты действующего законодательства в сфере охраны объектов культурного наследия и был сделан неутешительный вывод, что статус человеческих останков, обнаруженных в результате археологических раскопок, как объектов культурного наследия в настоящее время детально не разработан, не регламентирован. Существующий федеральный закон об объектах культурного наследия народов РФ №73 ФЗ от 23.06.2002 г. не учитывает всю специфику данного объекта права и не способен регулировать проблемы, возникающие на различных этапах работы с человеческими останками, а также их хранение и дальнейшую судьбу. Естественно, доклад вызвал обширную дискуссию. И нам остается только пожелать успехов А.В. Штаненко в этой ее работе, которая возможно в какой-то мере приведет к урегулированию возникающих проблем хранения, перезахоронения, вывоза за пределы страны и т.п. палеоантропологического материала.

Ларин Алексей Владимирович (РГУФКСМиТ, Москва) сделал любопытный доклад «Морфофункциональные особенности людей, ограничивающих себя в употреблении в пищу продуктов животного происхождения». Автор поставил себе цель выявить, влияет ли отказ от традиционных общепринятых диет на объективные показатели соматического и физиологического статуса. Было исследовано 47 мужчин и 63 женщины (вегетарианцев, веганов и сыроедов) в возрасте 27–34 лет, откликнувшихся на это предложение. Программа включала анкетирование, антропометрические измерения, биоимпедансный анализ, исследование кардио-респираторной системы, динамической силы кисти руки. Автор пришел к выводу об отсутствии негативных последствий отказа от белковой пищи животного происхождения и даже призвал к ограничению ее в пищевом рационе. Доклад всколыхнул оживленную дискуссию, вызванную не столько научным, сколь бытовым интересом. С методической точки зрения докладчику был сделан целый ряд замечаний: отсутствие данных о происхождении обследуемых, их социальном, профессиональном и имущественном

положении, отсутствие контрольной группы и т.д., но это была магистерская работа, она была задумана и проведена абсолютно самостоятельно, а формирование группы исследуемых было организовано совершенно новым способом – через интернет.

Последней на вечернем заседании выступала *Благова Ксения Николаевна* (МГУ, Москва) с докладом «Состав тела и особенности питания современной студенческой молодежи (на примере выборки студентов Московского Университета)». Автор обосновала важность своего исследования, поскольку, с ее точки зрения, сформировавшийся стереотип рациона станет в последствии семейным, и таким образом, найдет отражение в следующих поколениях. Поэтому особую актуальность, полагал автор, приобретают работы, направленные на изучение особенностей питания молодых людей и их связи с морфологическим статусом. Были обследованы по антропометрической программе и проанкетированы 152 студентки и 79 студентов МГУ. Выяснилось, что студенты потребляют достаточное количество белков и избыточное количество жиров, причем наблюдаются различия между рационами юношей и девушек: у юношей количество белков больше, а жиров меньше, чем у девушек. Автор отмечает, что только треть девушек и четвертая часть юношей придерживаются диеты (судя по опросу), но полагает, что реальное соблюдение диеты наблюдается только в группе юношей. В группе девушек выявлены достоверные положительные корреляции между физическими нагрузками, тощей массой и активной клеточной массой. А далее автор приходит к выводу, явно противоречащему основному посылу о важности изучения питания у студентов: «Корреляции между компонентами состава тела и потреблением основных питательных веществ невелики по абсолютным размерам и статистически недостоверны, что может быть связано с возрастными особенностями изученной выборки. В молодом возрасте особенности питания индивида еще не проявляются в морфологии, и формирование всех особенностей морфотипа, связанных с питанием, может происходить в более поздние периоды онтогенеза». В ходе обсуждения старшие коллеги обратили внимание докладчика на целый ряд методических погрешностей в работе и, уже не впервые, посоветовали все-таки их исправить.

Дневное заседание второго дня конференции открылось докладом *Федорчук Ольги Алексеевны* (МГУ, Москва) «Соотносительная изменчивость признаков лицевого и мозгового отделов черепа: классификационный аспект». В докладе излагались результаты изучения групповых вариаций коэффициентов корреляции размеров мозгового и лицевого отделов черепа человека. Материалом для работы послужили 17 этно-территориальных выборок, в основном относящихся к двум большим расам – евразийской и азиатско-американской, отдельно рассматривались айны и шорцы, систематическое положение которых дискутируется. Докладчик убедительно, с нашей точки зрения, показала тенденцию к различиям в коэффициентах корреляции между двумя большими расами. Далее позволим себе процитировать автора: «Европеоиды чаще имели более высокие коэффициенты корреляции между размерами лицевого и мозгового отделов, чем монголоиды. Также в европеоидных группах прослеживалась зависимость величины коэффициентов корреляции от величины размеров, на основе которых эти коэффициенты корреляции рассчитаны. В монголоидных группах связь между коэффициентами корреляции и размерами чаще всего не наблюдалась». Серьезное профессиональное исследование, основанное на значительном материале, должно было стать резонансным. Но доклад прошел почти без реакции со стороны слушателей, возможно из-за практически отсутствия краниологов старшего поколения в зале и профессио-

нальной неподготовленности младшего поколения. Между тем, публикация результатов этого исследования внесет новое слово в теорию расоведения и коррективы в практику многомерных анализов краниологических исследований.

Изучению краниологического материала плохой сохранности посвящен доклад *Абрамовой Александры Николаевны* (ВолГУ, Волгоград) «Изменчивость лобно-теменной области черепа у античного населения Таманского полуострова». Материал был представлен неполными мозговыми коробками (главным образом лобно-теменной областью) из грунтового могильника V–III в. до н.э. Автор исследования поставила перед собой задачу показать, что плохая сохранность скелетов не должна быть поводом для отказа от краниологического исследования. Ограниченный набор признаков заставил исследователя работать с их парами, в том числе в виде указателей. Для визуализации межгрупповой изменчивости по узкому набору признаков были построены бивариантные графики по таксономически значимым признакам и указателям, имеющие биологический смысл. Изучив различные краниологические серии, опубликованные разными авторами, с помощью бивариантных графиков, используя только указатели лобно-теменного отдела автор пришел к следующим выводам: 1) данная область является достаточно информативной, имеющей хороший группово-разграничительный потенциал для изучения черепов плохой сохранности; 2) межгрупповой анализ изучаемого могильника Волна 1 с другими краниологическими сериями раннего железного века юго-восточной части Европы показал, что, по тем усеченным наборам признаков, что были доступны, наиболее близкими оказались серии из некрополя Фанагории, а также Кобяковского могильника; 3) Кроме того, было выяснено, хотя это и не было поставлено в первоначальных задачах исследования, что исследованная ранее автором серия меотских черепов из безинвентарных погребений могильника Старокорсунского городища №2, значительно отличается от черепов, происходящих из погребений с инвентарем. Видимо, отличие обряда связано с некой группой населения, отличной от других в социальном или культурном отношении, что привело к сегментации популяционной структуры. Данный вывод в дальнейшем будет проверен по более широкому набору признаков. Вся проведенная работа показывает, что плохая сохранность черепов и отсутствие лицевого отдела не должно являться поводом для отказа от краниометрического исследования.

Доклад *Вагнер-Сапухиной Елены Андреевны* (МГУ, Москва) «О составе остеофенетической программы и возможностях поиска дополнительных признаков» освещает новую для русскоязычного информационного пространства систему дискретно-варирующих признаков посткраниального скелета. Главный акцент был сделан на анализе тенденций, существующих в зарубежной литературе по изучению ДВП на посткраниальном скелете. Был выделен ряд существующих проблем, таких как недостаточность исследования популяций по данной системе, продолжающиеся выделения морф того или иного признака, недоказанность природы происхождения большинства признаков, различия у авторов в учете и подсчете при дальнейшей обработке признаков. В прекрасной информативной презентации своих первичных исследований по данной теме автором доклада были представлены новые яркие дискретно-варирующие признаки. В своем докладе автор исследования доказывает открытость системы и необходимость расширения остеофенетической программы. Что чрезвычайно важно в рамках настоящей конференции, посвященной в известной мере «смычке» генетики и морфологии, это осознание необходимости выработки нового механизма разработки

данной системы в рамках популяционно-генетического подхода. Таким образом, популяционно-генетический подход в рассмотрении антропологических проблем может и должен осуществляться не обязательно на молекулярном уровне.

Последний доклад на дневном заседании был прочитан *Южаковой Алёной Владимировной* (ИЭА РАН, Москва) «Палеодемография старожильческого населения Омского Прииртышья XVII–XVIII вв.». В докладе автор сделала упор на критику применения таблиц дожития (или смертности) для реконструкции основных демографических характеристик, характерного для большинства палеодемографических работ. Был показан ряд методических несоответствий и предложено искать пути выхода из сложившейся ситуации, а именно обратиться к методам современной демографии. При анализе демографических показателей первопоселенцев Сибири по материалам могильника Изюк – 1 применялись следующие базовые демографические показатели: соотношение полов, размер дорепродуктивной части популяции, размер репродуктивной части популяции, размер первого репродуктивного поколения, размер пострепродуктивной части популяции и соотношение полов в этой части популяции, средний возраст смерти мужчин и женщин в группе, без учета детской смертности. В результате сравнительного анализа между группами русских из городских и сельских кладбищ по основным демографическим показателям было установлено, что изучаемая выборка является приемлемой для изучения и отражения палеодемографических процессов, протекавших на территории лесостепного Прииртышья в XVII–XVIII вв. Судя по вопросам и комментариям к докладу, автором верно была определена общая ситуация с палеодемографическими исследованиями в антропологии: «Палеодемография и в целом палеодемографические исследования являются достаточно сложными и отличаются рядом специфических особенностей. Несмотря на большое число работ по этой тематике в данном направлении исследования имеют методические несоответствия, которые нужно устранять, а также определенные пробелы, нуждающиеся в разработке».

На вечернем заседании в этот день было прослушано четыре доклада. *Лукьяновой Еленой Николаевной* (ИОГен РАН, Москва) был прочитан доклад «Методы широкого спектра анализа – ADMIXTURE и IBD – на примере данных по Северной Евразии». Оба эти метода используются для установления структуры популяции. Однако, математические модели и алгоритмы, лежащие в основе этих двух методов, различные. В докладе на примере данных по Северной Евразии были проанализированы возможности и ограничения обоих методов, а также их сходство и различия на основании полученных результатов. В популяционной генетике, утверждает автор доклада, не существует одного какого-то анализа, который позволил бы со 100% вероятностью подтвердить или опровергнуть тот или иной факт. Однако, высокая достоверность результатов может быть достигнута с помощью их подтверждения несколькими принципиально разными методами. Доклад был очень интересный, но он никак не пересекался с данными морфологического изучения рассмотренных популяций.

Романов Алексей Геннадьевич (МГНЦ, Москва) обсуждал в своем докладе «Связь фамилий и Y-хромосомы». В ходе проделанной работы были изучены гаплотипы Y-хромосомы групп однофамильцев – носителей русских фамилий. Был определен процент родственников среди однофамильцев и создана формула для расчета коэффициента монофилетичности фамилии. Данные показали, что около половины однофамильцев являются родственниками. Также была создана электронная база

данных русских фамилий, в которой лингвистами выделены фамилии различного происхождения: общеславянские, украинские, белорусские, русские. На основе этой базы данных были созданы карты распространения фамилий, иллюстрирующие возможные влияния со стороны данных народов на русский генофонд.

Второй доклад на ту же тему был сделан *Остроуховой Ириной Олеговной* (КемГУ, Кемерово) «Следы межэтнических контактов в фонде фамилий современных тюркоязычных народов Западной Сибири». Были доложены результаты исследования современного фонда фамилий коренного населения Томской области – чатов, эуштинцев, Кемеровской области – бачатских телеутов, татар-калмаков, а также потомков татар-переселенцев из Волго-Уральского региона – колыонских татар (Ижморский район). Источником информации послужили книги похозяйственного учета сельского населения. Суммарный объем собранной информации – 472 фамилии у 2973 носителей. Был изучен ряд параметров, характеризующих уровень инбридинга (I_r , F_{st}), разнообразие фамильного состава (α) и миграционную активность (v) населения. Показатели инбридинга оказались максимальными в популяции колыонских татар ($I_r=0.030$, $F_{st}=0.0011$), миграционная активность – у татар-эуштинцев ($v=0.111$), а спектр фамилий наиболее разнообразен у чатов ($\alpha=67.42$). На основе анализа двух показателей – коэффициента родства по изонимии (R_i) и генетических расстояний (d) – описано сходство и отличие томских татар (чатов и эуштинцев), колыонских татар и бачатских телеутов. Исследование подтвердило информативность фонда фамилий тюркоязычных народов Западной Сибири в области популяционной и демографической генетики. Две группы томских татар – чаты и эуштинцы – находятся в процессе смешения друг с другом, а также с татарами-переселенцами из Волго-Уральского региона. Связи с телеутами, которые в исторической ретроспективе внесли вклад в формирование томских татар на протяжении последних поколений, по всей видимости, не столь интенсивны. Фонд фамилий исследованных сибирских народов хранит историю их контактов, подтверждая данные историков, этнографов и лингвистов – делает вывод автор доклада. Прекрасный информативный и очень интересный доклад, рисующий нам этническую историю сложения сибирских татар. Жаль только, что автор никаким образом не ищет коннексии своих выводов с выводами, основанными на данных физической антропологии.

В докладе *Мefeldьевой Анны Юрьевны* (СГСПУ, Самара) «Антропологическая характеристика населения г. Самара XVIII–XIX вв. (по материалам некрополя Всесвятский)» были представлены краниометрические и остеометрические данные, а также патологическая характеристика останков. Автор диагностировал европеоидный облик населения. Был вычислен «рост» погребенных, который входит в средние значения синхронных памятников XVIII–XIX вв. Среди отмеченных патологий наиболее часто встречаемые – заболевания соединений костей, что скорее всего связано с инволютивными процессами. К сожалению, доклад, был малоинформативен и вызвал лишь несколько мелких замечаний по поводу вычисления «роста» погребенных, который было бы грамотнее называть «длиной тела».

Смирнов Аскольд Владиславович (РУДН, Москва) сделал доклад на тему «Определение соматотипа мужчин по остеометрическим признакам скелетированных ключиц и длинных трубчатых костей конечностей». Доклад вызвал достаточно резкую критику. Внимание автора прежде всего было обращено на неверное понимание термина «соматотип», который является комплексной биологической характеристи-

кой, учитывающей не только степень развития скелета, но и жировой и мускульной компоненты и др. Непрофессиональным выглядит и использование таких словосочетаний как «остеометрические признаки костей», «скелетированные ключицы», «скелетированные длинные кости», что указывает на отсутствие соответствующей профессиональной среды, общаясь в которой докладчик мог бы выправить и свою антропологическую лексику. И вновь ряд вопросов хотелось переадресовать научному руководителю докладчика, который на конференции не присутствовал.

Еще один генетический доклад был доложен *Кагазежевой Жанетой Аслановой* (ИОГен, МГНЦ) «Реконструкция генофонда убыхов по данным о полиморфизме Y-хромосомы». 150 лет назад в результате Кавказской войны и перспектив переселения на равнину произошел массовый исход убыхов (народ абхазо-адыгской языковой семьи) со своей территории на черноморском побережье Кавказа в Турцию. В настоящее время убыхи полностью ассимилированы и утратили свой язык. Были исследованы 31 человек убыхов. В генофонде убыхов выявлены две мажорные гаплогруппы: G2a (до 50%), характерная для Западного Кавказа и общеевразийская гаплогруппа R1a (до 20%). Проведенные статистические анализы показали наибольшую близость в генетическом плане к популяциям адыгов (в особенности прикубанских шапсугов) и отдаленность от абхазов. Надо сказать, что эти результаты хорошо согласуются с данными этнологии. Шапсуги были их непосредственными соседями на западе, а также существуют подтверждения, что некоторые общества убыхов причисляли себя к адыгам или черкесам.

И последний доклад коллектива авторов *Харламовой Натальи Владимировны* (ИЭА РАН, Москва), *Шведчиковой Татьяны Юрьевны* (ИА РАН, Москва), *Расказовой Анны Владимировны* (ИЭА РАН, Москва) и *Свиркиной Натальи Геннадиевны* (ИА РАН, Москва) «Изучение средневекового населения Абхазского царства на примере раскопок храма у с. Веселое» был посвящен результатами комплексного антропологического исследования костных останков, полученных при раскопках уникального архитектурного памятника IX–XI вв. – византийского храма у с. Веселое, расположенного в Адлерском районе Большого Сочи Краснодарского края, в междуречье Мзымты и Псоу. Авторы пришли к выводу о разнородном составе населения изученного памятника. По краниологии и анализу изотопов стронция выделяются группы «пришлого» и «местного» населения, кроме того, суммарная группа по краниологическим данным в целом близка к адыгским группам X–XII вв.; данные одонтологии отмечают близость с современными абхазами; изотопный анализ (C и N) указывает на просо как на традиционную пищу изученного населения. Хорошее добротное исследование хорошо доложенное и завершило программу докладов молодых ученых

Общее впечатление о тематике докладов

К сожалению, придется отметить, что классические антропологические исследования современного населения нашей огромной страны, с ее многочисленным и разнообразным этническим и расовым составом, практически сходят на нет. Безусловно, для этого – масса причин, объективных и субъективных. На этом пустынном поле отрадно выглядят результаты исследований по расовой соматологии населения Чили, Амурских эвенков и дерматоглифике чувашей. Удивляет отсутствие одонто-

логических работ (исключение – доклад Харламовой Н.В.) – этого прекрасно себя зарекомендовавшего направления, к которому все чаще прибегают в комплексных палеоантропологических исследованиях. К тому же, именно одонтологические признаки, являющиеся в большинстве случаев фенами, помогают перекинуть мостик между морфологией и популяционной генетикой. В этом плане весьма перспективен поиск, как мы уже отмечали, дискретно варьирующих признаков (ДВП) на посткраниальном скелете.

С прискорбием должны отметить низкий уровень многих палеоантропологических работ. В настоящее время, в связи с широко развернувшимися археологическими работами в зоне новостроек, большие массивы палеоантропологического материала стали доступны для исследователей; между тем, на нашей конференции работы такого плана были единичны и беспомощны. Среди них выделяется междисциплинарным подходом к изучению одной серии (археология, краниология, одонтология, микроэлементный анализ) доклад группы исследователей из двух крупных научных центров Москвы: ИЭА РАН и ИА РАН. Удивляет также отсутствие докладов по биоархеологической тематике. Учитывая тесную связь палеогенетики с археологией и лингвистикой, совершенно непонятно отсутствие подобных докладов на конференции, посвященной «смычке» генетики и антропологии. Следует отметить также незначительную представленность докладов по возрастной, конституциональной и спортивной антропологии. Между тем, мы рады видеть среди участников исследователей по возрастной и конституциональной морфологии, которые довольно успешно выступают на различных конференциях, в частности – в Минске. Хочется отметить, что молодые исследователи из ИОГен РАН и МГНЦ как всегда выступили успешно, их исследования отличаются аргументированностью выводов, их презентации – наглядностью, но хотелось бы сопоставления представленных результатов исследований с уже вошедшими в научный обиход гипотезами расо- и этногенеза изучаемых народов. Это замечание имеет непосредственное отношение к теме Круглого стола, на котором бурно обсуждалось как мы (генетики и антропологи) слышим и понимаем друг друга. Безусловно, должна существовать и обратная связь. Исследователи старших поколений, занимающиеся проблемами локальных расо- и этногенезов, охотно прибегают к данным молекулярной генетики для подтверждения своих гипотез, среди молодого поколения нами такая тенденция не наблюдается. Отражает ли программа конференции тенденции интересов молодого поколения? Вряд ли. До сих пор существуют межведомственные барьеры, влияющие на научные и личностные взаимоотношения. К сожалению, невозможность оплатить проезд и проживание участникам конференции снижает представительность различных антропологических центров. Отсутствует заинтересованность коллег старших поколений в представлении своих младших коллег (которые часто в силу неуверенности и скромности боятся о себе заявить) антропологическому сообществу. Опять-таки должны отметить формальное отношение (равнодушие, безразличие?) кураторов и руководителей некоторых докладов, представленных молодыми и неопытными людьми. Из-за чего последние испытали несколько неприятных минут.

Мы очень надеемся, что эти моменты будут каким-то образом преодолены, и ждем молодых исследователей на очередную, уже пятую ежегодную конференцию молодых ученых 25–27 марта 2019 года. Уверены, что будет интересно и полезно.

Благодарности

Нам кажется, что конференция удалась. Было интересно. Мы научились, если не понимать друг друга, то хотя бы слушать и слышать. Это первый опыт подобного научного общения. Оргкомитет, в том числе авторы настоящего сообщения, выражают благодарность сотрудникам Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН за предоставление площадки для проведения конференции и помощь в организации, а также молодым участникам этого мероприятия и коллегам старшего поколения, принявшим активное участие в работе Конференции и Круглого стола.

M.M. Gerasimova, N.A. Lejbova, A.V. Yuzhakova. 4th Junior Anthropological Conference (Moscow, April 25th–27th, 2018): results and reflections.

The article gives the detailed analysis of the reports presented at the annual 4th Junior Anthropological Conference «Relevant Issues in Physical Anthropology: continuity and new approaches». Besides, the article contains some considerations about the path of the development of the anthropological science because the future of science depends on young researchers.

Key words: *physical anthropology, genetics, conference.*

CONTENT

Crimean antiquities

<i>A.V. Ivanov.</i> On the history of anthropological study of the Tatars of the Crimean peninsula	5
<i>S.V. Vasilev.</i> To the craniology of the Crimean Tatars	27
<i>S.B. Boroutskaya.</i> Paleogeographic study of the Crimean Tatar necropolis Bakhchi-Eli of XIX–XX centuries	34

Foreign research

<i>M.Yu. Martynova.</i> Ethnocultural processes in the Republic of Srpska nowadays	41
<i>O.D. Fais.</i> Restaurants as scientific research centers for study and conservation of traditional food culture: the new experimental experience of Sicily	62
<i>Sorokina E.A.</i> Some realities of modern social and cultural life in Sweden.	76

Anthropological mosaic

<i>V.K. Malkova.</i> The concept of Shame in contemporary Russian society and in the Media	83
<i>N.A. Belova.</i> Professional identity of the Soviet teacher (part I)	104
<i>D.A. Dronova, Ju.N. Fedenok</i> Socio-cultural aspects of disability in the modern Russian city (Kazan)	112

Наука – высшей школе

<i>S.V. Cheshko.</i> A Project of a textbook «Ethnic Anthropology»	124
<i>M.M. Gerasimova, N.A. Lejbova, A.V. Yuzhakova.</i> 4th Junior Anthropological Conference (Moscow, April 25th–27th, 2018): results and reflections.	134
Contents	147
Our Authors	148
Правила оформления статей	149

OUR AUTHORS

Natalia Belova – Institute of Ethnology and anthropology RAS. E-mail: natale4ka@inbox.ru.

Borutzky Svetlana Borisovna – Moscow State University. E-mail: vasbor1@yandex.ru.

Sergey Cheshko – Institute of Ethnology and anthropology RAS. E-mail: ieamoscow@mail.ru.

Daria Dronova – Institute of Ethnology and anthropology RAS. mail: dariadronova@yandex.ru

Oksana Fais – Institute of Ethnology and anthropology RAS. E-mail: oxana-fais@yandex.ru.

Yulia Fedunok – Institute of Ethnology and anthropology RAS. E-mail: fedunok@list.ru;

Margarita Gerasimova – Institute of Ethnology and anthropology RAS. E-mail: gerasimova.margarita@gmail.com.

Aleksey Ivanov – Institute of archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences. E-mail: ivav@yandex.ru.

Natalia Leibova – Institute of Ethnology and anthropology. E-mail: nsuvorova@mail.ru.

Vera Malkova – Institute of Ethnology and anthropology RAS. E-mail: veramalk@mail.ru.

Marina Martynova – Institute of Ethnology and anthropology RAS. E-mail: martynova@iea.ras.ru.

Elena Sorokina, Institute of Ethnology and anthropology RAS. E-mail: 119019@mail.ru.

Sergey Vasiliev – Institute of Ethnology and anthropology of RAS. E-mail: vasbor1@yandex.ru.

Alena Yuzhakova – Tomsk state University. E-mail: ejara.ru@mail.ru.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ (АВТОРАМ)

Авторы представляют файл, набранный в редакторе MS Word в формате DOC, шрифтом Times New Roman (кегель – 12) через два интервала, с нумерацией страниц. **Рекомендуемый объем статей – до 60 тыс. знаков с пробелами, рецензий – до 15 тыс. знаков с пробелами, обзоров литературы – до 30 тыс. знаков с пробелами, сообщений о научной жизни (конгрессы, конференции и т.п.) – до 10 тыс. знаков с пробелами.**

На титульной странице помещаются *Ф.И.О.* автора, название статьи, сведения об авторе (место работы, должность, ученая степень, домашний адрес, контактные телефоны, адрес эл. почты), подпись автора. Прилагаются краткое резюме (до 300 слов) и ключевые слова (5–7) на русском и английском языках. Название статьи указывается также на первой странице текста – фамилия автора здесь не указывается, чтобы обеспечить чистоту рецензирования.

1. Правила оформления ссылок на источники и списков литературы на русском и английском языках

1.1. Рукопись должна иметь списки литературы на русском и английском (**References**) языках, имеющие сквозную нумерацию. Каждый источник в соответствующем списке литературы нумеруется последовательно, в порядке очередности появления концевой ссылки на него в тексте.

1.2. В список литературы должны быть включены все источники, использованные при подготовке рукописи. Общее количество источников не должно превышать 20 наименований.

1.3. Обращаем Ваше внимание, что теперь сноски-комментарии авторов постраничные. На одной странице должно быть не более 4 сносок, ранее сноски были концевыми.

1.4. Постраничные ссылки используются только для авторских примечаний, комментариев, добавлений и т.д. При этом для постраничных ссылок действуют следующие правила оформления: фамилия и инициалы автора выделяются курсивом, между инициалами не должно быть пробела, перед местом и годом издания, а также перед указанием тома, номера издания и страницы тире не ставится. Название издательства не указывается. После года издания ставится точка, количество страниц не указывается. Для Интернет-источников перед адресом страницы в Сети Интернет дается соответствующее указание «URL:», а после в скобках – дата обращения (при наличии). Шрифт – Times New Roman, кегель – 10, через 1 интервал, нумерация – сквозная.

НАПРИМЕР:

¹ См.: Вестник антропологии, 2017. № 3. С. 46–47.

² Лисин приписывал себе все те страдания, которые были описаны К. Селивановым в его «Страдах». Автор Б.Б. Мудрые мысли великих людей. М., 2015. С. 33.

³ Православные говорят «Христос воскрес» только в период от Пасхи до Вознесения. Скопцы говорили эти слова в неурочное время, поскольку относили их к свершившемуся явлению (воскресению) Искупителя, а не И. Христа.

1.5. Концевые ссылки на источники и литературу в тексте, а также в таблицах и подрисуночных подписях обозначаются арабскими цифрами в квадратных скобках [1], при необходимости после двоеточия указывается конкретная страница/страницы, откуда взята цитата [1: 3], [1: 3–4], [1: 3, 7], а в случае с многотомными изданиями – номер тома римскими цифрами [1: IV, 3–4]. Если ссылка относится к двум и более источникам, то номера указываются по порядку в квадратных скобках через точку с запятой [1; 2; 3] и т.д. Какие-либо сокращения («с.», «стр.», «т.» и т.д.) или вводные обозначения («см.», «например» и им подобные) внутри квадратных скобок не ставятся.

1.6. В списке литературы на русском языке при оформлении ссылок на книги (индивидуальные и коллективные монографии) должны быть указаны фамилия и инициалы автора (авторов) БОЛЬШЕ НЕ ДАЕМ КУРСИВОМ, КУРСИВОМ ВЫДЕЛЯЕМ НАЗВАНИЕ КНИГИ, место издания (без сокращений), название издательства (без кавычек), год издания, общее количество страниц (без тире перед цифрами). При оформлении ссылок на коллективные монографии указывается ответственный редактор (составитель). При оформлении ссылок на диссертации и авторефераты диссертаций используются общепринятые сокращения.

НАПРИМЕР:

1. Автор А.А. *Название книги*. Москва: Название издательства, 1996. 307 с.
2. Автор Б.Б., Автор С.С. *Название монографии*. Москва: Название издательства, 2015. 505 с.
3. Автор Д.Д., Автор Е.Е., отв. ред. *Название коллективной монографии*. Москва: Название издательства, 2010. 123 с.
4. *Название коллективной монографии*. Санкт-Петербург: Название издательства, 1999. 189 с.
5. Автор И.И. *Название диссертации*. Дисс. докт. полит. наук. Москва, 2013. 160 с.

1.7. При оформлении ссылок на статьи, опубликованные в научных журналах, указываются фамилия и инициалы автора (авторов), название статьи, название журнала (курсивом), год издания, том и номер, диапазон страниц. Для интернет-публикаций указывается также электронный адрес и дата обращения (при наличии). Если источник имеет DOI, то его следует указать в конце библиографического описания.

НАПРИМЕР:

1. Автор А.А. Название статьи. *Название научного журнала*, 2015. № 7 (50). С. 49–58.

2. Автор Б.Б. Название статьи. *Название научного журнала*, 2011. Т. 12. № 6. С. 15–23. DOI: 10.2118/1010-0030-JPT.

3. Автор С.С. Название статьи. *Название электронного научного журнала*. Доступ: <http://scientificjournal.shtml> (дата обращения: 14.01.2017).

1.8. При оформлении ссылок на публикации в сборниках статей (материалов конференций) или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, указываются фамилия и инициалы автора, название статьи, название сборника или серии, место издания, издательство, год издания, диапазон страниц. Для интернет-публикаций указывается также электронный адрес и дата обращения (при наличии).

НАПРИМЕР:

1. Автор А.А. Название статьи. *Название сборника статей*. Вып. 2011 г. Москва: Название издательства, 2011. С. 324–335.

2. Автор Б.Б. Название статьи. *Название сборника статей*. Ч. 5. 2016 г. Москва: Название издательства, 2017. С. 111–155.

3. Автор С.С. Название статьи (доклада). *Название конференции. Материалы Международной научно-практической конференции «Название конференции»*. Москва: Название издательства, 2013. С. 65–78.

4. Автор В.В. Название статьи. *Название сборника статей*. Доступ: <http://scientificbigjournal.shtml> (дата обращения: 14.01.2017).

1.9. В англоязычном списке литературы (**References**) вся информация о каждом источнике на русском языке должна быть транслитерирована на латиницу в соответствии с правилами транслитерации (по стандарту BSI). Далее в обычных скобках на английском языке указывается, что данный источник является русскоязычным (**In Russ.**). Далее в квадратных скобках следует дать перевод всей информации об источнике в соответствии с правилами английского языка.

НАПРИМЕР:

1. Avtor A.A. *Nazvanie knigi*. Moscow, Nazvanie izdatel'stva, 1996. 307 p. (In Russ.) [Author A.A. *The name of the book*. Moscow: The name of publishing house, 1996. 307 p.]

2. Avtor D.D., Avtor C.C., otv. red. *Nazvanie kollektivnoi monografii*. Moscow: Nazvanie izdatel'stva, 2010. 123 p. (In Russ.) [Author D.D., Author C.C., eds. *The name of the book*. Moscow, The name of publishing house, 2010. 123 p.]

3. Avtor I.I. *Nazvanie dissertatsii*. Diss. dokt. polit. nauk. Moscow, 2013. 160 p. (In Russ.) [Author I.I. *The name of the thesis*. Dr. Diss. (Polit.). Moscow, 2013. 160 p.]

4. Avtor B.B. Nazvanie stat'i. *Nazvanie nauchnogo zhurnala*, 2015. № 7 (50), pp. 49–58. (In Russ.) [Author B.B. The name of the article. *The name of the scientific journal*, 2015, no. 5 (50), pp. 49–58.]

5. Avtor N.N. Nazvanie stat'i. *Nazvanie nauchnogo zhurnala*, 2011. Т. 12.

№ 6, pp. 15–23. (In Russ.) DOI: 10.2118/1010-0030-JPT. [Author N.N. The name of the article. *The name of the scientific journal*, 2011. Vol. 12. No. 6, pp. 15–23. DOI: 10.2118/1010-0030-JPT.]

6. Avtor S.S. Nazvanie stat'i. *Nazvanie elektronnoy nauchnoy zhurnala*. Dostup: <http://scientificbigjournal.shtml> (data obrashcheniya: 14.01.2017). (In Russ.) [Author S.S. The name of the article. *The name of the scientific web-journal*. Available at: <http://scientificbigjournal.shtml> (accessed 14.01.2017).]

1.10. В англоязычном списке литературы (References) при оформлении ссылок на переводные (на русский язык) источники следует приводить их оригинальное название и написание фамилии иностранного автора (авторов).

НАПРИМЕР:

1. Author A.A. *The title of the book*. New York, The name of publishing house, 2017. 345 p.
2. Author B.B. The title of the article. *The Name of Journal*, 2016, December 12, p. 89.
3. *United Nations today*. Available at: <http://www.un.org/index.html> (accessed 02.06.2015).

1.11. Правила транслитерации в соответствии с требованиями стандарта BSI:

Буквы русского алфавита	Транслитерация по стандарту BSI	Буквы русского алфавита	Транслитерация по стандарту BSI
А а	A a	Р р	R r
Б б	B b	С с	S s
В в	V v	Т т	T t
Г г	G g	У у	U u
Д д	D d	Ф ф	F f
Е е	E e	Х х	Kh kh
Ё ё	E e	Ц ц	Ts ts
Ж ж	Zh zh	Ч ч	Ch ch
З з	Z z	Ш ш	Sh sh
И и	I i	Щ щ	Shch shch
Й й	I i	Ъ ъ	"" "
К к	K k	Ы ы	Y y
Л л	L l	Ь ь	" "
М м	M m	Э э	E e
Н н	N n	Ю ю	Yu yu
О о	O o	Я я	Ya ya
П п	P p		

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

2018. № 4 (44)

HERALD OF ANTHROPOLOGY

2018. № 4 (44)

Выпускающий редактор по этнологии – Н.А. Белова

Выпускающий редактор по физической антропологии – О.М. Григорьева

Редактор – Т.Н. Самарина

Компьютерная верстка – Н.А. Белова

Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова

Поддержка сайта – Н.В. Хохлов

Подписано к печати 25.12.2018

Формат 70 x 108/16. Уч.-изд. л. 11,3

Тираж 500 экз. Заказ № 155

Участок множительной техники

Института этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Начальник участка – В.М. Маршанов

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А